

63.5(2)(23)

19 том

Ходжа Мухаммед Салих Бабаджанов

Этнография казахов
Букеевской Орды

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
Б-12

Кітапхана 2005 ж. негізделген.

Редакция алқасы:

Арын Е.М., Смағұлов О.С., Әжіғали С.Е.,
Шалексенов У.Х., Телеубаев Ә.Т.,
Артықбаев Ж.О. (жауапты редактор),

Пікір білдірушілер:

Сейдімбек А.С., Шаханова Н.Ж.

Бабажанов М.К.

Б-12 Бөкей Ордасы қазақтарының этнографиясы. 2-ші бас. толық. – Астана: «Алтын кітап», 2007, - 221 б. – (Қазақ этнографиясының кітапханасы, 19-шы том).

ISBN 9965-869-14-6

«Қазақ этнографиясының кітапханасы» сериясының бұл томына, белгілі этнограф, Бөкей ордасының тумасы Қожа Мұхаммед Салық Бабажановтың Бөкей Орда қазақтарының этнографиясы бойынша еңбектері мен Бөкей Ордасына қатысты құнды құжат материалдар енді. Ғалымдар үшін де, әрі оқытушылар мен студенттерге және қазақ тарихы мен этнографиясына қызығатын қошпиін сүйер қауымға арналады.

Қорқыт Ата атындағы
Қызылорда Мемлекеттік
Университеті

Бірінші басылым 2006 ж. жарық көрген.

КІТАПХАНА

№ 570544

ISBN 9965-869-14-6
0503020905
Б 00(05)-07

© Артықбаев Ж.О., Сабданскова Ә.Ә.
комментарилер, 2006
© С. Торайғыров ат. ПМУ, 2006
© «Алтын кітап», белендіру, 2007

63.5 (2кз3)

Б 12

Библиотека казахской этнографии

Ходжа Мухаммед Салих Бабаджаиов

**Этнография казахов
Букеевской Орды**

2-е издание, дополненное

Астана
«Алтын кітап»
2007

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
Б-12

Библиотека основана в 2005 г.

Редакционная коллегия:

Арын Е.М., Исмагулов О.И., Ажигали С.Е.,
Шалекенов У.Х., Толеубаев А.Т.,
Артыкбаев Ж.О. (ответственный редактор),

Рецензенты:

Сейдимбек А.С., Шаханова Н.Ж.

М.К. Бабаджанов

Б-12 Этнография казахов Букеевской Орды.
2-е изд. доп. – Астана: «Алтын кітап», 2007, –
221 с. – (Библиотека казахской этнографии,
том 19).

ISBN 9965-869-14-6

В данный том из серии «Библиотека казахской этнографии» вошли труды по этнографии казахов Букеевской Орды и документальные материалы, связанные с историей Букеевской Орды, известного исследователя-этнографа, уроженца Букеевской Орды Ходжы Мухаммед Салиха Бабаджанова. Представленные в этой книге материалы известного исследователя представляют большую научную ценность и предназначены как для ученых, преподавателей и студентов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и этнографией казахского народа.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

1-ое издание вышло в 2006 г.

ISBN 9965-869-14-6

0503020905
Б 00(05)-07

- © Артыкбаев Ж.О., Сабланбасова А.А. комситарн, 2006
- © ПГУ им. С. Торайгырова, 2006
- © «Алтын кітап», оформление, 2007

Ходжа Мухаммед Салих Бабаджанов

**ЗАБЫТЫЙ ЭТНОГРАФ ИЗ
НАРЫН-ПЕСКОВ**

Мои родители жили в маленьком пристанционном поселке Шунгай Урдинского района Уральской области. Я учился в школе, где учителем был высокий, худой, с интеллигентным лицом немолодой казах, почти старик. Звали мы его мугалим-ака.

Наши школьные принадлежности – это глобус и ученические счеты. Несомненно для меня то, что мугалим-ака заронил в мою детскую душу любознательность к физической географии, истории географических открытий, запискам путешественников, климатологии, жизни растений и животного мира. От него я впервые услышал имя ходжи Салиха Бабаджанова, нашего земляка, который изучал родные степи. Слово «ходжа» было окутано ореолом таинственности, мудрости и сразу мне запомнилось. Мой товарищ Савмын Рамазанов дал мне почитать книгу о каменной статуе, найденной в песках Ханской ставки. Статья об этой статуе была написана ходжой Бабаджановым. В прочитанной книге описывались знакомые, близкие мне места. Тогда я впервые понял, что можно интересно описывать казалось бы неинтересные предметы, обыденные вещи, скучные виды степи. Эти книги заронили постоянный интерес к путешествиям, истории, географии.

К этому времени я узнал, что мугалим-ака в Букеевской орде был некогда известен своей ученостью, у него было много книг и весь свой досуг он проводил за чтением. В молодости об-

щался с учеными – казахами, татарами, русскими. От Рамазанова я узнал, что он был репрессирован и вскоре скончался, а эти две книги – из его собрания. А сейчас я думаю о книгах мугалима Салиха Бабалджанова? Мугалим-ака вполне мог быть в родственных с ним отношениях и унаследовать его библиотеку. То, что Бабалджанов имел издания Русского географического общества за 50-60 годы прошлого века, вне сомнения: автору выслали обязательно экземпляры. Между годом смерти Бабалджанова и чтением книг географического общества мугалим-акой в подготовительном классе прошло около 65 лет. Срок не такой уж большой для жизни книг, дорогих воспоминаниями об уважаемом ходже Бабалджанове.

Книги, статьи ходжи Бабалджанова и неизвестного мне до сих пор автора статьи «Гора Богдо» будоражили мой мальчишеский ум.

А Бабалджанов занимал воображение, позднее я стал обращаться к старым изданиям Географического общества, в архив, к не менее старым делам канцелярской переписки чиновников Букеевской орды с властями Оренбургского генерал-губернаторства. Находил скучные строки с упоминанием Бабалджанова. Может быть, кто-то из потомков Бабалджанова хранит семейные реликвии и предания, связанные с их интересным предком? Но где их искать? Единственный путь познания - книги и архив. Я долго шел этим путем, и он привел меня в 1970 году к написанию краткого, точное, эскизного очерка

о Бабалджанове. За последующие 20 лет объем знаний о жизни и деятельности С. Бабалджанова заметно увеличился. И теперь я имею возможность составить более подробный, но все же далекий от желаемой полноты биографический очерк. В его составлении существенную помощь оказал мне мой молодой друг, этнограф по образованию Нурбулат Масанов. А у него интерес к Бабалджанову наследственный. Его покойный отец – известный ученый этнограф Эдиге Масанов, впервые дал библиографическую справку о Бабалджанове. Обоим, отцу и сыну, я весьма признателен. Первому - за то, что он пробудил интерес к жизни Бабалджанова, второму - за конкретную помощь, выразившуюся в предоставлении мне ряда архивных документов, касающихся Салиха Карауловича, и фотокопии его статьи о кумысе.

В 60-х гг. прошлого века в столичных газетах и «Записках Русского географического общества» появились корреспонденции за подписью никому неизвестного автора ходжи Мухаммеда-Салиха Бабалджанова. По содержанию статей было понятно, что место постоянного жительства автора – Ханская Ставка. Статьи и заметки касались этнографии, археологии и быта казахов Букеевской орды. Они представляли большой познавательный интерес для читателя того времени, способствовали взаимопониманию русского и казахского народов. До последнего времени в современной историографии Казахстана упоминались только три-четыре статьи Бабалджанова, несомненно, представлявшие

научный интерес. О самом авторе было известно лишь то, что он работал переводчиком. В Центральном государственном архиве Республики хранятся «Формулярный список о служебном достоинстве Киргизской орды хорунжего Бабаджанова», «Дело об определении на службе в пограничную комиссию хорунжего Бабаджанова», «Прошение Бабаджанова об увольнении со службы» и «Дело об отправке депутации казахов в С.-Петербург». Эти документы, а также протоколы заседаний совета Русского географического общества и статьи Бабаджанова при комплексном их изучении позволяют получить некоторое представление о личности исследователя из Нарын-Песков.

Ходжа Мухаммед-Салих Караулович Бабаджанов родился в 1832 году в семье есаула Внутренней киргизской орды. Отец Салиха, стремясь дать образование детям, устроил их в русско-казахскую школу при Ханской ставке. Старшего сына Каббулсына посылает в только что открытый в Оренбурге Неплюевский кадетский корпус, что было невероятной смелостью для казаха того времени. В этот кадетский корпус поступает и одиннадцатилетний Салих. Его зачисляют на «азиатское отделение», где готовились переводчики, офицеры и чиновники для работы в административных учреждениях Казахской степи Оренбургского ведомства, которые должны были «способствовать сближению азиатов с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять краю просвещенных деятелей».

Любознательный кадет много читал, пользуясь относительно богатой библиотекой кадетского корпуса. Круг его книжных интересов - история и быт соотечественников урало-волжского междуречья со времен Хазарского каганата, им были прочитаны сочинения Карамзина, Голикова, Щербатова, Миллера, периодические издания географического и археологического обществ. Не упускал возможности просматривать газеты и столичные журналы. Хорошо знал «Капитанскую дочку» и «Историю Пугачевского бунта» Пушкина. Впоследствии читал труды своего непосредственного начальника В.В. Григорьева, который продолжительное время (1854-1862 гг.) занимал пост управляющего областью Оренбургских киргизов (казахов) и председателя Пограничной комиссии.

В июле 1851 года закончился шестилетний срок обучения в кадетском корпусе, Бабаджанова выпустили в чине Хорунжего.

В начале января 1852 года он прибыл в Оренбург по вызову областного правления для дачи присяги на верность правительственной службе и подал докладную записку председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору Ладыженскому: «Окончивши курс учения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, с согласия моих ближайших родственников я желаю служить под начальством Вашего превосходительства, чтобы более ознакомиться с делами орды под ближайшим надзором Вашим, и (поэтому осмеливаю покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства о

принятии меня на службу в Пограничную комиссию, во Временный стол по управлению Внутренней киргизской ордой с назначением мне, по благоусмотрению Вашему, какого-либо содержания). Ладыженский запросил Оренбургского генерал-губернатора о возможности принять Бабаджанова на какую-либо вакантную должность. Ему ответили, что вакансий нет. Но Пограничная комиссия может «по мере их усердия перемещать на чиновничьи вакансии», и его зачислили в канцелярию Пограничной комиссии сверх штата, без содержания, т.е. жалованья, до появления вакансии. Служба его была связана с делами письменных и устных сношений администрации Пограничной комиссии с казахскими султанами и биями.

Летом 1852 года в Ханской Ставке скончалась сестра Бабаджанова Халыме Салихе, бывшая женой покойного хана Джангера. Предстоял раздел имущества умершего хана. В связи с этим Бабаджанов просит отпуск для поездки в Букеевскую орду. Ему был предоставлен отпуск сроком на полгода. Но в связи с осложнениями при разделе наследства и необходимостью его присутствия отпуск продлился до конца июня 1853 года.

В Оренбурге Салих занимал отдельную квартиру, арендуемую у домовладельца. С ним подолгу жили мать и братья. В квартире постоянно гостили земляки, приезжавшие в Оренбург по торговым или служебным делам, он старался помочь родственникам - братьям, племяннику - устроиться на учебу или работу.

В 1854 году Бабаджанов был назначен на должность депутата первого округа приморских казахов. В связи с территориальными преобразованиями среди казахов Внутренней орды в 1855 году наблюдались волнения, разжигаемые нелепыми слухами. За участие в возмущении 1855 года были арестованы братья Бабаджанова - Мухамеджан и Султан Мустафа. После следствия они были признаны виновными «в распространении между киргизами Внутренней орды вредных слухов» и в административном «порядке вместе с семьями были высланы в восточную часть Зауральской орды. Вместе с братьями был арестован в Астрахани и сам Бабаджанов. Проведенное следствие не подтвердило подозрений в «подстрекательстве к возмущению». В квартире арестованного было отобрано много бумаг. При изучении их следователями «ничего, могущего компрометировать образ мыслей и действий его перед правительством, не нашлось».

По предложению председателя Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой полковника Герна, с согласия генерал-губернатора графа Перовского Бабаджанов был освобожден из-под ареста и вызван в Ханскую ставку. Стал работать в канцелярии Совета. Учитывая его хотя и не очень продолжительную работу в канцелярии Оренбургской Пограничной комиссии, руководством Совета назначило его на должность советника. В двадцать два года стать советником - это успех, и не малый. Но вскоре он подает прошение с ходатайством

о разрешении всем его родственникам и ему переселиться в восточную часть Зауральской орды к высланным туда братьям «для совместного проживания)..., чтобы сколько возможно утешить в горести их с семействами, а также разделить и средства свои к жизни на месте нового поселения.

Ходатайство его было удовлетворено: Салих вместе со своей матерью, Джамилей Пиралихановой, и мачехой, Улбиби Данисендовой, поехали в восточную часть Зауральской Орды к высланным братьям с целью предварительного ознакомления с тамошними условиями жизни и путями переезда от Нарын-Песков. По возвращении из поездки, «по положительным замечаниям и обстоятельствам своим», они пришли к выводу, что «переход в Зауральскую орду не принесет столько существенной и действительной выгоды, сколько одного неизбежного при оном разорения». Они пришли к выводу, что при перегоне погибнет много скота, а тот, кто все же дойдет благополучно до нового места обитания, обречен на гибель, так как не сумеет быстро приспособиться к иным природным условиям, по словам Салиха Карауловича, «по привычке к тамошнему местоположению и корму».

Здесь же, во Внутренней Орде, Бабаджановы за десятилетия жизни обзавелись необходимыми хозяйственными постройками. При переезде «должны будут остаться в заброшенном положении без всякой пользы по неимению покупателей». Бабаджановы поняли, что «на чуждой для нас стороне привелось бы терпеть

бедность». Поэтому они вновь запросили у начальства разрешение остаться на землях прежних кочевий.

По разрешению начальства Салих Караулович работает советником, живет в Ханской ставке. Часто и подолгу разъезжает по землям Внутренней орды, побывал в Саратове, Камышине, Астрахани, Черном Яре, Енотаевске. Во время поездок общается с чабанами и баями, купцами, чиновниками, солдатами и офицерами. К нему приезжали петербургские ученые. Последние писали о Букеевской орде, получая различные сведения у Бабаджанова. Но статьи случайных для степи людей были поверхностными. Это, вероятно, и заронило в нем мысль взяться за перо. Личное многолетнее знакомство с малоисследованной во всех отношениях территорией Внутренней, или Букеевской орды, глубокое знание психологии народа, условий жизни и быта, преданий и песен обязывали рассказать о своем народе, его истории. И вот, начиная с 1860 года, в газетах «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости» появляются одна за другой статьи «Заметки киргиза о киргизах», «Заметки киргиза о житье-бытье и участи его сородичей», «Апелляция киргиза к публике» и другие.

Толчком для дальнейшей писательской деятельности послужила поездка Бабаджанова в составе депутации в Петербург. Инструкции предусматривался следующий маршрут почтовым трактом: Симбирск – Арзамас – Нижний Новгород – Владимир, из Москвы поездом

доехали до Петербурга, где было осмотрено все, достойное любопытства - Эрмитаж, Арсенал, дворцы, Литейный завод, Монетный двор, Минералогический и Зоологический музеи, Публичная библиотека, Ботанический сад, Академия художеств, Стекольный завод и другие замечательные учреждения. По вечерам посещали театры, гуляли на островах, побывали в Кронштадте, Петергофе, Царском Селе, Павловске, Гатчине, цель поездки была, чтобы казахи из депутации «времени свое... проводили с пользой и удовольствием и чтобы поездка их в обе столицы оставила в них приятное и благодарное впечатление». Все расходы взяло на себя правительство.

В Петербурге Салих прожил с 31 июля по 24 августа 1860 года. За это время он посетил интересные места, предусмотренные программой, в том числе Пулковскую обсерваторию, но главное - завел полезные и интересные знакомства. Именно тогда произошло знакомство с известным русским экономистом и этнографом П.И. Небольсиним. Он побудил Салиха взяться за перо, чтобы познакомить русского читателя с жизнью казахов. С его легкой руки началось сотрудничество Бабаджанова с Русским географическим обществом, стали появляться его научные публикации в изданиях этого общества и ряде столичных газет.

П.И. Небольсин дал следующую характеристику Салиху Бабаджанову: «... с правильным, но скуластым, но матовым и несколько темноватым лицом, с прекрасными большими глазами

и иссиня-черными волосами, которых он на голове не брест. Бабаджанов владеет изящной русской речью, говорит бойко и красноречиво, разумеется, когда предмет разговора сильно его затронет. Несмотря на «духовность» своего происхождения, он окончил свое образование в Неплюевском кадетском корпусе и носит казачью форму. Из бесед с ним я мог понять, что его сердечно затрагивают два предмета - один, общий всем нам - наша юстиция и уездные жрецы фемидовы, а другой - злобедность невежественной татарской пропаганды между киргизами и разращение народа примесью к учению корана суеверных поверий и преданий».

В первую неделю приезда депутации в Петербург с членами ее познакомился Чокан Валиханов, живший там с начала года. Услыхав о приезде в Петербург группы казахов, Чокан поспешил встретиться с земляками. О состоявшейся встрече косвенно говорит тот факт, что Чокан был информирован о времени представления их царю. Неизбежность встречи Чокана с Салихом не вызывает сомнения, хотя ни тот, ни другой не упоминают о ней в своих письмах и статьях. К сожалению, факт знакомства и неоднократных встреч в августе 1860 года двух казахских ученых не попал в орбиту внимания исследователей жизни и творчества Чокана Валиханова.

Возвращаясь из Петербурга, М.С. Бабаджанов побывал в Москве, прожив там трое суток. Осматривал Кремль, Красную площадь, Университет, посетил театр и «вместе со всеми ди-

вился великолепие театрального здания». Своим спутникам Бабаджанов объяснял, что театр «не есть просто забава или игра, а имеет смысл назидательный и полезный для слушателя». О цели поездки в Россию от имени членов казахской депутации он говорил: «мы должны были вывезти из России что-либо полезное и нужное для народных потребностей в наших аулах».

П.И. Небольсин после отъезда из Петербурга казахской депутации опубликовал статью «Путешествующие киргизы», в которой писал, что представители казахов, в частности члены депутации, являются способными и страстно стремящимися к знаниям людьми, что они озабочены вопросами просвещения своего народа и хозяйственно-культурного развития края. При этом он в первую очередь имел в виду М.С. Бабаджанова.

По возвращении из Петербурга через полгода его заставили исполнять по совместительству обязанности полицмейстера Ханской ставки. Он ведет делопроизводство по полицейской части, ежедневно представляет в Совет сведения «о приезжавших в Ставку и уезжавших из одной лиц постороннего ведомства, о привозимых и проданных товарах с обозначением существующих на оные цен». Последняя обязанность была особенно тягостной по трудоемкости и нужности сбора необходимых сведений.

На весенней ярмарке 1861 года при Ханской Ставке он исполнял временные обязанности базарбаши. Его заподозрили в противозаконном превышении своей власти и вместе с тем

в бездействии, когда были обнаружены фальшивые кредитные билеты. Соотечественники, недовольные его быстрым продвижением по службе, то и дело стали посылать доносы в областное правление. Обвиняли Салиха в том, что он слишком молод, чтобы занимать должность советника временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой, то, якобы, превышает свои полномочия, спорные дела решает по своему произволу. Председатель совета полковник Герн находится под властью молодой жены, а на нее, якобы, имеет большое влияние молодой советник. Таким образом, выходит, что дела во Внутренней орде решаются по существу одним Бабаджановым, если не принимать во внимание такого немаловажного факта, как многочисленные его родственники, не прислушиваясь к голосу которых он не может. Вот и выходит, что Внутренней ордой управляет не государственное управление по главе с Герном, а клан Бабаджановых. Не обойдена в доносах и его поездка в Петербург с казахской депутацией: Бабаджанов был, якобы, командирован самолично полковником Герном по подсказке жены, а ее надоумил никто иной, как сам Салих. При этом делался недвусмысленный намек на их интимные связи, о которых, мол, знает вся степь, но которые неведомы лишь одному столь неразумному полковнику. Если он за собой не наблюдает, то может ли так же наблюдать и позволительный человек правильно управлять ордой? Более того, правоверные мусульмане не желают, чтобы

их женам и впредь подавался заразительный пример жены главного начальника степи. И в Орду нагрязнула ревизия. Документальных доказательств вышеизложенному не нашли, но многое понаслышали от «благонадежных и почетных» в степи лиц. Комиссии был представлен протокол обсуждения Бабаджанова на заседании временного Совета, где он обвинялся в «неприличном отзыве относительно членов и некоторых чиновников Совета».

Было доложено Оренбургскому генерал-губернатору Безаку, что Бабажанов «составил себе самое непопулярное положение в орде неблагоприятным влиянием как на председателя Совета, так и на жену последнего». Результат доклада - Бабаджанов вынужден уйти в отставку «по семейным обстоятельствам» с июля 1862 года и удаление Герпа из орды. Салих, удаленный от административной деятельности, занялся разведением скота и земледелием. Зимует на урочище Эгин-Кудук, расположенном в четырехугольнике: озеро Баскунчак - село Болхуны - станция Сайхин - поселок Урда (бывшая Ханская Ставка). Отсюда он выслал в Русское географическое общество 17 января 1864 года рукопись статьи «Новости о кумызе», а в конце года небольшую корреспонденцию «Из Внутренней киргизской орды». Первая осталась неопубликованной, вторая опубликована в «Известиях Русского географического общества»: в первом томе за 1865 г.

На территории между озером Баскунчак и рекой Ахтубой, между селами Болхуны и Владимировка ему отвели участок степи для

выпаса скота, сенокосения и земледелия. Для выполнения сельскохозяйственных работ он нанимал поденных рабочих из среды казахского населения. У русских крестьян сел Болхуны и Ново-Николаевки закупал сено для зимнего содержания скота.

Иногда у него складывались неприязненные отношения с крестьянами.

В папках переписки временного Совета по управлению Внутренней Киргизской ордой сохранилось немало документов, свидетельствующих о самовольном сенокосении на землях Бабаджанова, в свою очередь крестьяне сел Болхуны и Ново-Николаевки умоляют начальство оградить их от «самовольства сотника Мухаммед-Салиха Бабаджанова и вверенных ему одноверцев, которые, присваивая себе степь, произвольно делают распашки».

О чувстве справедливости и способности прощать людям свидетельствует прошение сотника Ходжи Салиха Бабаджанова, направленное 1 декабря 1870 года во временный Совет по управлению Внутренней киргизской ордой: «Я ходатайствовал в 1865 году об удовлетворении меня за убытки, причиненные мне через самовольное накопление сена крестьянами села Болхуны-Гетманским, Ермолаевым и прочими. Впоследствии крестьяне эти отчасти удовлетворили меня за те убытки, а в остальном я желаю иметь претензию и ходатайствовать по сему делу за давностью тех случаев, а потому покорнейше прошу Временный Совет возникнуть в оном переписку по сему делу оставить без дальнейшего движения и производства».

В одной из статей Салих Бабаджанов утверждал, что «русские сходятся с киргизами очень дружелюбно». Следует дополнить Бабаджанова: и казахи сходились с русскими не менее дружелюбно. Примером тому является миролюбивый конец тяжбы Бабаджанова с крестьянами Болхунской волости.

4 июня 1866 года Плотников – председатель временного Совета по управлению Внутренней киргизской ордой – ходатайствует о приеме на службу Салиха Бабаджанова на должность правителя Камыш-Самарской части Внутренней орды. Свое предложение обосновывает тем, что «сотник Бабаджанов – человек замечательно способный, года два назад получил от Географического общества малую серебряную медаль за этнографические труды для общества о казахах». Те грехи, которые наблюдались за ним в годы прошлой деятельности, «важности, впрочем, не представляют». В другом письме от 3 сентября омскому генерал-губернатору Плотников доказывал, что «сотник Бабаджанов... будет вести свою часть более или менее соответственно с видами правительства, если поддерживать советами и влияниями». Ходатайство Льва Николаевича Плотникова было удовлетворено, и Бабаджанов принят на государственную службу.

И опять начались неприятности. На этот раз они исходили не от соплеменников, а от линейного начальства Уральского казачьего войска. Их атаман Н.А. Вережкин в частном конфиденциальном письме от 28 июня 1867 года писал

Плотникову, что со вступлением в должность Бабаджанова участились случаи воровства скота киргизами, он, якобы, потворствует им и прикрывает их преступные действия, тем самым внося разлад между казаками и киргизами. К месту Плотникова, он дал подробные разъяснения по основным пунктам обвинения Бабаджанова и защитил его от явно несправедливых обвинений.

Что касается родственников, которыми Бабаджанов якобы занял все должностные места взамен удаленных им старых деятелей, Плотников категорично заявлял: «при сотнике Бабаджанове положительно остаются те же должностные лица, которых застал он при вступлении в должность... При Бабаджанове сменен всего один старшина за вполне беззаконное бездействие власти».

Совет, сам Плотников не разделяли мнение атамана, они не без основания считали Бабаджанова хорошим работником, со своими собственными принципами и мнениями, действующим в строгом соответствии с требованиями существующего законодательства. По предложению Совета он был переведен с должности Камыш-Самарского управителя на ту же должность в Нарынской части Внутренней Орды.

В середине лета 1869 года Бабаджанов подал прошение об отставке по болезни, но его просили повременить, а затем взять обратно свое прошение. В начале мая 1871 года он скоропостижно умер. О причинах ранней и внезапной смерти Бабаджанова на тридцать девятом году

жизни существует несколько версий. По одной из них, во время скачек лошадь Бабаджанова упала со всадником. При ударе о землю были повреждены внутренние органы, отчего через несколько часов Бабаджанов скончался.

Вторая версия – Бабаджанова отравили русские чиновники. Положительные отзывы и доброе отношение к нему начальствующих чинов, таких как Ладыженский, Григорьев, Герн и Плотников, свидетельствуют об обратном.

Из посмертной описи имущества узнаем, что в доме Мухаммед-Салиха имелся книжный шкаф с застекленными дверцами. На его полках стояли тридцать два тома «Вестника Европы», девять томов «Всемирного труда», три тома «Морского сборника», две книги «Истории цивилизации в Англии» Бокля, сочинения Карамзина, «Материалы для географии и статистики России», подшивка еженедельного журнала «Охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта» и другие издания. В описи имущества числится орган «из орехового дерева».

Русский востоковед В.В. Григорьев считал его «способным и замечательно развитым человеком». Круг его научных интересов был довольно широк. С особым вниманием изучал хозяйство казахов и взаимоотношения казахов с казачеством. В статье «Спор уральских казахов с киргизами Внутренней орды» он осуждает непомерные притязания верхушки казачества на некоторые земли, отведенные в

пользование казахам. Небезынтересно заметить, что петербургская газета «Деятельность» (№ 109, 1868 г.) писала: «Всякий просвещенный читатель, вникнув в сущность дела, увидит, что г. Бабаджанов с его юридическими разъяснениями права стоит на твердой почве интереса не личного, даже не собственно киргизского, а общенародного, государственного». Ряд его статей освещал политическую историю Внутренней орды. Непосредственно этому вопросу была посвящена чрезвычайно содержательная, насыщенная фактическим материалом, статья «Заметка киргиза о житье-бытье и участии его сородичей», которая была опубликована в газете «С.-Петербургские ведомости» (№ 136, 1861 г.) в виде двух писем, одно из которых сообщало о событиях в орде после смерти хана Джангера. Известно, что этот период остается наименее изученным в истории Внутренней, или Букеевской орды. В этом смысле статья Бабаджанова приобретает особую ценность первоисточника. В статье содержится важная в научном отношении характеристика деятельности Временного совета, дается весьма обстоятельный анализ социально-экономических и территориально-административных мероприятий и реформ. В архивах сохранились его докладные записки, в значительной мере дополняющие исследования по истории Внутренней орды. Важное место в публикациях Бабаджанова принадлежит раскрытию вопроса истории просвещения. Он был сторонником переселения русских крестьян на территорию Казахстана и свидетельствовал,

«что киргизы стали осознать необходимость сближения с русскими и пользу этого сближения». Казахи при тесном общении с русским крестьянством на ниве хозяйственно-торговой деятельности убеждались, что «русские способны быть... обязательными соседями... начали отдавать им... для обучения своих мальчиков... Между тем и русские не упускали случая прислушиваться к киргизскому слову».

Бабаджанов подводит читателей своей статьи к единственно правильному выводу: в результате хозяйственного сближения двух народов выиграли и те, и другие. А казахи, наравне со всеми другими народами России, оказались вовлеченными в орбиту общегосударственных интересов.

Но, пожалуй, наибольшую ценность для науки представляют этнографические наблюдения и сообщения М.С. Бабаджанова, которые публиковались в различных изданиях и неоднократно являлись предметом обсуждения на заседаниях совета Русского географического общества и получили положительную оценку. 20 февраля 1861 года совет Русского географического общества по представлению отделения этнографии избрал М.С. Бабаджанова в члены-сотрудники. А через полтора года Бабаджанову была присуждена серебряная медаль. В отчете о присуждении медалей указывалось: «Бабаджанов неоднократно доставлял нам статьи о быте киргизов, который ему особенно хорошо знаком как туземцу и сопровождал свои статьи присылкою предметов, находимых на месте».

Он был первым казахом, удостоенным почетной награды столь авторитетного научного общества.

Как собиратель предметов древности Бабаджанов становится известным по всей Волго-Уральской степи. К нему поступали сведения о находках и нередко сами находки. Тогда же этнографическое отделение Русского географического общества обращалось к Бабаджанову, чтобы он выслал в Петербург найденное им каменное изваяние и занялся записыванием «песен и мотивов, которые поются у киргизов при постели больного».

При организации в Москве Румянцевского музея Бабаджанову «как ближайше знакомому с бытом ордынцев» поручили составить списки предметов, «которые характеризуют быт ордынцев и этнографию края и которые могли бы быть приобретены для музея - с указанием, если возможно, у кого именно можно будет приобрести эти вещи, по какой цене, а равно примерной величины или веса».

В 1862 году этнографическому музею Русского географического общества Бабаджанов прислал один каменный и шесть медных наконечников стрел, найденные в Нарын-Песках, и точильный брусок на деревянной основе для заточки кос, серпов и ножей, изготовленный казахским умельцем. Это не единственный пример сбора историко-этнографических предметов и пересылки их в научные учреждения.

В своих печатных работах Бабаджанов пытался разъяснить духовную культуру казахов.

В этом отношении наиболее интересной является его статья «О каменной бабе, найденной в Киргизской степи». Она была опубликована в 1864 году в «Этнографическом сборнике» географического общества.

Бабаджанова тревожила большая смертность населения при эпидемиях и от различных заболеваний, его возмущали дикие способы лечения, применяемые невежественными муллами и знахарями. Он сокрушался, что простые люди верят муллам. Эту доверчивость объяснял абсолютной безграмотностью. «У них нет иного способа дойти до истины в подобных недоразумениях, как обращаться к муллам. К ним же (или к простым знахарям) прибегают киргизы для излечения болезней и, вместо надлежащего пособия медицины, получают от них одно отчитывание молитвами или писанную на лоскутке бумаги, или какие-либо непонятные знаки для ношения на шею больного. Иногда невежество мулл принимало изуверские формы при лечении». У казахов не было никакой медицинской помощи, так как на 150 тысяч жителей Внутренней орды полагался всего один врач. «Нельзя не заявить сожаления, - писал М.С. Бабаджанов, - что примеры беспомощно погибающих больных людей и скота повторяются перед нашими глазами почти ежедневно». Бабаджанов ратовал за просвещение народа, чем привлекал внимание Чокана Валиханова. В своей известной работе «Записка о судебной реформе» Валиханов писал: «В «Северной пчеле» 1860 года один молодой киргиз г. Бабаджанов описал

необыкновенно ярко учение в татарских школах Букеевской орды». Так было воздано должное поборнику просвещения - С. Бабаджанову - его молодым соотечественником - замечательным ученым Ч. Валихановым.

Бабаджанов был ревностным поборником дружбы народов и отмечал, что казахи в результате общения с русскими жадно воспринимали элементы культуры цивилизованного мира и «многие из них приобрели понятие о пользе рационального лечения через ордынско-го врача».

В его работах также содержатся данные о развивающейся торговле казахов, которая, по мнению автора, является важным средством в сближении русского и казахского народов.

Бабаджанов подробно описывал охоту казахов на волков, байгу, конезаводство во Внутренней орде. Немалый интерес вызывает, к сожалению, оставшаяся неопубликованной статья «Новости о кумысе», в которой он писал: «... кумыс - это наше национальное изобретение. Употребляется как врачебное средство. По самым достоверным медицинским исследованиям, найден действительно полезным для поддержания или даже восстановления человеческого здоровья». И в этой связи предлагает создавать кумысолечебницы на берегах Волги, организовать доставку кумыса железными дорогами и водным путем в отдаленные губернии России.

За три года до своей смерти Мухаммед-Салих Бабаджанов получил в оброчное содержание сроком на 70 лет 95 десятин «пустопорожной» земли в урочище Тургай на северо-восточном

берегу озера одноименного названия. Урочище находится в 8-10 км от знаменитого количества и качеством поваренной соли озера Баскунчак. В контракте от 8 февраля 1869 года при получении в оброчное содержание участка земли Бабаджанов изложил свою цель — создание хозяйственных построек, разведение фруктового сада и разных лесных деревьев, огородничество.

«Занявшись садоводством и огородничеством... я... желал подать сособо пример и прочим киргизам... когда настанут полезные последствия моих занятий, то пример мой не останется без благотворного влияния к приучению и приохочению ордынцев заниматься этой полезной промышленностью». Действительно, за 2 года на полученном участке земли силами наемных рабочих из поволжских поселений построил из саманного кирпича большой дом из семи комнат. Рядом с домом - сарай, летняя кухня и баня, конюшня. Он предполагал открыть школу на два класса и обучать своих детей, детей одноаульцев и родственников. Уже был нанят учитель, и сам намеревался выступать в роли учителя, наставника, инспектора. Преждевременная смерть оборвала начинание, но школа все же была открыта. Здесь, рядом, ранее была построена мечеть. Известно, что первым муллой мечети был Куньходжа Арапов.

В 1870 году Бабаджанов начал разводить фруктовый сад, ездил в другие города за опытом с садовником А.О. Кокушкиным. За два года было посажено 1200 пятилетних саженцев

яблонь и груш, 400 вишен, около тысячи кустов малины и смородины. Сад был обсажен по периметру сосной. Для полива было вырыто два колодца.

После смерти Бабаджанова опекунство над его семьей и хозяйством было передано братьям его молодой жены Газизы — сотнику Арслан-Гирею Букейханову и Даулет-Гирею Шигаеву. Последний известен в истории казахской музыкальной культуры своими знаменитыми кюями. В память о Бабаджанове он сочинил трогательный кюй «Салык Олген» (на смерть Салыка), в котором выразил горестные чувства тех, кто знал и ценил молодого и способного представителя зарождающейся казахской интеллигенции. Усадьба и сад после смерти опекунов перешли в 1888 году в полное распоряжение возмужавшего сына Мухамеджана Салиховича.

С. Бабаджанов своим начинанием по разведению фруктового сада и созданием собственной усадьбы по европейскому образцу сумел привлечь родственников к оседлости, а землякам подать наглядный пример реальной возможности и целесообразности использования климатических и природных данных заволжских степей для улучшения условий быта.

Архивные документы свидетельствуют, что в хозяйстве Бабаджанова в 1864 году имелось 140 лошадей, а через 7 лет поголовье удвоилось. При разведении лошадей опирался не только на народный опыт, но и следил за научной литературой, выписывал периодические издания

«Коневодство» и журнал «Охота». В последнее время часто появлялись статьи об опыте разведения лошадей в различных регионах России. В нескольких номерах этого журнала Бабаджанов опубликовал в 1871 году две статьи «Охота во внутренней киргизской орде», «Лошади и их испытание во Внутренней киргизской степи». Судя по второй статье, он был отличным знатоком лошадей, занимался улучшением их породы, приобретал перспективных маток. Бабаджанов был неизменным участником всех организуемых скачек. Представление лучших лошадей своего завода. Так, на призовые скачки 22 мая 1868 года привел двух жеребцов и одну кобылу.

Разведение скаковых лошадей было источником дохода для семьи. Лучших лошадей он продавал воинским заготовителям, а выбракованных - жителям приволжских селений как рабочий скот. Осенью 1870 года Салих Бабаджанов и Султан Арслан-Гирей Букейханов отправили в Петербург пять самых лучших и красивых лошадей в подарок императору Александру. Лошадей принял «с особенным удовольствием» брат императора - великий князь Николай Николаевич. В своем письме к Оренбургскому генерал-губернатору он «просит объявить благодарность за представление коней» и посылает «пожалованные Бабаджанову серебряную чашу, а Букейханову - серебряное ведро». О таком внимании царского двора к неизвестным ордынцам было доведено до сведения всех жителей

Орды путем рассылки соответствующих писем аульным старшинам.

Вполне обоснованно можно говорить, что честь первоначального появления садоводства и огородничества в Тургае и разведения племенных лошадей в заволжских степях современной Западно-Казахстанской области принадлежит Бабаджанову - одному из первых казахских интеллигентов, любознательному человеку с хозяйственной смекалкой и смелым предпринимательством. Житейский прагматизм не сковывал его научных интересов. Кажется, именно из исследовательских побуждений рождалось его новаторство в ведении хозяйственных дел. По складу ума и разносторонним интересам он был естественным испытателем, публицистом, этнографом.

Благодарное признание за поучительные примеры хозяйственного предпринимательства Салих Бабаджанов получал от современников. Они внимательно и заинтересованно следили за его публикациями. Так, некий М. Измайловский в журнале «Коннозаводство» (№ 5, 1872г.) писал: «С особым удовольствием прочитал статью г. Ходжи Салиха Бабаджанова «Лошади и их испытание во Внутренней Киргизской Орде». Конечно, всякий любитель степной лошади прочитал ее с тем же удовольствием. Она интересна тем, что написана не каким-то туристом, проскакавшим по степи и на лету хватавшим сведения, а самим деятелем отдаленного и обширного нашего коннозаводства, с которым действительно мало кто знаком. И сделанный

господином Ходжа Салих Бабаджановым упрек весьма справедлив».

Своими статьями он внес важный вклад в дело изучения казахского народа, его истории и культуры. Работы Бабаджанова, опубликованные в столичных журналах и газетах, способствовали ознакомлению передовой общественности России с казахским народом, с его нуждами и чаяниями. Более того, как публицист он страстно защищал права своего народа. Личным примером разведения коневодства, огородничества и садоводства показывал пути избавления от зависимости от природы, преобразования на европейский образец своего патриархального быта. Казахи тогда нередко и жестоко страдали от джута, приносящего голод, нищету, массовую смертность. Он внушал своим соотечественникам мысль о том, что одновременное занятие земледелием и скотоводством способно избавить их от страшных последствий джута.

Не его вина, что хозяйственными планами он не успел достичь желаемого - помешала ранняя смерть. Но его начинания продолжили другие, и плодами его труда пользовалось не одно поколение.

М.С. Бабаджанов искренне желал быть полезным своему народу, не был чужд просветительским взглядам передовых людей своего времени. Если практические начинания Бабаджанова не были замечены в свое время и даже оставались неизвестными, то его научные труды признаны и высоко оценены в последние десятилетия. Он был страстным поборником русской культуры,

более других понятной, близкой по духу и приемлемой для казахов.

Своей практической деятельностью, научными и публицистическими статьями Бабаджанов внес весомую лепту в укрепление и развитие многовековой дружбы русского и казахского народов. Учитывая огромный интерес к личности Бабаджанова, его многогранной деятельности, автор этих строк посетил в 1991 году места, связанные с его именем, побывал на месте захоронения; на его могиле возвышается каменное надгробие (кулуптас).

Салих Бабаджанов прожил трудную и трагическую жизнь. Трагизм ее - в творческом одиночестве, в полной изоляции от научных центров. Этим одиночеством объясняется немногочисленность его работ, отсутствие глубокого научного анализа и критического разбора. В этом вина не самого Бабаджанова, а тех условий и среды, в которых приходилось жить и работать пылливому уму человеку. Он был лишен общения не только с образованными людьми, но, тем не менее, оставил несколько печатных работ. Архив его утрачен. Но, может быть, он иде-то лежит и ждет своего открывателя?

Частная и общественная жизнь Ходжи-Мухаммед Салиха Бабаджанова представляет немалый интерес как скромная, но весьма богатая информацией, страничка многотомной истории русско-казахских отношений.

Н.П. Ивлев, профессор.

ЛОШАДИ И ИХ ИСПЫТАНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЕ

Лошадь и ее достоинство определяется киргизами прежде всего по ее виду, т.е. наружному осмотру. Наши понятия и правила в этом отношении весьма во многом очень близки к тем замечаниям, которые в прошедшем году были напечатаны в «Журнале охоты», в статье «О познании лошади и проч.». Сколько помнится, в этой статье преимущественно описывались одни только приметы правильного телосложения лошади вообще. Но правильность, или удовлетворительность телосложения или склада лошади признается киргизами весьма различно, смотря по роду назначения или употребления лошадей. Таким образом, одна и та же лошадь совершенно правильного сложения для одного рода употребления - при другой потребности признается совершенно негодной или неспособною. К сожалению, природа и человеческая практика до настоящего времени еще не создали такой лошади, которая могла бы вполне соответствовать всем требованиям или случаям употребления этого полезного животного. Притом и познание лошади составляет такую мудреную тайну, такую трудную науку, которая не дается легко, и которая не всегда достигается верно, определенительно и скоро. Так как прототип лошади, вполне отвечающей всем требованиям человека, еще не создан, по крайней мере, мы не имеем сведений о существовании такого явления, то в выборе лошади киргизы руководствуются преимущественно

теми соображениями, по которым свойства лошади наиболее соответствуют ее желаемому употреблению. Отсюда и происходит у киргиз и подразделение лошадей на разные виды или сорта, весьма, впрочем, удовлетворительные и правильные по роду своего назначения. Здесь мы должны оговориться, что лошади вообще и помимо их разновидности по породам: заводским, степным и прочим типическим происхождениям, подразделяются у киргизов на сорта, и по одним только личным или персональным их качествам или устройству их телосложения. Так, и в настоящее время существующие киргизские лошади, т.е. их общая порода, разделяются на сорта, или виды, сообразно способностям или годности их для того или другого назначения. Главнейшие подразделения в этом отношении следующие:

1. Берик – т.е. плотный, крепкий. Лошади этого сорта бывают преимущественно небольшого роста, по большей части ленивые, телосложения крепкого, жирного и мясистого, с толстыми ногами. нередко пузатые, а иногда и с небольшим брюхом, или подтянутые, с хвостом, гривой и шерстью вообще густыми..., но не особенно длинными, для быстрой езды они неспособны, но при тихой езде неутомимы. Главное достоинство подобных лошадей заключается в том, что они довольствуются всяким (даже недостаточным) кормом и пойлом; не скоро теряют тело, а потому и чрезвычайно выносливы как для продолжительной работы, так и для перенесения суровой зимы и тебеневочных невзгод¹.

В продаже эти лошади по неказистости их вида и роста пеяются невысоко, но зато в степном хозяйстве при употреблении для беспрестанных домашних и полевых работ они чрезвычайно полезны и даже решительно незаменимы. Получая положительно одинаковое довольствие и неся одинаковые тяжести, одна подобная лошадь может выслужить, не худея и не истощаясь в теле, за две-три лошади другого свойства. Такие качества этих лошадей невольно доставили им особенное предпочтение киргиз, которые прилагают много забот к сохранению и разведению в своих табунах² возможно большего числа лошадей этого разбора. Только продолжительность жизни этих лошадей считается короче жизни метисов, называемых – казанат³.

2. Журдек – т.е. ходкий, лошадь, средняя между скаковой и крепкою. Эти лошади повыше ростом и тоньше телом берика. Они считаются одними из лучших произведений степного коневодства и имеют репутацию неутомимых скакунов для верховой продолжительной езды. Побежка журдека большею частию проворная, скорая и нетряская. Лучшие из них бывают довольно рысисты вследствие того, что их упражняют в езде постоянно рысью. Когда киргизу нужно переехать скоро какое-нибудь дальнее пространство или когда он пускается в погоню, направляется за похитителями его скота, то обыкновенно садится на журдека с полной уверенностью, что проедет на ней хоть двести верст⁴, не кормя в течение одного только дня. Из опытов прежнего времени известно,

что киргизы на одних и тех же лошадях этого сорта проезжали до восьмисот верст в течение пяти суток. Впрочем, самый дальний переезд, совершенный на одной лошади в течение одного дня, не превышает расстояния в двести шестьдесят верст. Из этого разбора преимущественно перед прочими удаются лошади чрезвычайно способные и для упряжной езды. В Астрахани многие ломовые извозчики приходили в восторг от подобных лошадей. Они каждый день возят на них тяжести от 60 до 70 пудов и при всем том не замечают, чтобы лошади их теряли тело и убавляли в силе. Этот сорт был бы более всего годен для кавалерийского ремонта, если бы обладал несколько более высоким ростом и аргамакским складом. В последнем случае эти лошади называются сулу-ат, т.е. красивая лошадь, и бывают преимущественно из метисов-казанат, причем и шея у них слагается с красивым разрезом.

3. Жуйрук – т.е. скаковой. Если у европейцев и вообще у цивилизованных народов принято признавать рысаков лучшими представителями упряжных лошадей, то у киргиз признается лучшим образцом, или даже идеалом, верховых лошадей – скаковой конь. Сложение, наружные признаки скаковых лошадей бывают весьма разнообразны. В скаковых лошадях киргизы ценят быстроту бега, а главное – неутомимость в продолжительных скачках. Рост их может быть всякий, но рослейшие и красивейшие из них ценятся выше. Они заключают в себе все лучшие качества предыдущих сортов, но отли-

чаются от них быстротой и неутомимостью на скачках. Ничего нет труднее познания в лошади ее скаковых способностей. Людей, которые могли бы с некоторой достоверностью определить эти способности, насчитывается во всей Внутренней орде⁵ не более десятка. Малочисленность знатоков в этом случае происходит не от того, что киргизы мало имели охоты и стремления к обладанию подобными лошадьми, но единственно вследствие того, что достигнуть и определить скаковые способности лошади - чрезвычайно трудная и мудреная задача. Для познания скаковой лошади недостаточно одного только наглядного понимания правильности ее склада, но для этого необходима еще достаточная опытность в тренерском искусстве. Хорошие знатоки и тренеры лошадей в прежнем киргизском обществе пользовались особенным почетом, что и служило тогда этим ордынцам надежным поощрением для поддержания в них познаний в этом деле. Искуснейшим тренером в нашей орде был киргиз Аукатым, который и до сих пор признается авторитетом, и имя его произносится с особенным уважением. Этот Аукатым до такой степени верно умел определить достоинство и способности лошади что, каждый раз при выводе скакунов на скачку заранее безошибочно предсказывал, за кем именно останется победа на состязании. Было и кроме этого много случаев, доказавших глубокие познания Аукатыма конской природы. Он нередко покушал дешево плохих с виду лошадей и потом создавал из них знаменитейших скаку-

нов, предсказывал будущность лошадей в их молодом возрасте, т.е. на первом и втором годах, и потом предсказания эти всегда оправдывались на опыте. После Аукатыма оставил о себе также весьма почетную славу отличного знатока и тренера лошадей киргиз черкешева рода джакаува отделения по имени Айдабул. Единственный пример, когда на скачках в 30-40 верст полуторогодовалый жеребенок выиграл первый приз у взрослых лошадей, не только во Внутренней, но даже и во всей Малой орде⁶, был произведен в прежнее время этим Айдабулом. Его полуторогодовалый жеребенок Замрык (двуглавый орел) выиграл на состязании со взрослыми лошадьми первый приз в 100 баранов. Из султанов более других отличался как опытный знаток лошадей в ближайшее к нам время, Абулгазый, состоявший при последнем хане Орды Джангере Букееве⁷. Раз какой-то киргиз привел к хану полуторогодовалого жеребенка, предназначавшегося для убоя. В то время, когда ханские мясники приготовились было повалить и прирезать этого жеребенка, подошел Абулгазый и попросил их приостановиться, затем он отправился к хану и объяснил ему, что по его соображению из этого жеребенка может выйти хорошая скаковая лошадь - выпросил его себе. Жеребенок этот был буланой масти, с большою лысиною на голове и разноглазый, т.е. от природы белоглазый. Впоследствии из него действительно вышел скакун, о котором очевидно и теперь рассказывают как о непобедимом, или стопобедном коне, который

по обычаю того времени был выложен, вследствие чего, к сожалению, не оставил потомства. Не таков был обычай Айдабула, и потому его лошади оставили по себе значительное потомство, так что они в недавнее еще время прославили имена его наследников Чукамана и Джаналия. В особенности, у первого из этих лиц была скаковая кобыла, которая за всю свою жизнь ни на одной скачке не проходила с тылу прочих лошадей. Как самые лучшие скакуны и как отличные во всех отношениях кони, ценятся здесь лошади из крови сауран, род которых очень древний, и которых в настоящее время весьма немного, или почти не существует сохранных в чистопородном виде. Происхождение этого рода передается стариками таким образом. Во времена хана Абулхайра⁸, полтора-два столетия тому назад, или еще ранее, наша Малая орда, обыкновенно кочующая на юге киргизских степей, в один год перекочевала к верховьям реки Сырдарьи. Потом, вследствие одного обстоятельства, наши предки принуждены были внезапно оставить те места и возвратиться восвояси, объехав какую-то гору под названием Сауран. Приезде близ этой горы к табунам киргизов пристала неизвестно кому принадлежащая лошадь, киргизы взяли ее с собой. Эта лошадь оказалась жеребцом. По одним сказаниям, она была светлой, а по другим — бурой масти, но оба предания соглашались с тем, что она была аргамакской, т.е. арабско-турхменской породы. Жеребцу этому было дано киргизами название горы, близ ко-

торой она к нам пристала, т.е. Сауран, которое впоследствии было присвоено и всем потомкам этого жеребца. Все сколько-нибудь замечательные вообще и хорошие лошади прежнего и настоящего времени приписываются их хозяевами происхождению от Саурана. Само собою разумеется, что все эти изустные генеалогии настоящих лошадей подлежат весьма сильному сомнению, но писанных сведений о своем заводе не имеет ни один ордынец. Не только вести точную опись, так сказать, историю лошадей, но и считать число голов последних в табуне — у киргиз считается предосудительным на основании поверья, что будто бы стада и табуны могут подвергнуться падежу, если их часто пересчитывать. От продолжительной практики пастухи приобрели такую изумительную способность, что каждое утро они проверяют лошадей, баранов и прочий скот, не пересчитывая их, а проверкой или осмотром их по наружности, т.е. по физиономии каждой головы, если бы даже у него в стаде или табуне было по несколько тысяч штук. Так, про одного пастуха, имевшего под надзором около двух тысяч лошадей, рассказывают, что ему достаточно было проскакать по табуну один или два раза, для того чтобы безошибочно определить его целост и неполноту. Имя этого, теперь уже состарившегося, киргиза — Исалий, а прозвище — Соқыр, т.е. слепой, вследствие того, что он крив на один глаз, который у него вытек еще в ребячестве. Другой пастух, не менее первого прославившийся длительностью и усердием в уходе за

лошадьми, как-то раз под одним киргизом узнал лошадь своего хозяина, которая лет семь тому назад, еще годовалым жеребенком, пропала из табуна, бывшего под его надзором. Такие способности киргизских табунщиков поддерживаются и развиваются донныне благодаря поощрениям их частными хозяевами. Но тренерское искусство не останавливалось в своем развитии и совершенствовании до тех пор, покауда хорошие тренеры, кроме общественного уважения и славы, пользовались еще вниманием и лаской со стороны ордынского начальства. Но с тех пор, как значительная начальническая должность над киргизами перешла исключительно к русским чиновникам, в Орде уже не оказывается никакого поощрения не только тренерам, но и всякой вообще частной хозяйственной и промышленной деятельности. Мы говорим это не в укор нашим чиновникам, от которых зависит участь ордынской промышленности или хозяйства, так как административные лица не обязаны быть специалистами в хозяйстве и промышленности даже настолько, чтобы не допустить в них упущений. Обязанности здешних чиновников имеют преимущественно административно-судебный характер, но хозяйственного или вообще промышленно-торгового представительства положительно не имеют. В некоторых случаях это обстоятельство очень невыгодно отзывается на положении экономических условий Орды. Мы приводили выше не один пример недостаточности в Орде забот об улучшении коневодства, а теперь только к слову припомним

ли о невнимательности к уходу и обращению с лошадьми. Следствием подобной невнимательности явилось то, что тренирование и уход за лошадьми в настоящее время упали весьма заметно, уменьшилось также и значение тренерского искусства, которым теперь занимаются очень немногие из числа любителей, а потом и знатоков скакового дела насчитывается в целой Орде только около десяти киргиз. Убедиться в упадке во Внутренней киргизской Орде тренирования и вообще ухода за лошадьми нетрудно каждому, если взглянуть на лошадей, ежегодно выставляемых на казенную скачку. Большинство из них бывает приготовлено для скачки чрезвычайно дурно и неправильно. Есть, впрочем, люди (даже и среди коневодов), которые и доселе не признают необходимости строгого или систематического тренирования. Для подобных господ мы приводим следующий, не лишенный интереса, пример, который может убедить каждого, что для проявления лошадей всей ее природы, удали в езде, не достаточно одних прирожденных ей способностей, но необходима также выработка ее посредством тренирования. Хороший уход и правильное тренирование почти также улучшают и развивают способности и пригодность лошади, как воспитание и образование развивают и облагораживают человека. Это сравнение, хотя может показаться и слишком натянутым или несоответственным, но мы обратимся к свидетельству факта, подобные которому мы встречаем очень часто. На прошлую весеннюю при Ставке яр-

марку один киргиз приводил очень небольшую, но красивую и складненькую белую кобылу по 5-му году, которую и хотели пустить на 20-ти верстную казенную скачку. Одни советовали ему пустить лошадь на скачку и попытать свое счастье, а другие говорили, что лучше ее продать и выручить верные деньги, чем фаталистически рассчитывать на скаковой приз. При спросе о продаже кобыленки киргиз этот требовал тогда не более 70-80 р. с покупки, и за эту цену не находилось ни одного охотника. Потом лошадь эта была действительно пущена на скачку, где и отстала от передних на весьма значительное расстояние вследствие того, что она не была как следует тренирована. Спустя месяц после этого по орде проишел слух, что одни богатые наследники собираются сделать весьма значительные поминки⁹ по умершему год тому назад своему отцу. Говорили также, что на поминках будет произведена очень дальняя скачка с призом в косяк лошадей для первого передового скакуна. На этот вызов к поминкам собралось множество народу, были приведены и скакуны почти со всей орды. Обыкновенно на всех подобных больших сборищах и пиршествах собранием распоряжаются хозяева аула, которым, конечно, чрезвычайно трудно удерживать народ в порядке, чтобы он не помешал лошадям в то время, когда их выведут и пустят на скачку. Для избежания всяких замешательств и столкновений на подобных поминках скаковые лошади, согласно древнему обычаю, были отведены за 35 верст, откуда и были пущены

назад с тем, чтобы прискакать к аулу во весь опор. При этом хозяевам позволялось понуждать и поддерживать своих лошадей для того, чтобы пригнать их прежде других. Первою прибежала, или лучше сказать, была притащена огромного толпою одна гнедая кобыла, которую с самого призового столба догнала 5-ти летняя беленькая кобыла, о которой было сказано выше. Она была приготовлена к этой скачке с полным соблюдением тренерских прав, и потому, несмотря на молодость свою и на то, что в стала на 20-верстной казенной скачке, она на этот раз выдержала без усталости и отдыха гонку в 35 верст вперед рысью и такую же гонку вскачь обратно, что составляет 70 верст в оба конца. В настоящее время кобыла эта приобретена для завода пишущим эти строки за 200 руб. сер., так как хозяин ее о прежних 70-80 рублях не хотел и слышать. Итак, вот что выделяет с лошадыю толковый уход и тренирование. Нам кажется, что после всех опытов науки и практики отрицать пользу тренирования было бы более чем излишне, но за всем тем у нас в России это искусство далеко не получило еще господства в деле коннозаводства. Нельзя при этом не отнестись с полною признательностью к мерам, которые, хотя в малых размерах, приняты теперь Главным управлением государственного коннозаводства к развитию и поощрению тренерного искусства. До настоящих пор коневодство Внутренней орды, к сожалению, как-то оставалось вне внимания со стороны этого управления. Только с начала прошедшего 1870 года,

благодаря особенному ходатайству управляющего ордою А.К. Тимашева, наше коневодство и прочее скотоводство начало мало-помалу входить в предмет некоторой заботливости и рассуждений со стороны администрации. Хотя и ничего еще из предложений последней не приведено в действительное осуществление, и дело это ограничивается покуда одною официальною перепиской, но киргизы весьма довольны и настоящим вниманием правительства, а потому с нетерпением ожидают последствий, повторяя свою старинную пословицу, которая гласит: «Бог, который дал это, может подать и еще». Киргизы не имеют никакого понятия об упряжной езде. Их внимание всецело обращено на способ улучшения и обеспечения верховой езды. Для последней скаковая лошадь признается, как объяснено выше, идеалом лошади, а потому ордынцы относятся к лошадям этого сорта с особенной разборчивостью и строгостью внимания. Отсюда произошли у киргиз следующие подразделения скаковых лошадей:

1. Каргынчыл, т.е. гончая, прыткая на короткую дистанцию - на 2, 4 и 8 верст. Лошади с подобными качествами несколько не ценятся между киргизами, если они не обладают еще и свойствами журдека.

2. Качаганчыл - гончая, или укрючная лошадь. На этих ездят пастухи или гоняются, когда нужно поймать из табуна какою-нибудь лошадь. Они проскакивают очень быстро небольшие расстояния, но главное их достоинство заключается в том, что они очень поворотливы

и сметливы. Их создает преимущественно хорошая выездка опытного и расторопного джигита-пастуха. Этот род лошадей ценится так же невысоко, как каргынчыл, то есть около 45-75 р. сер. за голову.

3. Жуйрук-байгаты, или скакун, т.е. лошадь, способная и для скачек.

Наши скачки, как сказано выше, совершаются на весьма дальнее расстояние - 15, 20, 30 и 45 верст для лошадей свыше 4-х лет, для трехлетних - 12-15 и для полугодовых - 6-7, а иногда и 10 верст. Здесь ценятся преимущественно те лошади, которые с большой скоростью могут пробегать самое дальнее расстояние. Вес седока для скачек не определяется, а потому для облегчения проскачек на лошадях сажают мальчиков лет 10-ти и более. Для лошадей четвертого года особых скачек не делается, они причисляются к разряду старшего возраста. Но вообще четырехлетки весьма редко поступают на состязание, так как к этому возрасту лошади считаются особенно слабыми. Только кобылы появляются на скачках ранее жеребцов вследствие того, что, по замечаниям киргизов, самки лошадей поспевают в силах и развитии ранее самцов. Такое же преимущество одного пола перед другим замечается и на борзых собаках. На седьмом году лошадь признается также слабо, как и на четвертом, но это замечание на практике не оказывается справедливым. Скачки для полугодовых в настоящее время происходили в орде весьма редко. Причину этого уменьшения состязания между молодыми

лошадьми послужило, как полагают, то обстоятельство, что теперь, по скудности кормов и увеличивающейся суровости зимы, лошади в этом возрасте не достигают уже того развития и роста, которое существовало для них лет 25 тому назад. Вопреки всем принятым в Европе требованиям вкуса на коротенькую скачку, у киргиз эти состязания делаются на большие дистанции. Мы постараемся пояснить это странное для европейца направление у киргиз скакового испытания. Скаковая лошадь как способ скорейшего передвижения людей ценится киргизами тогда только, когда она своей особенной прыткости не теряет и во время продолжительной скачки. В этих-то видах наши скаковые испытания производятся на дальние расстояния. Того же самого порядка придерживается и учрежденная в орде скачка от правительства, на которой лошади проскакивают безостановочно 20 верст с небольшим в 33 минуты. Лошади на скачку допускаются без разбора лет и тяжестей, с которыми они должны совершать пробежку. Безостановочность скачек делается в том соображении, что лошади, называемые каргынчал, могут во время остановок отдохнуть и выбежать вперед против тех лошадей, которые в действительности сносливее их и неутомимее. Обсуждая этот порядок скачки с точки зрения и целей киргизских, можно сказать, что наши скаковые испытания вполне соответствуют своему назначению и местной потребности. Но, обращая внимание на здешнюю казенную скачку как правительственное учреждение нельзя не заме-

тить, что она совершенно противоречит правилам, установленным тем же правительством для других более важных скачек в государстве. Таковы несообразности в отношении дистанций, призов, подписных денег и множества других условий, которыми так оставлены и запутаны главнейшие скаковые испытания, что на иное из них нет простым смертным и доступа на состязание. На главнейших пунктах скаковых испытаний правительством ценится быстрота лошади на короткое расстояние, а в маленьких и отдаленных уголках, например, здесь, в Калмыцкой орде, в Ташкенте, Башкирии и в Персии, тем же правительством выдаются премии за продолжительные проскачки. Таким образом, вопрос: каких именно лошадей ценить и что именно желает поощрить правительство - остается для большинства коннозаводчиков совершенно загадочным. Мы не помним, где прочитали, что главное управление государственного коннозаводства полагало учредить скачку на условиях Дерби и Окс¹⁰ для того, чтобы вернее составить потом сравнение о быстроте здешних скачек с загадочными. По нашему мнению, это было бы весьма не лишним, но прежде всего этого желательно было бы учреждение и внутри империи таких одинаковых приемов испытаний конских достоинств, которые не противоречили бы одно другому и которые могли бы дать коннозаводчикам ясное и определенное понятие о цели и направлении правительства по улучшению и разведению лошадей. Хотя обсуждение этих неудобств и

условий русского скакового дела и не составляет на этот раз нашей непосредственной задачи, но мы коснулись его приведенными выше краткими замечаниями единственно для того, чтобы пояснить некоторые отношения нашего испытания лошадей к испытаниям, принятым в России. Каждый киргиз, сколько бы их ни было во Внутренней орде, прежде всего желает иметь у себя скаковую лошадь, скаковую в смысле того совершенства коня, которое необходимо для верховой езды. Между тем, для правильного разведения или завода у себя скаковых лошадей еще ни один киргиз не принимал до сих пор определенных и постоянных мер. До тех пор, покуда в орде не существовало казенных скачек для жеребцов и кобыл, киргизы беспощадно кастрировали жеребцов, оказавшихся скаковыми, а кобылам не давали принимать плода с тою целью, чтобы как можно долее пользоваться теми и другими для скачек. С учреждением же казенной скачки для жеребцов и кобыл, хотя цены последних и очень значительно повысились, киргизы все-таки не обратили внимания на то, чтобы сочетать между собою прекрасные пары лошадей и тем воспроизвести новое поколение, которое, если бы не превзошло, то, по крайней мере, несомненно, удержало бы за собою достоинства своих родителей. Невнимательность или беспечность киргиз в этом отношении происходит от того, что они на получение скаковой лошади смотрят фаталистически, т.е. бог или судьба присудили в табун такого-то родиться скаковой лошады — она и родилась.

Затем, возлагая все дело и в других отношениях на произвол случайности, киргиз, как и всякий простолюдин, редко когда прилагает своего волю и руку на улучшение и развитие какого-нибудь своего производства. От этой небрежности, не отстраняемой в последнее время ничем, число скаковых и хороших лошадей в орде подвигалось все к уменьшению. Между тем, рассказы о каком-то отличившемся скакуне дают понять, что последние появляются не без корней и происхождения их всегда имеет связь с какой-нибудь прежде существовавшей знаменитой лошадиной породой. Хотя подобная наследственность лошадиных качеств не отвергается ни опытами и ни поверьями киргиз, они все-таки оставляли скаковой род без развития вследствие преобладания над ними влияния фаталистической косности, свойственной почти каждому непросвещенному народу, а главное - потому, что в орде еще не было принято тех мер, которые могли бы более правильно и целесообразно поощрить или даже поддержать разведение хороших скаковых и верховых лошадей. Киргизские скаковые лошади не появляются в какой-нибудь однообразной и отличительной форме, их сложение и фигура бывают весьма различны, а потому очень затруднительно и познать их по одному наружному осмотру или даже испытанию на скачке без предварительного тренировки. Но общие свойства или признаки, которые требуются киргизскими знатоками от скаковых лошадей, следующие: довольно длинная и немясистая голова, висячие губы,

большие открытые огневые глаза, средние уши, не особенно длинная, но круглая шея, широкая грудь, немясистый и нетяжелый корпус, тонкая кожа по всему телу, умеренные хвост и грива, лучшее развитие мышц и сухожилий, узкий пах и короткие бабки, правильные ноги. причем колени в задних ногах, т.е. в скакательном суставе, должны быть несколько согнуты, длинные голени, прочные копыта, но не стаканчиком, не длинный и не особенно короткий стан, с возвышенностью в крестце, высокая холка, свободные и правильные движения, но рост и общая величина не определяются. Мы выразили здесь только те главные приметы, которые считаются необходимой принадлежностью скаковых лошадей, но, за всем тем, картина лошади еще далеко не дорисована, так как она дополняется множеством других оттенков, которые очень трудно передать на словах и которые служат дополнением и разъяснением для правильного понимания приведенных выше главных примет. Мы не думаем, чтобы настоящим описанием вполне ознакомили читателей со всеми условиями киргизского коневодства, что решительно невозможно совместить в краткой журнальной статье, но тем не менее, будем вполне вознаграждены за свой труд, если успели, хотя несколько, удовлетворить любознательность читателей этого журнала, и тем принести нашу посильную лепту этому печатному органу, посвященному, между прочим, и коневодству как одной из замечательных отраслей отечественного богатства.

ОХОТА ВО ВНУТРЕННЕЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЕ

Я полагаю, что в целом мире не найдется уголка в такой степени неблагоприятного для охотников, как Внутренняя, или Букеевская киргизская орда. Известно, что киргизы давным-давно уже вышли из того состояния, в котором младенчествующий народ исключительно занимается звероловством, тем не менее эти полудикари были бы не прочь заняться иногда, хоть ради приятного препровождения времени, охотой за какой-нибудь дичью... Но, к сожалению, прелесть охотничьей жизни, богатой сильными ощущениями, нашим киргизам известна только в слабой степени вследствие того, что никакой дичи у нас почти нет. Наши безводные и безлесные степи лишены для охотников всякой привлекательности вследствие полного отсутствия в них зверей, птиц и даже рыбы. Благополучие нашего края зависит единственно от дождей. Есть дожди — есть и трава, корм для скота, составляющего единственный промысел ордынцев. Плодородие степей, видимо, уменьшается с каждым годом, а вместе с оскудением растительности и влажности птицы посещают их все в меньшем и меньшем количестве. Из зверей кое-где и, по счастью, очень редко, попадаются одни волки. Вред, причиняемый ими киргизским табунам и стадам, весьма незначителен, они встречаются преимущественно вблизи каспийского побережья, в камышах, в местах, пограничных с землями уральского казачьего войска, и очень редко — по другим окраинам орды.

Несмотря на эту немногочисленность волков, киргизы крепко их недолюбливают, но ловят их, как я уже сказал, не ради охотничьей прихоти и даже не с целью добычи их шкур, а единственно для сохранения своего скота. На каспийском побережье (как летом, так и зимой) расставляют для волков капканы, но зимой этот способ ловли почти не употребляется, так как в то время почти все побережье превращается в огромный выгон, на котором пасется скот. В большинстве случаев охота на волков производится у нас таким образом. Несколько киргиз после предварительного уговора съезжаются в названное время и место на лошадях и на верблюдах и, отыскав место, в котором (по признакам) должен находиться волк, делают на него облаву. Выгнав зверя на открытое место, киргизы расстреляют его до тех пор, пока не поймают или не убьют. Мне раз случилось быть свидетелем подобной киргизской охоты на волка на каспийском побережье. Дело было поздней осенью. В черных, т.е. на прибрежных островках не проходящих почти без того, чтобы волки не зарезали у кого-нибудь нескольких штук скотины. Это сильно раздражало киргиз. По всем приметам волки укрывались на самом крайнем к морю острове, называемом средним Забуруньем. Этот остров опущен по берегам довольно густым и высоким камышом, представляющим для волков довольно надежное убежище. Несколько влиятельных и достаточных ордынцев как-то собрались в одном ауле и там за кумысом¹¹ и чаем в приятном ожидании варившейся для них баранины уговорились поохотиться за волками

и на совещании положили: на следующий же день собраться всем на середину Забурунь, пригласить и других лиц, которые пожелали бы принять участие в этой охоте.

Наутро человек пятьдесят, кто на лошадях, кто на верблюдах съехались на условленное место, т.е. на Забурунь, и уговорились двинуться по берегу развернутым фронтом и обшарить все прибрежные камыши. Середина острова представляет довольно ровную возвышенность, на которую охотники и отправили несколько всадников на хороших лошадях – сторожить волков, – другая партия всадников была размещена на ближайших островках для того, чтобы отрезать отступление волкам, которые вздумали бы туда отправиться. Когда эти предварительные распоряжения были сделаны, главная толпа охотников, выстроившись в линию, двинулась развернутым фронтом по камышу. Надобно заметить, что все вооружение киргизов состояло из дубин, палок, топоров на длинных топориках, а огнестрельного оружия не было ни у одного вследствие того, что киргизы мало знакомы с употреблением этого оружия.

Чтобы вспугнуть зверя, охотники подняли оглушительный крик и начали отчаянно хлопать по тебенькам и камышам нагайками и дубинами. К этому крикам и стуку присоединились и жалобные завывания верблюдов. Собак не было ни у кого вследствие того, что ордынские дворняжки, даже борзые собаки, почти никогда не осиливают волка, а потому и не могут быть полезными помощниками на охоте за этим

зверем. Наконец, крики киргиз взяли свое, из камышей выскочил волк и пустился удирать во все лопатки, увидев его, охотники заорали еще громче и понеслись за ним вдогонку. Я стоял почти на самой середине острова, следовательно, на некотором возвышении, с которого было очень хорошо следить за ходом охоты. Набежав на сторожевых всадников, волк быстро повернул на другой край острова и через минуту скрылся в камышах. Прискакая всей гурьбой с теми же криками к этому месту, охотники снова выгна-ли волка на ровную, несколько возвышенно площадку. Стоявшие в этом месте всадники, также заголосив в свою очередь, пустились преследовать зверя, стараясь направить его к главной группе охотников, или, по крайней мере, не допустить ему опять скрыться в камышах. Преследуемый шумной оравой киргиз, оторопелый волк, описав несколько кругов, бросаясь с одного конца острова на другой и, видно, обес-силенный продолжительным преследованием, начал все более и более убавлять шаги, так что всадники, имевшие лошадей получше, начали уже наступать его. Особенно жутко пришлось волку от одного из охотников, бывшего на отличной скаковой лошади, увлекшись жаром погони, для облегчения своего скакуна сбросил с него седло и преследовал волка по пятам, стараясь пригнать к толпе охотников. Но зверь не сдавался долго и чрезвычайно ловко уверты-вался от ударов занесенных на него дубины и палок и при каждом удобном случае ускользал в камыш, откуда, конечно, каждый раз его снова

выгоняли на открытое место, что было довольно нелегко, так как бежать в камышах по причине их густоты было в одинаковой степени трудно как самому волку, так и лошадям. Чтобы ближе видеть заключение охоты, которое, судя по все-му, должно было последовать скоро, я поспешил присоединиться к передовой толпе охотников. Впереди всех несся на расседланном скакуне неутомимый преследователь волка, киргиз, ни на минуту не уступавший зверю из виду. Он уже совершенно достигал его, но каждый раз, когда он замахивался дубинкой, - удар его пропадал даром вследствие того, что дубина запутывалась в густом и высоком камыше, среди которого бежал безумевший от страха и донельзя изму-ченный волк. Бег зверя, сильно затрудняемый густой травой и камышом, с каждой минутой становился все тише и тише, так что лошади догоняли его очень незначительной рысцой. Очень скоро охотники, достигнув всей толпой зверя, заскакали его спереди, сзади, словом, со всех сторон, и, таким образом, совершенно ок-ружили цепью. Волк вертелся во все стороны, метался как угорелый и даже успевал несколько раз прорваться сквозь цепь охотников, но те, продолжая наступать на него, в неописуемом азарте рвались вперед, так как каждому хоте-лось нанести зверю первый удар. Завязалась суматоха невообразимая, один мешал другому, третий на чем свет стоит ругал четвертого, обви-няя его в том, что он по его милости дал промах. Один расторопный и сметливый джигит, перед которым на довольно близком расстоянии

пробирался в камышах волк, вдруг соскочил с лошади, в минуту переломил свою дубину пополам и, схватив один обломок, бросился преследовать волка пешком. Он уже почти настигал его, у меня мелькнула мысль об опасности, которой подвергал себя этот удалец, так как известно, что во время травли разъяренный волк очень часто бросается на своего преследователя. Я кинул взгляд на других охотников и также прочитал на лицах их опасение за участь удалого товарища. По счастью опасения эти не оправдались, и не прошло двух-трех минут, как смельчак, настигнув волка и крепко ухватив его за хвост, начал изо всей силы, что называется, утопить его обломком дубины по чему попало. Волк вертелся то в ту, то в другую сторону, стараясь как-нибудь схватить джигита, но это ему решительно не удавалось вследствие густоты камыша. Не смущаясь покушениями зверя и не выпуская его хвоста, джигит с неумолимым усердием продолжал полосовать дубиной по спине, голове и ребрам. Скоро подъяв к нему и всадник на скаковой лошади, тот самый, который с самого начала охоты так успешно и настойчиво преследовал волка, и нанес зверю своей тяжелой дубиной почти смертельный, по крайней мере, страшно оглушительный удар, так что тот упал на передние колена и уткнулся мордой в землю. Между тем, совершенно ожесточившийся джигит вскочил на волка верхом и, сильно сдавив ему шею, не допустил подняться на ноги. Подъехавшая в это время передовая толпа охотников тотчас же спешилась и, окру-

жив зверя, начала валять его дубьем и жестоко бить нагайками. Несмотря на то, что волк, в которого вцепилось со всех сторон множество дюжин рук, не имел возможности пошевелиться, каждый подоспевший охотник считал священной обязанностью осматривать его ударами, приговаривая при каждом ударе, что тогда-то и тогда-то его собратья волки зарезали или утащили у него такую-то скотину... Один, например, упрекал волка в том, что у него когда-то пропала корова, другой вспоминал о похищении у него теленка или лошади, третий укорял за баранов или коз. И при этом удары сыпались градом на полумертвого зверя. Вдруг среди охотников раздался повелительный голос одного влиятельного лица, объявившего, что волка не нужно забивать до смерти, а следует взять и доставить в аул живьем. Непосредственно за тем несколько охотников, протиснувшись сквозь толпу товарищей, подошли к волку, который, несмотря на значительную потерю крови, еще был жив - обвязали ему морду, поставили на ноги и... удивительна живучесть этого зверя: он, несмотря на ожесточенные удары охотников, настолько сохранил еще сил, что был в состоянии идти на поводе. Тут подъехали остальные охотники, которые по нерасторопности своих лошадей и верблюдов сильно отстали от прочих. Увидев заарканенного волка, они поспешили адресоваться к нему с намерением также по силе возможности поколотить его, чтобы отвести душу за когда-то пропавший у них скот, но, к великому огорчению своему, они были удержаны

от этого варварства товарищами. Так как камыш на этот раз был обширен не на всем острове, то было решено продолжать охоту на противоположном его конце. И снова вытянулись в цепь охотники, опять врзались в камыш и поскакали в нем, выкрикивая волков. Не прошло двух-трех минут, как один из охотников закричал, что видит волка. При этом известии все влопошились, поднялось смятение и гвалт невообразимый. Все с нетерпением погоняли лошадей, но было очень трудно разобрать, в какую именно сторону выбежал волк. Заметив, наконец, что некоторые из охотников вдруг понеслись по одному направлению, поскакали туда и прочие, а в числе их и я. Напав на след зверя, мы тотчас заметили, что этот посмысленней первого, так как вместо того, чтобы выбежать на открытую середину острова, он пустился бежать к самому берегу, очевидно, намереваясь искать спасения на другом острове, отделявшемся от среднего Забурунья довольно порядочной ширины проливом. Берег противоположного острова был также покрыт густым камышом, и охотникам было особенно важно не допустить волка достиг этого берега, и для этого нужно было во что бы то ни стало настичь его в воде, что было делом далеко не легким, так как пролив был в ширину не менее полуверсты со значительной глубиной в середине и необыкновенно топкими берегами, так что охотникам представлялась двойная опасность: или утонуть, или завязнуть в береговом иле. Между тем, волк решительно направлялся к проливу, и охот-

никам нельзя было терять ни одной минуты, из толпы их отделилось шесть человек, и они понеслись вслед за волком, прочие смиренно остались на берегу - ждать развязки. Волк все дальше забирался в воду, местами тонул, завязал в иле и снова выкарабкивался. Удальцы, с громкими криками подняв дубины, неслись за ним по пятам.

Но временами волк оглядывался на своих преследователей, и глаза его загорались, как раскаленные уголья. Два джигита на скаковых лошадях успели почти совсем нагнать зверя в то время, когда он уже достигал середины залива; далее к противоположному берегу волк продолжал плыть, между тем как лошади преследовавших его киргиз уже касались ногами земли. Поравнявшись со зверем, один из всадников с размаху ударил его по голове дубиной. Удар был смертельным, и волк, ткнувшись мордой в воду, уже не поднял более головы, так что удар дубины второго всадника оказался уже лишним. Привязав мертвого зверя к хвосту одной из лошадей, всадники пустились тем же путем, то есть через пролив, обратно. Мы встретили их с величайшим восторгом и, отвязав волка от конского хвоста, представили его, согласно местному обычаю, старшему из бывших с нами охотников. Волки водятся в орде исключительно серые и не очень крупного сорта. Охота за ними постоянно производится описанным здесь способом преследования на лошадях и верблюдах. Киргизские скаковые лошади почти все в состоянии догнать волков. Нередко попадают

лошади и между обыкновенными верховыми, на которых случилось настигать волка. Цена подобным лошадям — от 50-100 рублей, скаковые же ценятся гораздо дороже, именно — от 200 до 500 рублей. Волков истребляют здесь также посредством отравленной падали. Для этого зимою или поздней осенью натирают кучельбой труп издохшего барана или другого животного и оставляют в том месте, где есть основание предполагать, что водятся волки. Навевшись этой отравленной падали, они очень скоро околевают. Надо отметить, что, хотя по немногочисленности волков причиняемый ими киргизам вред, как мы уже заметили, не особенно велик, тем не менее киргизы злы на них чрезвычайно и преследуют без всякого милосердия. Поймав волка, они обыкновенно стараются, по возможности, привезти его в аул живого, где и передают жертву мальчишкам и собакам. Иногда случается, что, заполучив к себе волка, киргизы заживо сдирают с него шкуру и потом отпускают на свободу. По рассказам очевидцев, обдранный волк даже зимою может пробежать сторяча версты две, затем, разумеется, падает и околевает. Киргизские дворняжки, так же как и борзая собака, как уже было замечено выше, пересилить волка одни почти не могут, и потому, если когда и случится слышать, что, например, такая-то борзая берет и волка, то по более точным справкам обыкновенно оказывается, что борзая прицеплялась к волку на бегу, только задерживает его и, таким образом доставляет своему хозяину возможность настичь зверя и

поразить дубиной. Совсем же остановить волка или задавить его киргизская борзая решительно не может. Что же касается дворняжек, то, если между ними нередко удаются такие, которые в состоянии одолеть в борьбе волка, зато догнать его из них ни одна положительно не в состоянии. Из приморских и приузенских киргиз многие исключительно занимаются ловлей волков при помощи капканов. Жаль только, что здешняя администрация не поощряет истребления волков. В противоположность этому у киргиз каждый, имевший случай поймать волка, приобретает в общественном мнении репутацию отличного джигита. Кроме того, поимка волка в глазах ордынца составляет такой подвиг удалства, о котором он рассказывает не иначе как с величайшей гордостью.

ИЗ ВНУТРЕННЕЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЫ

Во Внутренней киргизской орде и на прилегающих к ней землях почти при каждом месторождении соли находится гора, отличающаяся высотой, или замечательная по роду веществ, из которых состоит. Так, например, над знаменитым Елтонским озером (Эльтон) возвышается гора Аулагал, над Большими соляными грязями или Хаками-гора Малая Богдо, над Баскунчакским соляным озером — гора Большая Богдо, чапчачинская каменная соль сама поместилась в солях горы Чапчачи при Аразгыр, и, наконец, небольшие горки Чулан-Тау, Биш-Чоко и Биш-Тау тоже не остались без самоосадочных соляных озер.

За Уралом — Эндерское, или Дендерское, соляное озеро и Илецкая каменная соль имеют также свои горные возвышенности. Эти горы невольно наводят на мысль, что природа поставила их как бы натуральными маяками, или огромными путеводными вехами, для того, чтобы желающие в жизни воспользоваться солью, этим необходимым в жизни продуктом, могли издали и, не сбившись с пути, направиться к ее месторождению. В зимнее время, когда эти горы, вместе с прочею земною поверхностью покрываясь снегом, сливаются с бесцветным горизонтом и не так заметны, тогда их заменяет постоянно находящееся над соляными озерами густое и темное облако, образующееся от испарения соленой воды. Таким образом, ни в какое время года соль не скрывается от глаз своих

потребителей и всегда делается легкою добычею искателя. Эти мысли рождаются невольно, когда подъезжаешь к горе Большой Богдо и Баскунчакскому соляному озеру. Здесь только могут несколько отдохнуть усталый взор и утомленное внимание после продолжительного странствования по нашим голым и однообразным степям. Не говоря уже о неистощимом богатстве соляного источника и величественном строении самой горы, любознательность найдет здесь много и других предметов, достойных изучения. Таковы, например, горные породы, окаменелости, разноцветная глина, провалы, подземные ходы (версты на три в длину), следы каких-то бывших здесь фруктовых садов и родниковые воды с сернистым запахом. Вообще окрестный участок Баскунчакского озера представляет очень много живописных и разнообразных видов. Летом прошлого 1864 года, проезжая по юго-западному берегу Баскунчакского озера, я поражен был сильным запахом серы. Вблизи меня оказался родник, впадающий в озеро и распространяющий вокруг себя этот запах. Перебирая различные мелкие камни, смытые рекою с береговых пригорков, я нашел между ними шаровидный кусочек серы величиной не более воробьиного яйца. Других подобных кусков серы на этом месте мне не попадалось, впрочем, я и не имел времени долго искать их. Не знаю, какие были последствия ученых поездок сюда полковника Корнилова и капитана Антипова, но, сколько мне известно, о нахождении здесь серы до сих пор слухов не было. Это же самое

подтвердил мне и смотритель озера – г. Швед, который прожил в этой должности около 9 лет. Почему почтительнейше доводя это до сведения императорского Русского географического общества, я имею честь представить образцы означенной серы.

ВНУТРЕННЯЯ КИРГИЗСКАЯ ОРДА

Извините, что я редко пишу в Вашу газету, но зато очень усердно читаю ее. Она очень нравится мне и многим здесь, с нею знакомым. Ваш орган в свое короткое существование очень много выразил отечественных нужд. Деятельность озарила светом своего теплого сочувствия множество таких интересов Отечества, которые до сих пор почему-то оставались втуне забытыми. Уже одно то, что Вы добились, наконец, Вашего заветного желанья - движения на Красноводский залив, составит незабвенную заслугу «Деятельности». Совершившийся факт занятия Красноводского полуострова весьма много порадовал сердца всей России, потому что сообщение через обширную киргизскую степь с Средней Азией надоело здесь всем и каждому. Утомительная и продолжительная дорога, ничуть не обеспеченное безопасностью путешествие в степи до того затруднили здешнюю торговлю, что все почти коканские, бухарские и хивинские товары покупаются здесь вдвое дороже сравнительно с тем, как покупались пять-шесть лет тому назад. Перед осенью прошлого года была привезена в Астрахань небольшая партия азиатских товаров, которые были добыты путем Мангышлака из Красноводска, и эта партия весьма много способствовала облегчению дальнейших торговых сношений по этому пути. Из «Деятельности» видно, что она много хлопочет о колонизации киргизской степи. Действительно, колонизация была бы одной из благодетельнейших мер к

оближению киргизов с русскими, к приучению, так сказать, киргизов. Но для этого не нужно у киргизов отбивать лучшие уголья, как это делалось до сих пор. Не нужно колонизаторов стеснять особенными регламентациями. Тогда и русский скорее пустится селиться в степь, а киргизы не будут плакаться от их нашествия. Возведение колоний - излишне, если не наиболее нужно, даже и в новых наших областях за Сыр-Дарьей. Нельзя не сожалеть, что, имея очень много земель (что и составляет наше главное богатство), у нас, между тем, в середине и на северо-западе России многие землевладельцы чувствительно страдают от безземелья, т.е. не имеют достаточного поприща для своих производительных занятий. Беспольность для населения наших земель происходит, кажется, от того, что в иных местах земли слишком мало и дорога она для приобретения, а в других - она так широка и мало в ней нуждающихся, что некому ее обрабатывать и получать от нее выгоды. Поэтому колонизация пустынных мест, расселение густых населений были бы одним из средств для упрочения благосостояния русского народа. Сгорели леса, сгорели поля, потопило где-то наводнением, жители обеднели - на все это дают в России деньги. Остались от какого-либо сироты, вышел чиновник в отставку - на все это и т.п. в России даются деньги. Таким образом, легко подумать, что большая часть русского люда со временем поступит на денежное содержание. А денег, между тем, все жалуются, - нет. Кому же их вырабатывать и на что

приобретать деньги, когда весьма значительный процент народонаселения содержится на деньги, добытые другими. Таковы чиновники, приказчики, большая часть женского пола, не годные к работам старцы и дети.

Мне думается, что, наделив земельными угольями всех отставных и многих служащих чиновников (всякого оружия) вместо части производящегося ими ныне денежного содержания, во-первых, государство сберегло бы много денежного капитала, а во-вторых, побольше земель пустило бы на разработку. Все чины, например, сельских властей, как личные работники по пользованию землею гораздо охотнее могли бы получить земельные наделы, чем децны. Могут сказать, что в казне много земель, отдающихся в аренду, а потом частное занятие не стесняется приобретением поземельных угодий; на это можно ответить, что казенная отдача земель до того затруднительна, что она доступна для весьма немногих, а эти немногие допускают потом других на полученные земли, тогда только, когда они согласятся дать им жидовские проценты. Я недавно выхлопотал себе небольшой участок по силе 108 ст. XII т. Св. Зак. Уст. сел. и город. хоз. Но и это установление, хотя очень благодетельное по своему смыслу, однако, оказывается не для всякого доступным. Вообще, надобно добиваться легчайших способов для приобретения земель частными лицами, если уже не в собственность, то хотя бы во временное пользование. Я изложил здесь

вкратце несколько желаний в русском провинциальном быту.

Удовлетворение таким желаниям составляет настоящую потребность для развития во всей России земледельческой промышленности, для нас же, киргиз, это обстоятельство составляет вопрос самый жизненный - вопрос дальнейшего существования.

О КАМЕННОЙ БАБЕ, НАЙДЕННОЙ
В КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

(Из письма члена-сотрудника Географического общества Ходжи Салиха Бабаджанова)

18-го числа июня 1862 г., получив известие, что близ Песков Джангыз-Чагых, что недалеко от Ставки при Нарың-Песках, несколько дней тому назад найдено изображение женщины, вытесанное из белого камня, я отправился туда для личного осмотра и удостоверения справедливости.

По прибытии на место и по осмотру в присутствии местных жителей оказалось, что действительно в небольших барханах (на поверхности бугра из сыпучего песка) лежит статуя, имеющая человеческую фигуру и вытесанная из простой известковой каменной плиты толщиной в 1/4 аршина¹². Положение ее было лежачее, вверх лицом, и головой обращено к востоку; различные части тела выделаны в несоответствующих между собой размерах, так, например, голова и щеки необыкновенной величины, грудь и плечи несообразно широкие, стан и руки соответственно тонкие и длинные, ноги тоже тоненькие и несоответственно коротенькие. На голове приделана коническая шапка с отломанной верхушкой и с неровными, т.е. зубчатыми, полями. Остальное тело представлено без всякого одяжения. На груди, в виде ожерелья, накинутого на шею, проведены два полукруга, имеющие вид нанизанных на нити маленьких шариков, из-под которых висит небольшое грудное покрывало, или украшение, обозначающее нижни-

ми краями форму женских грудей. Руки статуи скрещены пальцами на брюхе пониже пупка и придерживают к телу противу места разделения ног какой-то полумонолитный кусок того же камня; выше кисти на руках проведены по три тоненьких рубца в виде браслетов, носок левой ноги оказался отлепившимся. Вообще ей дано положение сидячее (на пьедестале из четырехугольной плиты, на поверхности коей изображены фигуры ног). По правую сторону последних, на той же плите, означенной седалище, выбито изображение человечка в длину на 1/4 аршина, а по левую - вырезано тавро, или знак в виде четырехугольника с ручкой. Седалище это отделяется узеньким карнизом от остальной своей части, имеющей вид продолжения того же четырехугольника, вероятно, назначенного для зарытия в землю при утверждении этой статуи в каком-нибудь месте в стоячем положении.

Осмотрев таким образом статую с этой стороны, я распорядился перевернуть ее вниз лицом, что и было едва исполнено силою пяти человек. На спинной же стороне, кроме одной заплетенной длинной косы с узлом на конце и очертания задней стороны человеческого туловища, нет никаких особых примет, только от осмотра с этой стороны можно составить себе заключение, что статуя (или истукан) представляет сидящую женщину. Вообще работа и отделка довольно простые, или даже грубые, и, вероятно, принадлежат произведениям скульпторов отдаленнейших времен, т.е. давнишних

обитателей этой стороны, как-то: монголов, калмыков¹³ и других язычников востока. Величиной вся статуя в длину 2 1/3 аршина, а в ширину 3/4 аршина (около плеч и поперек седалища). Земля с западной стороны места, где лежала статуя, была до того рыхла и мягка, что тоненький деревянный прутик свободно входил в нее при легком давлении до 2 аршин в глубину. Посему тут и еще местах в двух и пробовал рыть яму до твердого грунта, углубляясь на 4 аршина в землю, но никаких замечательных признаков не оказалось. Песок и в глубине был сыпучий, но твердо улегшийся, и одинакового с верхним слоем желтовато-красного цвета, как это бывает на всех барханах (песчаных холмах). Саженья в четырех от местонахождения статуи обозначается узкою (в 2-3 арш.) полоскою очень тонкий слой солонцеватой глины по супесчаному грунту, на котором слой этот, извиваясь разными ломаными линиями в виде бастионов и т.п., образует внутри своих изгибов неправильную многоугольную площадку. На ней, одновременно с открытием истукана, как мне сказали, была найдена (и уже потеряна) одним киргизским мальчиком медная стрела. Местами на этой же площадке попадаются кучи мелких кусочков кремнистого камня, старой проветрившейся кости, пережженного кирпича и осколки глиняных горшков, что дает повод к предположению, что тут прежде существовали жилища, огороженные глиняным валом или забором, который впоследствии под влиянием дождя и ветров, должно быть, был снесен, и в

настоящее время от него осталась на поверхности земли только вышеуказанная полоса, по свойству глины совершенно сходная с глинистой землей близлежащих Больших Соленых Грязей, или Хаков.

До настоящих пор о существовании этой статуи или чего-либо в этом роде у нас не было никаких известий, и, вероятно, она скрывалась под наносным песком, который ныне, должно быть, снесен отсюда действием свирепствовавших часто в течение мая и июня сильных ветров, разрушавших в Ставке даже кровли некоторых домов, сараи, заборы и ворота. Но когда найдена была статуя, то явление это в глазах простодушных киргизов показалось чем-то чудесным. Они даже заподозрили в истукане присутствие таинственных сил и чудесного свойства исцелять недуги, словом, к нему уже успели возметь какое-то набожное уважение. Только мой личный пример неуважения и объяснения киргизам предположения, что это, должно быть, калмыцкий идол или надгробный памятник, могли их разуверить в неосновательности их догадок. Но мне странно было - как не объяснили им этого и как не отвергли суеверного уважения киргизов муллы¹⁴ (магометанские законоучители), которым, говорят, статуя эта была показываема за несколько часов до моего приезда, и они, потолковав около нее между собой, разъехались по домам, чтобы найти ей объяснение в духовных книгах, даже не отвергая зародившегося в окрестных жителей верования в неестественность и чудность явления. Это доказывает, как

низка и нетверда степень знания и понимания наших ордынских законоведов магометанской религии. К несчастью, у киргизов, как у людей темных, нет иного способа дойти до истины в подобных недоразумениях, как обращаться к муллам. К ним же (или к простым знахарям) прибегают киргизы для излечения болезней и, вместо надлежащего пособия медицины, получают от них одно отчитывание молитвами или писанную на лоскутке бумаги молитву, или какие-либо непонятные знаки для ношения на шею больного. Случается, что муллы, собравшись со своими учениками до 15 человек, усядутся кругом у постели одержимого сильным недугом и во все горло кричат, напевая какую-нибудь молитву, и по временам раздражая сильным дуновением из уст в лицо больного, который, от слабости сил своих, потеряв терпение оставаться среди неистовых криков, порывается уйти или умоляет о пощаде его спокойствия. Но подобные просьбы больного обыкновенно не исполняются в том предположении, что бегство от молитв внушается больному чертями, и, напротив, чтецы-пользователи еще более усиливают отчитыванием, удерживая больного даже силою в крикливой среде своей. Однако и в этом безрасудном лечении нельзя обвинять киргизов в очень строгом смысле, ибо у них очень часто почти нет никакого средства против болезней, и в этом случае киргиз, как утопающий в море, хватается за соломинку. Было время, что киргизы совершенно довольствовались своими средствами врачевания. Но теперь не то

— многие из них уже приобрели понятие о действительности и пользе рационального лечения через ордынского врача. К сожалению, полагается лишь один врач с медикаментами на сумму около 200 руб. сер. в год на всю нашу орду, в которой приблизительно до 30 тысяч семейств, занимающих пространство в 600 верст в длину и около 500 верст в ширину, что ясно свидетельствует о недостаточности в орде медицинских средств на все показанное народонаселение и пространство. При этом нельзя не заявить сожаления, что примеры беспомощно погибающих больных людей и скота повторяются перед нашими глазами почти ежедневно.

В настоящее время вышеобъясненная статуя перевезена мною и хранится в Ставке, ибо на прежнем месте было опасно оставлять ее, чтобы не разбили киргизы, которые и так уже до моего приезда успели сделать рубцы топором в двух местах, вероятно, пробуя твердость камня.

ЗАМЕТКИ КИРГИЗА О КИРГИЗАХ

Скоро ожидаем возвращения Карла Ивановича¹⁵. Он повез к новому генерал-губернатору очень много проектов и представлений по делам нашей орды. Проекты эти преимущественно касаются управления ордою и основания места для главного управления, т.е. временного Совета орды. Он до сих пор находится в ставке, которую основал еще покойный хан Джангер. В настоящее время эта ставка заносится нарынакским песком так, что в ней трудно жить.

Перенос ставки у нас теперь - один из самых животрепещущих вопросов. Чем он решится - неизвестно. Им очень интересуются и чиновники, здесь служащие, и киргизы, ибо от более удачного выбора места для ставки будет зависеть более верное достижение выгоды ордынцев путями управления, развития умственных способностей народа и торговли. До прошлого года об этом велась только секретная переписка у председателя Совета, а с приездом и назначением на эту должность Карла Ивановича оно сделалось известным почти каждому киргизу. Признаюсь, мы нисколько не обрадовались, когда узнали, что выбор бывших до Карла Ивановича председателей падал на места, далеко не соответствующие выгодам орды и управления. Об этом нужно бы было поговорить с вами много, но я оставлю это до другого письма, к которому намерен приложить план Внутренней орды с обозначением кочевок каждого рода, нового разделения орды, нового разделения части

и свойства земли, занимаемой ордой. По плану этому вам будет легче объяснять условия жизни и характер киргизов в разных частях. До того времени и я еще не приступаю к описанию, т.е. к ознакомлению вас с разными обычаями и нравами наших киргизов.

На этот раз я ограничусь объяснением состояния в орде грамотности и пределов нравственного образования, начав это беглым и кратким описанием хода их со дня появления у киргизов. До 1801 года киргизам нашим слово «письмо» было совершенно непонятно: оно представлялось им каким-то баснословным действием, как, например, парение в воздухе. С этого момента, т.е. со времени перехода на эту сторону Урала, у нас стали понимать, что письмо - не миф, и что в иных случаях оно могущественнее словесного выражения желания. Понимание это произошло оттого, что, когда бывшие наши ханы¹⁶ получали откуда-нибудь бумагу, то в ней заключалось всегда какое-нибудь известие или новость. Вследствие получения письма от хана происходили какие-нибудь распоряжения, касавшиеся или многих, или немногих ордынцев. Требования соседних русских начальств, несмотря на отговорки киргизов и на проволочку, не забывались, а повторялись опять по прошествии некоторого времени. Вообще же всякое важное от начальства поручение, награда (или какая другая милость или повеление) передавались на письме. Таким образом, письмо и бумага делали очень много в народе шуму и толков. Все, даже сам всемогущественный хан, не могли не

повиноваться письму. Это доказало киргизам силу грамотности. Потом они видели, что при хане и при родоприветелях есть люди грамотные, которые пользуются почетом и содержатся ближе других к этим начальникам. Кроме того, между киргизами стали появляться какие-то татары-муллы, которые, объясняя правила магометанской религии, ссылались на письмо в подтверждение истины своих слов. Об этих (или вообще) о муллах, киргизы имели понятие и за Уралом, но там они были редки и не так заметны. Муллы эти, как учителя правоверия, пользовались почетом: их везде угощали досыта, делали им приношения, и слова их принимались беспрекословно. Они и сами постарались развить между киргизами веру в превосходство учения слов благородного Корана¹⁷, и киргизы, видя пример на муллах, писемоводителях, что ученость и грамотность придает человеку почет в обществе, приносит подаяния в нужде и кормит лучшим куском после начальнических лиц, стали понимать пользу грамотности. Когда же таким образом киргизам стали понятны сила и польза учения, они начали призывать к себе мулл в качестве домашних учителей. Конечно, это делали сначала богатые, так сказать, пердовые люди того времени, а среднего и бедного состояния люди отдавали своих мальчиков к этим муллам. О русской грамоте долго не было и помину. Впрочем, до тридцатых годов и мулл бывало очень мало. Говорят, что, когда нужно было по случаю смерти какого-нибудь киргиза совершить над ним отходную молитву по маго-

метанскому закону, то для отыскания где-либо муллы родственники умерших ездили за 50, 100 и 150 верст! Мне сказывал один киргиз, что ему было лет двенадцать, когда он, несколько поучившись грамоте, отстал от муллы. Однажды случилось, что вблизи его умер один киргиз. Родственники покойного, зная, что этот мальчик некоторое время обучался у муллы, заставили его прослужить умершему отходную молитву. Он исполнил это далеко не в точности, и дело сошло тем с рук: проверить было некому.

Такое состояние невежества, я полагаю, должно отнестись к тому, что для приобретения познаний и грамотности у киргизов в то время были очень скудны средства. Вообще же, по понятиям народа, ученые никогда не отвергались, у нас даже издревле составила поговорка стариков: «Сына своего отдай или мулле, или в общество». В первом случае подразумевается учение у муллы, а во втором - пример людей. Но, несмотря на это заветное изречение, мы долго оставались невеждами, долго не могли найти учителей для необходимого в день пятикратно-го моления, что составляет необходимый долг мусульманина. Вы, я думаю, не сомневаетесь, что в душе всякий киргиз есть магометанин суннитской секты¹⁸, но этого не замечается между ними от нетвердого знания ими правил религии и смешения с ними народных обыкновений. Как ни старались и ни стремились киргизы к обучению, но учение это шло чрезвычайно туго, ибо, во-первых, для этого не было достаточных преподавателей, во-вторых, оно отнимало вре-

мя у мальчиков, которые могли бы смотреть за козлятами, ягнятами и телятами, и, в-третьих, оно считалось самым трудным делом. По имению порядочных и толковых руководств к изучению татарской грамоты (у киргизов, татар, персиян и арабов буквы и письмо - одни и те же) мальчики учились лет по 5-ти и более и не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многим вовсе: до сих пор многие ученики того времени, умея читать, не могут написать ничего. Трудность этого дела сравнивалась и ныне сравнивается с трудностью вырвать колодец иголкой! Этот взгляд на учение представлял его в умах многих такою преградой, что перейти ее казалось невозможным: несмотря на сознание потребности учиться, всякое стремление к тому тотчас же уничтожалось при самом своем зарождении. К этому прибавьте еще жестокое и слишком строгое обращение муллы с учениками, и вы будете иметь достаточное понятие о медленном ходе в орде учения и грамотности. В глазах мальчиков муллы сделались пулом. Когда мальчики плачут или шалят, то матери и отцы для удержания их говорят: «мулла идет» или «мулле скажу!». Этого слова боятся мальчики, даже не испытывавшие жестокости муллы. Вероятно, на них действует тон и выраженье, с которыми оно произносится родителями.

Для полного понимания жестокости обращения мулл с детьми я опишу здесь один день занятий их с детьми от шести до четырнадцатилетнего возраста.

Утром, как только солнце взойдет в дерево вышиною (киргизы говорят: в аркан. т.е. 13 саж.), мальчики, встав со сна, должны отправляться в кибитку или джуломейку муллы. Войдя туда, он останавливается у порога кибитки, почтительно складывает на грудь обе руки и произносит громко: «ассалям-галяйкум»¹⁹. Потом идет к мулле и садится на колени против него шагах в полутора или двух. Затем берет тетрадь или книгу и начинает читать вслух заданный ему вчера урок. Приходит другой, третий и четвертый и т.д. ученики, и все должны выделять те же приемы, так же приветствуют учителя, садятся и читают. Учитель, не вставая с места, приветствует каждого ученика («а-галяйке-моссалям») (и над тобой да будет благословение). Из учеников составляется полукруг перед лицом учителя. При этом могут быть между учащимися и девочки, к которым в обращении учитель выказывает одинаковую с мальчиками строгость. До самой половины дня продолжается самое шумное и крикливое учение. По временам мулла покрикивает «громче!», и напуганные мальчики кричат, что есть силы. Между тем, кто приготовил урок, тот выдвигается ползком к учителю и прочитывает по тетради свой урок. Если он выдержал экзамен хорошо, то ему задается новый урок; до выхода и по приходу, до ответа перед учителем, мальчик может о недоразумениях спросить, указав на непонятное им слово или букву травкой или спицей, отстроганной от щепки. Показывать пальцем не дозволяется, чтобы не замарать

тетради. Для начинающих учиться азбука пишется на небольшом лоскутке бумаги, который вставляется нижним концом в раздвоенную палочку и вручается ученику для того, чтобы он от перетиранья в руке не залякал и не испортил азбуки. Во все время занятий мальчик должен смотреть только на тетрадь и читать громко; шалить или вставать с места и разговаривать с товарищем строго воспрещается под опасением наказания пощечиной, ударами кулака, топтанием ногами и побоями легкой нагайкой или небольшого прутка. Кроме этого, очень жестоко, до крови дерут за уши. Боже сохрани, если бы кто-либо из учеников ошибся в правильном произношении! Тогда мулла поправляет его выговор, и, если это ученик переймет нескорю, то мулла берет его руками за язык и вертит так сильно, что у бедного ученика выступают из глаз слезы, а изо рта кровь. Это называется «поправлением языка», и на все эти жестокости жаловаться некому, ибо, по существующему поверию, те места на теле, по которым бил мулла, не будут гореть в аду. Несмотря на любовь и нежность родителей, они не защищают своих детей от побоев учителя. Напротив, отдавая сим последним учить детей, говорят: «Пусть мясо его будет ваше, а мне возвратите кости!». Если же родители особенно чувствительны к детям, то они все-таки не воображают о возможности учения без побоев и жестокостей и не смеют защищать детей перед учителями, а только могут отказываться от учения. От этого, конечно, только что привлеченный к учению киргиз отходит

еще далее от благотворного его влияния и снова гибнет во мраке невежества. Вот трудности и препятствия, с которыми киргизы борются на пути своего развития!

В последнее время, начиная с утверждения на ханское достоинство Джангера Букеева, учение наше пошло гораздо быстрее и обширнее. Как по влиянию и содействию этого хана, так и по другим обстоятельствам, в орде стали сознавать потребность грамотности. Дляощернения учеников и обучающих покойный хан не жалел ни денег, ни собственного старания и внушний ордынцам о пользе образования. В ставке своей он учредил школу, в которой обучалось до 60 человек правилам магометанской религии, русской грамоте и отчасти русскому языку. Школа эта существует все еще в ставке под названием «Джангеровской школы»²⁰, в ней до 30 мальчиков содержатся за счет ордынского хозяйственного капитала. Вообще можно, да и должно сказать, что Внутренняя орда нравственной своей жизнью и развитием умственных своих способностей много обязана ханам Букее и Джангеру - в особенности. Первый из них вызвал из глубины степей наших киргизов и привел на астраханские земли, где киргизы под влиянием оседлых соседей получили кроткий нрав, второй собственным примером усердия и рвения к учению татарской грамоте, правилам ислама и русскому языку и письму доказал киргизам, что учиться никому не унижительно и никогда не поздно.

Хан Джангер особенной милостью и вниманием отличал людей, занимающихся учением, торговлей или каким-нибудь мастерством. Муллы при нем получали должность и звание «кузанных мулл», они обязывались обучать детей, совершать обряды погребения умерших и бракосочетания и следить за дачей новорожденным киргизам приличных имен. (Надобно вам сказать, что имена у киргизов часто в переводе и в смысле народной речи имеют самые неприличные значения). Муллы эти, кроме того, пользуются привилегией не платить подати со скота и избавляются от телесного наказания. При Джангере в орде в значительном количестве появились татары, которые занимались или обучением детей татарской грамоте, или торговлей. Впрочем, и то и другое киргизам оказало некоторую пользу: в первом случае у нас распространилась грамотность, в последнем - киргизы (по примеру их) ныне в незначительном числе занимаются торговыми оборотами. Умножению в то время в орде татар способствовало и то, что одна из умерших уже жен хана, будучи сама татаркой по происхождению, оказывала им покровительство. Вообще же влияние татар на киргизов - вредное, ибо они вместе с правилами ислама перелают киргизам свои народные суеверия и приучают ордынцев к кляузам и мошенничеству. Я потому еще полагаю влияние и пример татар вредными, что они, при ужасном фанатизме, в продолжение столь давнего с русскими проживанияия, нисколько (говоря о большинстве) не ушли от своего грубого, закоснелого невежес-

тва. Не дай Бог, чтобы киргизы последовали им в этом! У русских так много хорошего, что мы готовы пережить с душевной радостью. У нас еще одно влияние распространили татары – это значительное употребление чая. Теперь почти половина орды пьет чай. Очень многим это никак не по достатку: но что же делать? Об этом и старики жалеют, да нельзя отстранить: «привыкли». Достойно замечания то, что киргизы 2-го прикаспийского округа, кочующие близ Красноярского уезда Астраханской губернии, употребляют кирпичный чай. Это они приняли от кочующих там кундровских и астраханских татар, для которых этот чай составляет необходимость. Кстати, о кундровских татарах. Они, говорят, прежде были богачи-скотоводы, но впоследствии обеднели от чрезмерных расходов на чай. Помня это, наши старики очень беспокоятся, чтобы и нас не постигла такая же участь. В тех же местах (по примеру тех татар) и в окрестностях ставки (по примеру русских) распространяться начинает курение табака и употребление горячих напитков. Влияние последних для киргизов чрезвычайно пагубно, ибо они не знают меры в их употреблении, это почти всегда обращается им во вред. Что киргизы почти наполовину нюхают табак в нос и издавна, это, я думаю, вам известно. Я потому включил здесь слово «в нос», что за Уралом я встречал киргизов, которые нюхательный табак щепотками клали в рот, и это у них называется то же нюханием. Извините, что я в этом месте привел очень много замечаний, не подходящих

к делу, но это я сделал с тем, чтобы после не позабыть вам сказать о них.

Я остановился на том, что татары способствуют развитию грамотности. Далее, хан Джангер, когда в Оренбурге образовалось Неплюевское военное училище, отправил туда для образования трех мальчиков, именно – султанов Кучак-Галия Шигаева²¹, Шамсиддина Досказыева и Ходжу Куббулсына Караулова²², от которых не столько домогались этого образования родители, сколько на то было желание хана. Досказыев не кончил курса и, возвратясь в орду, до настоящих пор живет здесь без всякого значения. Шигаев ныне состоит на службе в чине есаула²³ и занимал в орде весьма значительные должности. Караулов, брат мой, по окончании в училище курса наук, служил при хане и впоследствии был правителем его канцелярии: он умер в 1844 году. Оба эти последние, в свою очередь, много содействовали в орде распространению в народе грамотности и русского образования. После этих трех султанов хан еще посылал в то же училище детей здешних ордынцев и, чтобы к поощрению других показать личный пример, во главе их отправил своего сына, Золькарпейна, который умер, не успев окончить своего образования. Из этих последних детей в настоящее время в орде служат двое: один – советником временного совета, другой управляет I-м округом приморских киргизов. Само собою разумеется, что, испытавши на себе и вкусивши плоды просвещения, и эти двое не упускали случая внушать и доказывать

киргизам пользу приобретения познаний. В это время уже почти у каждого зажиточного и влиятельного в орде человека образовались домашние школы, и в каждой из них обучалось от 10 до 70 человек. Учение всех заключалось в правилах магометанской религии, а в нескольких местах преподавалась и русская грамота и язык. Так как во всей Оренбургской губернии особенно славится хорошим преподаванием правил ислама один мулла Стерлитамацкого уезда, называемый «Ишаном», то хан посылал обучаться к нему одного из своих сыновей при нескольких киргизских мальчиках. Но этот сын хана, по имени Искендер, не дожидаясь возмужалости, - умер. Из числа бывших при нем товарищей один киргиз ногаева рода, по имени Айджарык, оказался с такими способностями, что, совершенно исчерпав чашу тамошнего учения до дна и, возвратившись домой в аул, все еще искал возможности продолжать учение. Родственники его женили, но он после первой ночи опять поехал к Ишану учиться. Так как там затруднялись его учить, то он отправился в Бухару, где, довершив свое образование, в 1849 году возвратился в орду через Оренбург. Там ему не дозволили въехать в орду (как получившему образование за границей), впрочем, дозволили один год прожить в Оренбурге и велели вернуться в Бухару. Между тем жена его, жившая все время с примерно добродетельным поведением, провела с ним год в Оренбурге. Потом муж уехал в Бухару, а она вернулась в орду. В настоящее время у ней есть прекрасный

мальчик, прижитый от мужа в Оренбурге, и сама до сих пор не хочет ни за кого выходить замуж. В Оренбурге я видел Айджарыка, бывшего еще кадетом, и он мне сказал, что из Бухары он возвратился после 18-летнего там проживания. Киргизам очень хорошо известно, что он в правилах религии приобрел глубокие познания и очень жалеют, что не могут воспользоваться ими. Кроме Айджарыка, примеры отправления киргизов в Бухару очень редки.

Мулла Айджарык мне особенно памятен по одному случаю. В Оренбурге один татарин спорил со мной, что я, приписывая гром и молнию силе какого-то электричества, делаюсь противным правилам веры, ибо, по существующему поверью, облаками заведует один ангел по имени Рягад, который повелевает и кричит на облака, чтобы они лили дождь, и при этом от его кнута сыплются искры. На это я требовал доказательств словами Корана. Он ссылался да тамошних мулл из татар, но ими я не довольствовался, а выбрал Айджарыка, прозванного в Бухаре Камареддином, луною веры. На это татарин согласился. Когда мы вместе спрашивали Камареддинна о причинах грома и молнии, то он сказал самым кротким и убедительным голосом: «Господа! В Бухаре (и вообще) я обучался правилам веры, которые направляли меня к истинному служению Богу. Объясняли вам физические явления я не могу, это дело астрономов. Дело мулл - наставлять к правильному почитанию и служению Богу. Но я слышал, что астрономы объясняют и при-

писывают это явление взаимному трению и разрыванию облаков». Татарин был принужден сконфузиться за нелепость своего спора.

Я опять уклонился от предмета нашей беседы.

В 1840-х годах уже некоторые киргизы, преимущественно почетные, стали посылать своих детей для обучения в г. Астрахань, который дал для орды несколько грамотных по-русски людей. Но Астрахань, несмотря на близкое соседство к ним, не могла оказать, как и до сих пор, благотворного влияния на развитие наше. Те, которые там обучались, нанимали частных учителей, что вместе с содержанием стоило весьма дорого, и ученые не могли пойти далеко. К начальству тамошнему наши киргизы не имеют никакого прямого отношения. В городе хотя бывают осенью и зимой киргизы в довольно значительном числе, но — по самой необходимой надобности (для покупки хлеба и других товаров), и то стараются скорее уехать, ибо там избалованные жители забрасывают киргизов камнями, а армяне и татары обирают их самым мощенническим и бесчеловечным образом. К тому же, примите в соображение, что Астрахань по своей отсталости еще и сама не может служить наставницей. Не знаю, какова она теперь, но года за три перед сим в ней не заметно было никакого прогрессивного стремления. Уральцы, сливаясь пределами своей земли с ордой на 300 верст, в продолжение 60-ти лет своего соседства не могли дать для орды более пяти человек грамотных людей, т.е. выучить наших же читать и писать по-русски.

Я пропустил было трудности дороги из Орды в Астрахань: тут киргиз должен переехать множество рукавов Волги, где перевозные лодки существуют в самом плачевном состоянии, на которых рискуешь переломить себе шею или лошади — ногу, а плата — самая тягостная, в особенности через р. Ахтубу и Бузан. Между этими рукавами кочуют калмыки и кундровские татары, которые грозят киргизам лишением жизни для ограбления прогоняемого в Астрахань скота, а на обратном пути — денег или купленных вещей. От этой опасности наш киргиз скорее готов ехать за чем-нибудь один за 900 верст в Оренбург, чем за 150 верст впятером. Туда обыкновенно отправляются, собравшись большими партиями. Это обстоятельство оставляет Астрахань от нас в замкнутом положении, в таком же почти положении остаются от нас и приволжские селения русских крестьян, начиная от Астрахани до г. Царева. Между ними и границей киргизских земель вмешались тоже калмыки, которые, вместо способствования нашим к сообщению с крестьянами, преграждают путь воровством, грабежом и отнятием. С севера орда граничит с Новоузенским уездом, с юга-приморскими рыболовными промыслами князя Юсупова²⁴ и графа Безбородки-Кушелева²⁵, и во всех этих местах обитают страшные мужики. Киргизам у них учиться нечему.

При таких средствах орды к развитию, потеряв всякую надежду на содействие соседей, хан Джангер старался усилить образование ордынцев внутри земли их и открыл един-

твенный источник в этом роде в Оренбурге, где в учрежденный Неплюевский кадетский корпус разрешено начальством принимать из нашей орды 10 мальчиков во 2-м эскадроне. или азиатском отделении оного. Поэтому в 1845 году хан обращался к почетным лицам орды об отдаче сыновей в оренбургский корпус. Но в то время наши сообщения с Оренбургом были очень редки, и он казался для наших киргизов недоступной далью. Это было причиной того, что родители не вдруг соглашались на отдачу детей в корпус. Преимущественно против этого восставали матери, которые, судя по жестокости обхождения при учении мусульманских мулл, боялись, что русский мулла может совсем заморить дитя. К тому же тогда был слух, что ученик у русских не должен сидеть во время занятий и, чтобы он не развлекался по сторонам, кругом головы его обставляют острые шилья, которые при малейшем движении могут уколоть невнимательного ученика. У хана в то время один сын воспитывался в нажеском корпусе. Пример нахождения его там не мог победить в матерях страха от русских мулл, они полагали, что ханский сын потому может существовать при русском учении, что ему, как сыну важной особы, делают там особенное снисхождение. Хан нашелся принужденным еще одним сыном пожертвовать оренбургскому корпусу, послав его в главе восьми мальчиков из детей почетных ордынцев. Я говорю потому — «пожертвовать», что хан имел возможность и этого сына воспитывать в Петербурге и сознавал превосходство

тамошнего образования перед оренбургским, в Оренбург же после этого решился послать его только для поощрения примером. В числе последних девяти мальчиков находился и я. Мы воспитывались в Джангеровской школе, которая, как тогда, так и ныне, считается вроде приготовительного класса для кадетского корпуса. Однажды вечером нас вызвали к хану и предварили, что он будет выспрашивать наше желание о поступлении в корпус. У хана было приготовлено для нас угощение, образное с нашим возрастом. Он принял нас очень ласково и спрашивал о желании. Наперерыв один перед другим мы изъявили согласие и готовность. После этого хан раздал нам горстями мелких серебряных монет и отпустил. Это было зимой, в начале 1845 г. Потом мы узнали, что летом (в июле) нас отправят в Оренбург. С наступлением каникулярного времени, считающегося с 1-го мая по 1-е октября, мы разъехались по домам, с тем, чтобы к первому июля собраться на летнюю кочеву хана на р. Торгуне. Мне было тогда 11 лет, но я хорошо помню наше отправление в Оренбург. Оно было торжественно. Сам хан с почетной свитой своей и собравшимися к тому времени киргизами, в числе 80 человек, выехал провожать нас. Проехав верст пять, остановились все, и нас привели к хану, который, равно как и все прочие бывшие тут лица, пожелал нам доброго пути. Слез здесь было достаточно и со стороны мальчиков, и со стороны провожающих. Я не плакал, потому что из своего дома выехал давно и в числе провожавших не

было близких мне родных. Мать моя, провожая меня из дома, плакала горько и уговаривала не ехать. Только благоразумная воля отца и мое собственное желание было причиной того, кем меня теперь видите. Несмотря на горесть подобной разлуки, на трудность учения в орде, по энергичному направлению хана Джангера воспитание детей в последние годы жизни его у киргизов было самым модным и общим занятием. Только по причине недостатка способов обучаться по-русски все старания киргизов обратились на образование себя в знании правил веры. Едва ли не приходилось в то время на каждые 25 кибиток по одному мулле и медресе. У некоторых дети стали посылаться и в Казань, но всего чаще ездили в Стерлитамацкий уезд к Ишану для поклонения и учения. Так в деревне Стеригбашевой есть род магометанского монастыря, где постоянно проживает от 300 до 700 человек учащихся и поклонников, проживают отчасти на свой счет и отчасти - на счет приношений других.

Хан жил чрезвычайно великолепно, развил вкус у своих подчиненных, постоянно добывая вещи и изобретения цивилизованного круга людей и все это показывая киргизам, прихотничивал их ко всему лучшему и полезному и совершенно уверил, что, кроме существования в орде, есть еще лучшая и прочная жизнь и производительность в городах. Два или три раза отправляясь в Петербург, Оренбург, Москву, Астрахань и Саратов, он забирал с собой значительную свиту из киргизов, чтобы там наглядным образом

познакомить их с лучшим бытом; обращал их внимание на качество и улучшение костюмов и чистоту в домах, завел в ставке слесарных, столярных, золотых и серебряных дел мастеров, у которых учениками были киргизы; хотел приучить киргизов к хлебопашеству. С этой целью предлагал бедным киргизам нужные орудия и средства, но это решительно не привилось к киргизам. Они выдумали, что хлебопашеством занимаются русские, отправляющие рекрутские повинности, и, чтобы за сходство занятий не попасть под одну с ними категорию, отказались от принятия ханских даров и одолжений. По случаю болезни ханши Фатимы покойный хан ездил на Пятигорские горячие ключи. Туда забирал он с собой до 70-ти человек киргизов и прислуг, которые ознакомились там с красивым черкесским одеянием, седельным прибором и превосходным оружием. Все это не замедлили киргизы усвоить. Оттуда хан привозил сюда одного черкеса с семейством, жена которого обучала дешенных ковке черкесского галуна. С этого времени стала появляться у нас серебряная работа под чернью. Потом он выписал с Кавказа и из русских заводов хороших жеробцов, которыми одаривал усерднейших и почетнейших ордынцев. И в улучшении породы лошадей и верблюдов хан Джангер оказал для орды великие услуги. Хан приглашал в ставку и показывал киргизам труппу акробатов, гимнастов и вольтижеров. Это (вместе с музыкальными инструментами — орган и фортепиано) очень

заняло киргизов и дало воображению их новое движение.

В ставке в день именин и коронавания государя делались великолепные фейерверки, что казалось киргизам чудом из области неведомого им мира. При хане посещали ставку небольшие зверинцы. У хана по-русски обучались и дочери. Я помню, что красивое их письмо приносили в школу вместо прописи. В доме хана был поставлен бильярд, имелся также русский буфет со всеми принадлежностями лучшего гастрономического стола. Прислужники были все из киргизов, кроме одного татарина и русского; были у него и горничные девки из русских. При нем чрезвычайно улучшился и переменился женский костюм киргизок, он представлял среднее между русским и татарским одянием женщин. С расширением пределов знаний религии и под влиянием татарского оной толкования у знатных ордынцев появилось затворничество женщин. В сущности же, по магометанскому закону, кочевые народы от затворничества избавляются. При таком господстве шарията правители магометанского вероисповедания - муллы - усилились значительно, образовали касту, стали входить в разбор мирских споров и тяжб и сделались самыми бесполезными существами в хозяйственных занятиях. Кроме моления в известные часы и обучения детей, они и до сих пор почти ничего не делают. Впрочем, прежде их настоящего усиления они держались в доме в качестве домашних слуг и отправляли в то же время учительскую обязан-

ность. Но тогда и они, в свою очередь, обманывали киргизов. Так как большая часть из них были из временно и без дозволения начальства проживавших татар, то эти странники сочиняли молитвенники на узеньких, но длинных листах бумаги для ношения в особом мешочке на шее, за спиной или на груди, на повязке через плечо, которые продавались киргизам каждый за одного годовалого барана. Это было совершенно то же, что у западных европейцев являлось под названием «индальгенция». У нас они назывались «бойтумар». Им приписывалось освобождающее от грехов свойство - тому, кто будет или носить эту грамоту при себе, или послушает, как будет читать другой, или же, за неумением читать, хотя раз посмотрит на те молитвы, разукрашенные красными и желтыми чернилами. Но с распространением знаний шарията эти грамоты потеряли прежнее уважение к ним народа. Впрочем, и в настоящее время еще кое-где, в глухих местах орды, можно встретить их в вышитых золотом и серебром футлярах на спине или на груди киргизских девок и молодых парней. Но теперь они носят более для украшений. Я помню, как-то в конце сороковых годов они являлись в печатном виде на разукрашенных разными узорами листах бумаги и продавались по 30 и 40 к. сер. На этот раз они особенных приверженцев много найти не могли, и в настоящее время их встречаешь в редких (и то татарских) домах. Вообще татары всеми этими и другими мощничествами так много уронили себя, что ими совершенно пре-

небрегает киргиз и не признает их за людей. Кроме этого, они, еще по существующему гордому понятию о достоинстве народа, называют татар корноухими рабами. Надобно заметить, что этими словами киргизы бранятся со всеми людьми другой нации, и эта гордость и понятие, мне кажется, составились и остались у них со времен могущества монголов, когда, может быть, вместе с ними киргизы, покоря соседние народы, обрезывали им уши и делали их рабами. Теперь, конечно, эти слова произносятся только по привычке, а в сущности потеряли значение и силу. Русских, хотя в гневе, так же бранят киргизы, но в душе очень дружно уверены в их силе и могуществе. Кроме всех этих толчков был еще один, и самый сильный — это торговля. Сначала пределы ее были очень ограничены. Киргизы продавали только скотину и покупали муку, самые грубые бумажные изделия и юфть русских, бухарские и хивинские халаты и полупшелковые материи. Для ее покупки в месте продажи отправлялись немногие, большая часть, оставаясь в аулах, просила «базарчиев» привести и им нужное. Если же заезжал в аул какой-нибудь торговец, то он обирал всех, как ему вздумалось. Самим же киргизам ехать на базары, в города и селения казалось самым трудным делом. В селениях киргизы так стеснялись, что, возвращаясь домой, торжествовали, как воины после победы, «по несколько дней отдыхали без сапогов». И домашние, завидев издали возвращение базарчиев, выбегали и млад, и стар навстречу им: жены тут пускались

в слезы, дети бросались на шею возвратившемуся. Затем раздавался домашним базарлык (гостинiec с базара). Тогда была поговорка: «три дня не спрашивай ума и советов у того, кто был на базаре (в городе)». В самом деле степняк, являясь в город, терялся от удивления и смущения при виде улиц, домов, движения людей и экипажей. Он старался скорее отыскать рынок, закупить, что необходимо, и скорее улизнуть в *оладжыттай аул*. Тогда и скота гоняли для продажи столько, сколько нужно было на покупку необходимых вещей. Русские гуртовщики сами приезжали с жоаком в аул зажиточных киргизов и едва уговаривали этих продать скота побольше. Ребятишки, увидев русских гостей, прятались за спины матерей от страха. Издали они высовывались смотреть на русского. Чашу, в которой подавалась русскому пища, после мыли. Не могли они равнодушно видеть странный, белокурый цвет лица, выпученные, как у филина, голубые глаза, а торчащие на голове клочки волос мочального цвета им напоминали ведьму и шайтанов. С появлением больших потребностей в русских изделиях, в особенности - при хане Джангере, киргизы, преодолев страх и смущение от городской жизни, стали поеволле чаще и больше посещать селения, ярмарки и города, сходитьсь теснее с торговцами, вникать в стоимость и качество товаров, учиться говорить по-русски хотя настолько, «чтобы можно было выпросить хлеба». Наконец, убедившись в невозможности существовать без русских производителей и произведений,

стали теснее сходиться с русскими и дорожить их знакомством и доверием, старались всегда оставаться исправными плательщиками долгов, на случай займа не совершали никаких письменных актов, и все-таки лет 45 были исправными плательщиками, только в последнее время, нахватавшись татарских уловок, многие стали делать проволочку в уплате, но случаи, в которых киргизы отказывались от долга, были чрезвычайно редки. Хан видел, что торговцы, скитаясь с товаром по степи, могут или вводить киргизов в искушение, или обирать их самым бесчеловечным образом, видел также, как препятствует движению торговли трудность поселения киргизами оседлых мест, потому для того, чтобы и в этом тоже способствовать успеху дела сообразным с потребностью киргизов путем, учредил при своей ставке две ярмарки в год. Ярмарки эти – одна весной (в мае), другая осенью (в конце сентября), – продолжались от 10 до 30 дней. Первая предполагалась для того, чтобы доставить обеспечение покупок на все лето, вторая – на всю зиму. Тут уже киргизы стали встречать русских, татар, армян и других торговцев, хотя в таком же множестве, как в городах, но в середине степи, отчего стали свободнее всматриваться в товар и торговлю. Мена почти прекратилась, а продавали скот на деньги, и потом на них стали покупать товар. На ярмарки начали являться без церемоний дикости и киргизки, и киргизята. Открылись также своего рода полезные занятия для бедных, которые проводили всю жизнь в бедности от лени и

безделья. Одним словом, развратилась настоящая жизнь, оживленная интересом каждого и разнообразным движением и смешением народностей. Уже после порядочной торговой сделки киргиз очень охотно стал пить и есть из одной чашки с русским, совершенно забыв свою прежнюю брезгливость. Торговля открыла, что у русских меньше жадности к барышам, чем у татар и армян. Последним киргизы ни в чем не верят, во-первых, потому, что они сами заслужили это своим мошенничеством и обманом, во-вторых, по пословице, что «армянин обманул черта». Всматриваясь ближе и глубже в торговлю, киргизы с удивлением увидели, что все ненужное для них: кожи, шерсть и волос – у торгующих обращается в деньги. Мы знаем не одного богача-торговца, который разжился от этих товаров. Явилось понимание, что, кроме приезжающих, есть далее другие торговцы, у которых и товар дешевле, и киргизские произведения принимаются дороже. Более восприимчивые люди бросались туда с целью собственной покупки и продажи и из торговых расчетов. Так, лет 15 гоняют верблюдов в Оренбург, где выручают денег в полтора раза более местной продажи. Теперь все ярмарки кругом орды верст на 90 известны киргизам наперечет: везде они бывают и почти всегда выигрывают.

P.S. Этим еще не кончен мой очерк. С будущей почтой вы получите продолжение. Извините за небрежность, т.е. нечистоту письма. Я пишу прямо на эти листы и стараюсь только

передать вам предмет верно. Я буду очень рад, если этими листками доставлю вам удовольствие, и если изложение их вы найдете понятным для себя.

*Ставка при Нарын-Песках
во Внутренней Киргизской орде.
2 декабря 1860 г.*

ЗАМЕТКИ КИРГИЗА О ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ
И УЧАСТИ ЕГО РОДИЧЕЙ

Письмо первое.

Старая киргизская пословица. — Предание о ней и ее смысл. — Киргизы в С.-Петербурге. — Москва. — Впечатление, произведенное на киргизов московским театром. Цель посылки в Петербург киргизской депутации. — Сознание важности дела.

*Ставка при Нарын-Песках.
8 ноября 1860 г.*

У нас есть пословица: «Бул тастан алган да өкінер, алмаган да өкінер»... По-русски значит: «Будет жалеть тот, кто брал из этих камней, и тот, кто не брал». Поговорка эта состоялась, как рассказывают старики, по поводу следующего случая. Во времена оны, когда киргизы вели свободную жизнь и разъезжали вольными шайками по разным направлениям для приобретения себе богатства путем насильства, грабежа, и баранты²⁶, одна из этих шаек, блуждая в глухую полночь, проезжала, говорят, по таким местам, где копыта их лошадей начали очень звонко ударяться об землю и свидетельствовать о присутствии тут множества мелких камней. Услышавшие звук этот молодые барантавщики с удивлением опросили предводителя своей шайки, опытного старика, славившегося в орде знанием всех явлений в природе: «Что это за камни — их нужно подбирать?». «Я уверен, что будет жалеть и раскаиваться и тот, кто будет брать, и тот, кто не возьмет этих камней», — от-

ветил старик. Некоторые бросились подбирать с земли камни, а другие, не понимая глубокого смысла и удивляясь двусмыслию выражения старика, оставались на лошадях. Потом отправились блуждать далее. На другой день, когда небесное светило взшло на такую высоту, что осветило всю земную поверхность и дало возможность рассмотреть все ясно, то взявшие камни увидели, что они ночью подбирали куски золота, и жалели до крайности, что не нашлись собрать их побольше. А те, которые вовсе не брали, жалели, что не догадались взять. Таким образом, предсказание умного старика сбылось в полной мере. Между тем, сожалениям с каждой стороны не было конца, одни жалели, что мало взяли, другие – что вовсе не брали. Но помочь горю было нечем, потому что время прошло, место, где находилось золото, осталось далеко, и так как его проезжали ночью, то и отыскать не представлялось никакой возможности. Таково точно и мое положение в настоящее время. Я думаю, что не одно мое – но и положение всех ордынских депутатов, бывших со мною в Петербурге и ныне возвращавшихся восвояси. Пока мы ехали туда, всякий из нас с нетерпением ожидал приезда в Москву и Петербург в особенности, чтобы, насколько то было возможно, взглянуть и увидеть самому все то, что у русских и людей просвещенных есть столь для нас чудного и полезного. Но насколько мы успели в этом желании и что видели в Петербурге – об этом когда-нибудь после. На обратном пути пробыл я в Москве трое суток и потом

отправился в орду через Рязань, Тамбов, Царицын и Черный Яр, 3-го сентября благополучно достиг пределов орды и остался в своем ауле близ горы Малая Богдо. В течение трех суток я в Москве провел время самым бесполобным образом. Один только раз был в Большом театре и вместе со всеми дивился великолепию театрального здания. В то же время мои степенные и солидные спутники оставались недовольны тем, что на театр («ойын») – в переводе значит игра, забава) русские расточают столько денег и богатств, столь трудными ухищрениями добываемых. Я старался объяснить им, сколько мог, что «ойын» в театре не есть просто забава или игра, а имеет смысл назидательный и полезный для слушателя, но этого ордынцы по незнанию русского языка и по неимению у себя в народе ничего, равнозначащего театру, понять вполне не могли. Такой взгляд киргизов на вещи и такое понимание их извинительно, впрочем, по их степному быту и неразвитости. Вам известно, что с прошлого года орenburgское начальство с высочайшего разрешения стало посылать почетных и влиятельнейших ордынцев своего ведомства в Петербург и Москву, чтобы ознакомить главных в орде лиц, а через них – и всех киргизов – с могуществом и блеском империи, и через то сблизить понятия нашего народа с идеями развития русских людей и показать им наглядно существенное превосходство ума развитого и образованного перед мраком и невежеством. К сожалению, вышло не совсем так, чего вправду было бы ожидать наше начальство

от мудрых и справедливых своих распоряжений. Это меня огорчало, огорчает и теперь, тем более, что сам я, постигнув сколько то было можно, по силе и степени образования своего, все превосходство русского искусства и изобретений перед производством киргизской степи, постоянно и душевно желал продолжать свое перенимание у русских всего полезного и передавать его к сведению и употреблению своих родичей, которые, по своей неразвитости и скудости своих средств к улучшению и облегчению своих жизненных потребностей, вы не поверите, так сильно нуждаются в примерах и наставниках! Теперь я в орде и очень часто встречаю вопросы моих соплеменников о разных предметах, полезных человеку, употребляемых русскими, но не знакомых в орде, хотя надобность в них есть настоящая. Они спрашивают обо многом слышанном, но не виданном мною по неловкости бывшего нашего ментора. Против многих вопросов, задаваемых мне с целью действительно воспользоваться интересующими их предметами, предварительно ознакомившись с ними из моих объяснений, я, хотя был и близ них, но, не выдавши сам, принужден бываю молчать или отвечать «не знаю, не видел». А отвечать таким образом мне также совестно, ибо, я полагаю, мы должны были вывезти из России что-либо полезное и нужное для народных потребностей в наших аулах.

P.S. Вы, вероятно, не знаете, что посылка депутации от орды в Россию предполагается ежегодно. Всякий раз на это употребляется из

ордынского хозяйственного капитала около 8 000 руб. сер. Мне иногда думается, что, если бы благотельное начальство такую сумму назначило на образование киргизских мальчиков в разных хозяйственных и промышленных учебных заведениях, то пришло бы к нам в аулы все то, что мы хотели хоть посмотреть у людей. Я думаю: мы очень хорошо сблизились бы через своих молодых образованных людей со всем, что составляет для удовлетворения нужды народа средство, на что есть у киргизов и желание, и деньги.

Письмо второе.

Пьянство в орде. – Ордынская грамотность. Татарщина – влияние татарского элемента на язык и быт киргизов. – Торговые занятия орды. – Сближение с русскими. – Лады с ними. – Смерть хана Джангера Букеева. Новые вопросы. – Новые кляузы. – Временный совет. – Решитель судеб Матвеев. – Суляжничество. – Попойки. – Г. Кондарицкий. – Гений канцеляризма. – Следственный ход дела. – Прикосновение к делу. – Ужас народа к этому прикосновению. – Развитие отписки, переписки и записи. – Усиление грамотности и ее специальное в орде направление. – Г. Ващенко. Новое усиление грамотности. – Развитие чернилопролития и бумагоистребления. – Междоусобицы. – Г. Иванин. – Волнение киргизов. – Обычная колея занятий. – Влияние новой жизни.

Ставка при Нарын-Песках.

9 декабря 1860 г.

Так как теперь винные окупа стоят на черед современных вопросов, то я должен откровенно вам сознаться, что уральцы создали для орды весьма значительное число пьяниц. Преимущественно заражены этим киргизы, кочующие против Гурьева городка и вверх по Уралу, до Калмыковской Крепости. Вино также начинает входить в употребление у киргизов обоих приморских округов, но там это очень малозаметно, и то только у тех, которые зимуют по прибрежью Каспийского моря близ рыболовных промыслов и ватаг²⁷. Я вам говорил при личном свидании в Петербурге, что киргизы стали сознавать необходимость сближения с русскими и пользу этого сближения, отчего у нас и образовалась известная всем поговорка. При первоначальных сношениях киргизов с русскими посредниками и толмачами²⁸ между ними явились татары, которые и здесь, пользуясь обстоятельствами, старались киргизов более увлекать на свою сторону и на свой лад, чем служить только как бы орудием сближения двух наций. Киргизы видели, что татарин ему существенной пользы не принесет, а только его же оберет, но делать было нечего - сам он не мог обходиться без помощи русского, а русский не был доступен для него без посредничества татарина-толмача. В то время киргизы поневоле стали сближаться сначала с татарами, заискивать у них расположения, считать их кем-то, очень высоко стоящим.

Господство свое над киргизами татары утверждали на двух основаниях. Во-первых, на знании и обучении наших детей правилам

ислама, во-вторых, на посредничестве между русскими и киргизами. Это заставило многих киргизов, преимущественно тех, которые хотели успевать по двум этим отраслям развития, порядочно отатариться, принять их суеверные понятия и даже переделать выговор свой на татарский манер. В этом последнем особенно далеко ушли люди торговые, муллы и султаны²⁹. Последние, имея в своих руках власть над ордынцами, и желая всегда стоять выше своих подчиненных, были во всех преуспеваниях орды первенствующими людьми. Только торговые занятия не привились к ним - это они считают низким для себя делом. Несмотря на то, что в последнее время они потеряли в глазах киргизов прежнее свое значение и влияние, до сих пор из них, кроме двух или трех человек, никто не занимается торговыми оборотами. Но зато главнейший из занявшихся султан Султан-Гирей³⁰ ведет торговлю (от самых мелочных вещей до красных товаров) и занимается перевозкою грузов на своих верблюдах, и делом этим нисколько не пренебрегает.

Главнейшею причиною распространения татарского произношения слов было то, что киргизы в письме обходятся посредством употребляемых татарами арабских и персидских букв, которых для киргизского выговора далеко не достаточно. Потому грамотные киргизы принуждены и писать, и читать по-татарски, при чтении часто усваивают татарский манер и через то причаются и в обыкновенном разговоре произносить слова по-татарски. Когда

уже и это произношение стало существовать в народе как следствие грамотности и особенного знания, то произношению таких грамотников стали подражать и люди, вовсе неграмотные. Время – всемогущий правитель человеческих действий, наконец, стало более сближать русских с киргизами и ослабило тяжелое и бесполезное иго татар над киргизами. И русский стал присматриваться к киргизам и не считать их хищниками, как было давно, прежде, и киргизы сами стали убеждаться, что русские способны быть мирными и обязательными соседями, начали отдавать им потом для обучения своих мальчиков, стали наниматься к русским сначала в пастухи, а потом и в домашние работники. Таким путем орда приобрела новых толмачей уже из собственных своих сынов. Многие киргизы при таких сношениях уже стали приобретать у русских торговцев приказщицкие должности. Между тем, и русские не упускали случая прислушаться к киргизскому слову и потом объяснить, без помощи татар, прямо с киргизами по своим торговым делам. Тогда уже и ордынцы перестали бояться городов и селений, а всякий спешит побывать там за своей надобностью, следуя старинной поговорке: «Ступай на базар и попытай свое счастье». В разных концах орды появились мелкие торговцы из самих киргизов. Словом, все было пушено в ход – и капиталы, и умя.

В таком состоянии оставил орду в 1845 году покойный хан Джангер Букеев. После его смерти начинается новый период развития

киргизов, имеющий отличительное свойство от Джангеровского. Тут народу явились новые вопросы: кто будет управлять ордою? Как он будет управлять? Между значительными лицами завязались спор и ссора – кому первенствовать? Люди по разности взглядов, мнений и желаний разделились на партии. Орда прислушивалась к этому говору и ожидала победителя из киргизов. Впрочем, почти все единогласно желали воздвигнуть ханом сына умершего Сахиб-Гирея. Он был молод и еще не кончил своего образования в пажеском корпусе. Тогда образовался известный вам нынешний временный совет. Он был учрежден по плану оренбургского начальства. В нем председательствовал султан, по чину – войсковой старшина (майор) – Адиль Букей-ханов, заседали два советника, тоже из султанов, и один советник от министерства государственных имуществ. Последнюю должность занимал бывший правитель канцелярии хана, чиновник Матвеев. Таким образом состоялось коллегиальное управление. Оно в весьма только ограниченных пределах и по маловажным делам руководствовалось порядком, который завел у нас покойный хан, и народными обычаями. В случаях же более важных действовало сообразно с русскими законами. Сколько от этого, столько же от особого доверия Оренбургского начальника к советнику от министерства, голос этого последнего сделался сильнейшим между присутствующими. Народ, почуяв это, весь хлынул к нему. Султаны же, за неимением собственной силы и власти, тоже искали его

расположения, и всякий старался существовать на высоте один. Для этого они разбились сами и разбили орду на партии и открыли ужаснейшую вражду друг против друга, несмотря на самое близкое родство. Ко всякому делу и к пустейшим искам киргизов примешивались интриги партии. Недовольный одной стороной прибегал к помощи другого - поучить его умразуму: как бы искуснее и похитрее выиграть такое-то дело. Другая сторона принималась поддерживать просителя не из сострадания, но с тем, чтобы сделать его оружием, повредить противникам. Тогда открылись сильнейшие наущения, получения и даже подстрекательства к затеванию дел. Дела чрезвычайно расплодились, усложнились, запутались, решение их требовало продолжительного времени и рассматривания, а люди трудились рождать новые процессы и новые затеи. Так как в Совете сильнейший голос был на стороне г. Матвеева и от него, как от человека, не причастного к интригам ордынцев, можно было ожидать более правосудия, гнева и милости, то все это враждующее жалобами население обратилось к Матвееву. В этом хаосе обоюдных жалоб и клевет Матвеев не находил возможности отыскать, где ложь: не находил и потому, что сам он не умел говорить по-киргизски, а переводчики, поддаваясь очень часто влечениям какой-либо партии, не переводили ему настоящего дела. От этого дела путались еще хуже. Народ пришел в отчаяние, стал высказывать сожаление и горе, что не может сам объясниться по-русски и объ-

яснить хотя по-татарски дело на бумаге. Между тем около старейших и влиятельнейших лиц выучились пить их близкие люди, затем пьянство распространилось по окрестностям Ставки. Затем Матвеев умер, не оставив о себе доброй памяти. Вместо Матвеева явился из Оренбурга Кондарицкий. Он, говорят, был добрый человек, справедлив в работе и решении дел, но ужаснейший формалист и поборник всех канцелярских дряг и порядков. Многим делам он дал ход порядком следственным. От этого киргизы ужасно смутились. Они до того времени не видали в пределах орды никаких следствий: у нас для этого и в языке-то выражения не существует, мы только слышали о существовании его в соседних уездных судах и у станowych приставов, да у комиссаров. Следствие для киргизов, цельных в своих понятиях, составляет такое пугало, что они готовы принести в жертву все свое достоинство, чтобы только не быть «приобщенным к бумагам». Страх и горе следствия внушили киргизам уездные жрецы фемиды. Когда же это страшное следствие явилось в орде, то враждующие партии старались друг на друга завязать и заклеить следствиями.

Это возродило множество нескончаемых письменных дел и целое отродье кляузников. Следствия были нескончаемы, потому что формы и правила, предписанные для них законами в орде, неудобноисполнимы. Долго киргизский ум не мог привыкнуть к этому новому занятию, и когда кого бы то ни было, для каких бы

то было споров вызывали к следствию, родственники отправлявшегося провожали его со слезами и с воплями. Явилось понятие, что для удобного избежания наказаний по следствию и для верного обвинения кого-либо нужно знать законы, разумеется, русские. Но таких знатоков между киргизами оказалось очень мало. Были люди грамотные, они давно вошли в употребление: сочиняют прошения, доносы и клеюзы, но настоящими «загонщиками» называться, в сущности, не могут. Кто же законщик настоящий? Кто будет учить законам киргизов? Их не ищите, они сами явились в толпу и давно уже шепчутся с народом. Кто же они? Татары и люди письменные. Что бы ни болтали они народу, все принималось за чистую и истинную статью закона. Уральцы создали для орды самых отличных клеюзников. А как татары, большею частью, встречаясь с ордынцами в Ставке и в Глинянском Форпосте, то кругом этих двух мест клеюзничество развивалось в высшей степени. В это время, впрочем, все обратилось в клеюзничество, даже младенчеству грамотность служила только на посылах у сутяг и клеюзников. Пределы жалоб и доносов обоюдных не ограничивались пределами орды, они стали доходить и до Оренбурга, где находится главное начальство киргизов. Там и в совете удивились явлению такого направления умов и уже приняли все возможные меры к уничтожению сутяжничества, которое уже многих начинало разорять разными издержками по делам.

В это время умер Кондарицкий, на место его приступил статский советник Ващенко. Строгий, неумолимый в своих решениях, державший все и всех в ежовых рукавицах, удалявшийся от всех и от всего, г. Ващенко обратил особенное внимание на злоупотребления должностных лиц и с необыкновенною деятельностью принялся распутывать все запутанные и клеюзные дела. Для него не существовало ни праздников, ни дня для отдыха, ни ночи успокоительной. Насколько был он деятелен сам в занятиях, настолько же требовал, чтобы были деятельными и должностные лица орды. Он все делал на бумаге, всякой жалобы требовал письменной. Это давало ему возможность лучше и положительнее обсуждать и решать дела, а между тем письменное производство так усилилось, что при недостатке грамотных рук служащих, неграмотные оказывались несостоятельными отправлять свою должность. Его неусыпным побуждениям не было конца. Многие лица принуждены бросить служебное поприще. Он отличал и поощрял грамотных людей назначением на должности и при этом не брал во внимание происхождение человека и его породы.

Вот тут-то все бросились писать и причитать к письменному делопроизводству с единою целью - быть чиновником или канцеляристом. От этого образование киргизов разделилось на два рода: одни старались приобретать религиозные познания и быть муллой, другие спешили получить светское образование, т.е. учиться читать, писать и говорить по-русски и писать

по-татарски. Чтобы довершить образование киргизов по этому новому стремлению, не было достаточного числа учителей, а потому и искатели этого знания получили весьма незначительное развитие, а только остались какими-то полузрячими и затейливыми кляузниками и законщиками.

Во время господства сутяжничества торговые занятия киргизов хотя тоже подвигались вперед, но чрезвычайно медленно, ибо все бросились оспаривать у друг друга первенство и стремились получить знание и должность. Переписка и письменное производство достигли крайних пределов, киргизская вера и доверие в частные сделки на слово потерялась, спешили заключать всякую сделку письменным актом. Явились недоразумения, и уже возродились вопросы: как бы поуменшить письменное производство дела?

К размножению тяжб особенно содействовало увеличение народонаселения и скотоводства при крайнем недостатке и неправильном пользовании поземельными угодьями. Следствием поземельных споров явились драки, нередко доходившие до смертоубийств. Недостаток земли внутри орды разогнал народ в соседние местности, хозяева коих тотчас же спешили сообщить свои свойства и все влияние на своих припущенников-киргизов. Так калмыки заразили киргизов воровством, новоузенские крестьян тоже, кундровские татары тоже и, наконец, уральцы сделали из киргизов и воров, и кляузников, и пьяниц вместе.

Вашенко разбил несколько лиц, предводительствовавших враждебными партиями, чрезвычайно ослабил и почти уничтожил султанскую слесь, всю власть прибрал в свои руки, и управляющий ордою султан Адиль существовал только для формы. При нем главные зачинщики интриг много охладели к своим прежним занятиям. Между тем большинство народа залезло в такую письменную пропасть, что и сами киргизы затруднялись, как из нее выйти, и начальство затруднялось, как их остановить.

В 1853 году Вашенко вышел, а на его место вступал полковник Иванин. Этот новый господин орды был человек с истинно добродетельною склонностью и гуманными взглядами, но по временам то слишком доверчивый, то слишком неверчивый. Особенное его внимание было обращено на уравнивание платимой в орде полачи со скота, на наделение землею киргизов сообразно потребности каждого и на ограждение киргизов от стеснений соседних жителей и начальников. Но всем этим и по несколько другим предметам г. Иванин принял много полезных начинаний, но не успев довершить всего, оставил орду в 1856 году. При нем, вследствие печальных недоразумений, народ, не зная что делать, чему повиноваться и кому верить, в 1855 году пришел в волнение и отказался повиноваться местной власти. В сущности, волнение это отнюдь не имело смысла восстания против действий правительства, ибо приверженность наших киргизов к нему безгранична, они смотрят на него с благогове-

нием и считают чем-то божественно высоким. За Иваниным снова явился г. Ващенко. С этого времени должность управляющего ордою из киргизов упразднилась, а на его место, и почти в роде хана, утвержден в совете председатель из русских чиновников. На этот раз г. Ващенко уже не требовал, чтобы всякую жалобу излагали ему на бумаге, письменных дел было меньше, да уже и сами киргизы не затевали многосложных дел. Ващенко исключительно был занят сказанием киргизам возможного правосудия в их претензиях. Строгость и справедливость Ващенко были киргизам очень хорошо известны, а так как и он знал многих киргизов хорошо, то к нему с новой ложью и новыми клеветами соваться уже не стали. В орде все как бы успокоилось и погрузилось в свои мирные занятия. В деле образования юношества и развития народных способностей Ващенко особенного содействия оказать не успел, а, прослужив свои года, с пенсией вышел в отставку. В эти последние три года народ как бы обдумался: жизнь потекла мирно, торговые занятия стали развиваться сообразно потребностям, свободно, клеветы почти прекратились, главнейшие предводители враждебных партий, почувствовав значительное поражение на пути своих искательств, уже совсем удалились от народных глаз и толков и глубоко погрузились в свои хозяйственные занятия. Много превратностей судьбы испытали и они, и народ. Видели всю тщетность мелочного искательства умственными силами стараться стоять выше других. Явилось раскаяние, примирение

с действительностью и покорность к тому положению, в котором увидели себя впоследствии, после 13 лет смутной и переходной жизни, т.е. после смерти хана Джангера. С одной стороны - крайний недостаток поземельных угодий для продовольствия скота, тем самым доказывающий непрочность нынешних форм нашего существования, с другой - недостаток познаний для удовлетворения теперешних нужд и потребностей, увеличивающихся все более, все быстрее и быстрее; ошибочность бывшего до сего времени направления умов, ничтожность грамотности и неполнота и неправильность знаний и стремлений людей грамотных, ныне имеющих; сознание пользы и сближения с русскою жизнью и лучшими приобретениями развитого человечества - все это и многое сему подобное привело теперь наших киргизов к положительным заключениям о жизни и жизненных действиях.

Мы находимся в самом переходном состоянии и готовы с радостью всякое благоразумное указание умственного и правильного пути принять и следовать по нему неотступно.

СПОР УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ С
КИРГИЗАМИ ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ

Самое напряженное внимание киргизов Внутренней орды обращено в настоящее время на возможность разрешения в нынешнем году вопроса о спорных между ними и уральским казачьим войском земель. В сущности, вопрос этот далеко не новый, ибо он возбужден уже около 30-ти лет тому назад. В течение этого времени из разных источников собирались сведения, и дело это можно считать вполне обследованным. Никто еще не может сказать определенительно, чем и как оно порешится. Вот в этом-то отношении являются самые разноречивые суждения и догадки, и никто не может остановить своего мнения на чем-нибудь.

В споре состоят земли троякие: 1) междуузеньский участок, находящийся ниже границ новоузеньского уезда, между реками большой и малой Узени, до Камыш-Самарских озер, 2) Камыш-Самарские озера и право рыболовства на их водах и 3) песчано-солонцеватые земли, находящиеся на юге от Камыш-Самарских озер до Каспийского моря и простирающиеся в длину верст на 180, а в ширину от двух до 20-ти верст. Обе спорящие стороны не имеют на владение или пользование этими землями никаких ясных и бесспорных правительственных определений. В итоге исчисления прав на земли каждой стороны, притязания спорящих опираются на давность пользования, и в этом отношении не имеют друг перед другом никакого преимущества. Обращаясь к оценке нужд в поземель-

ных угодиях, мы находим каждую сторону в следующем положении. В пользовании орды состоит около 5-ти миллионов десятин земли, а число душ считается в ней около 5 т. Земля для киргизов составляет первую потребность, единственное средство и необходимую опору их существования, которое исключительно поддерживается произведениями скотоводства; а скотоводство не может приносить выгод или плодов, если оно не обеспечено достаточными поземельными угодьями. Другого рода промышленности киргизы не знают, и лишая их средств к продолжению этого единственного источника пропитания равносильно обрекают их на погибель. Численность киргизского скотоводства, в общем распределении оно на число семейств, не превышает пределов, необходимых на содержание и теперешнего ордынского населения, которое заметно подвигается к умножению. Между тем для продовольствия и существующего скотоводства земли у киргизов так мало, что они ежегодно бывают принуждены арендовать земли за пределами орды, по крайней мере на 150 т. руб., в том числе и у уральцев на 30 т. руб. сер. Из всего этого не остается никакого сомнения, что киргизам нужна земля, нужна настолько, чтобы не погибло их скотоводство, служащее им единственным источником их материального благосостояния. Говоря о поощрении ордынского скотоводства, о наделении их достаточными землями, мы далеки от мысли, чтобы поощрять и поддерживать скотоводство киргизов до бесконечности, - мы

не желаем и не хлопочем о том, чтобы ордынцев оставлять скотоводами и кочевниками навсегда. Придет время, когда киргизы приучатся и к другим родам промышленной производительности, и когда скотоводство без посторонних принуждений и насилия само собой уступит место и другим более соответственным промыслам, согласным с обстоятельствами того времени. Но до той поры, до приспособления киргизов к приобретению себе средств содержания другими родами промышленного производства, стеснять орду внезапным прекращением ее скотоводства - значит привести к весьма неблагоприятным последствиям.

Не такова картина, представляемая положением поземельного пользования уральских казаков. Земли у войска считается около 6-ти миллионов десятин, а население его простирается до 70 т. обоего пола. Казаки как сословие, стоящее еще на низшей ступени цивилизации, тоже занимаются скотоводством, и в этом промысле они находят немаловажную опору своего материального благополучия. Породы скота, разводимые казаками, суть те же самые, какие имеются у соседних им киргизов. Впрочем, скотоводство как заводская промышленность развито между казаками очень мало, и в этом отношении для них достаточно было бы и шестой доли состоящей ныне в их пользовании земли. Наибольшую численность скота уральцы приобретают покупкой и содержат для продажи, как скотопромышленники, скупщики и т.п. торговцы. Скот обеих этих категорий, не превы-

шающий и половины киргизского скотоводства, содержится уральцами на своих войсковых угодьях, которых на это достаёт всегда с таким избытком, что значительная часть их отдается ежегодно и на арендное содержание посторонним лицам. Таким образом, казачьи земли представляют собой двойкий род пользований. С одной стороны, принимая во внимание нераздельность казачьих земель между единицами этого сословия, можно считать их поземельное пользование общинным, но с другой - тоже принимая во внимание, что войсковое сословие отдает большую часть числящихся за ним земель на аренду, - поземельное пользование его составляет собой совершенное тождество с помещичьим владением. В первом случае уральцы, как граждане русской земли, за свое собственное пользование последнею отбывают общую на Руси казачью службу, но за второй род пользования, т.е. за помещичье владение землями, войсковое сословие не приносит государству никакого дохода, никаких податных или акцизных взносов. При совершенном устройстве и преобразовании в России всевозможных поместных владений, означенное выше безданное пользование уральцев уже отвергнутым всюду помещичьим правом, едва ли не представляется исключительным явлением, - явлением, противным порядку и интересам государства. Если же принять в соображение, что все означенные акцизные или арендные платежи с излишних казачьих земель поступают не в общую сумму доходов империи, но составляют особый войс-

ковой, т.е. сословный или частный капитал, то положение этого войска - помещика, при его безданности, является особым государством в государстве. И это то особое государство, именуемое уральским казачьим войском, в ущерб основного и главного государства, владеет территорией в 6 миллионов десятин. На этом пространстве казачьи жительства располагаются небольшими форпостами с одной лишь окраины числящихся в их пользовании земель, которых наибольшая часть и доньяне остается пустопорожней и эксплуатируемой на праве помещичьего землевладения. Невозможность обнять всего этого пространства собственной своей промышленностью и желание извлекать из земель всевозможные выгоды поставили уральское войско в положение помещика прежних времен, а неоправданное внимание на промыслы по землевладению этого помещика, образовало из его поместья, как сказано выше, особое государство в государстве. Такое громадное удаление этого войска от общих государственных интересов и правил представится нам еще яснее, когда мы поставим его в сравнение с другими нашими согражданами, отбывающими Отечеству одинаковое с уральцами воинское служение. По общему положению казачьих войск, на каждую душу казака полагается наделить по 40 десятин земли. Считая же в уральском войске около 40 тысяч душ мужского пола, и наделив каждую душу в установленном размере, законным делом этого войска будет лишь предоставление его пользованию 1 600 000 десятин. Затем, из

числа ныне остающихся в пользовании уральцев 6 000 000 десятин, около 4 200 000 десятин, по разуму единого и нераздельного государства, окажутся ясно пропадающими без пользы для него, в помещичьем или вассальном владении уральских казаков. Таким образом, для государственной экономики такое патриархальное содержание уральского казачьего войска без всяких уважительных ныне причин обходится в три раза дороже, чем содержание подобных же ему других казачьих войск. Переложив непоказанный излишек войсковых земель на деньги, мы придем к такому же заключению об упущениях интересов государственной экономики. Средняя арендная плата за десятину здесь обходится около 25 коп., следовательно, государственная казна, отбирая у казаков излишние земли, в видах государственной экономики, и отдавая их в аренду по ренте дешесних земель, с показанных 4 200 000 десятин могла бы выручать в год более полумиллиона руб. сер. Между тем, при нынешних обстоятельствах, эти полмиллиона рублей, ежегодно ускользя из счетов государственной экономики и оставаясь в помещичьем или вассальном владении уральского казачьего войска, далеко не употребляются последним так производительно и благотворно для всего государства, как могло бы распорядиться употреблением подобной суммы правительство. На недавнее взятие Самарканда, в коем считается до 70 тысяч душ жителей, нам говорят, что употреблено издержек около полумиллиона рублей. Если это правда, то не можем не

дивиться значению полумиллиона, и не можем пренебрегать этой цифрой, как ничтожеством, не стоящим ничего внимания. Сравнив столь производительную затрату государственных денег со столь же непроизводительной затратой ежегодно отечественного капитала и достоинства на патриархальное или рутинное содержание уральского казачьего войска, мы невольно приходим к убеждению, что эта пресловутая патриархальность войска и неправильное его выделение из общего строя государственного хозяйства обходится последнему на ту же сумму, на которую ежегодно можно покорять страну, равную своей населенностью всему числу жителей этого войска. А что войско это могло бы прожить и отбывать службу (если последняя все еще признается необходимой) и без этого огромного излишка захваченных им земель, тому служит доказательством существование других казачьих войск, поставленных в пределы законного землевладения.

Из перечисления всего сказанного выше понятно для всякого, что уральцы и помимо опорного участка имеют в своем пользовании много и других земель, пределы коих, по большей части, не освящены законным определением, но всегда оспариваются у соседних жителей правом преждевременного захвата. К таким неопределенным войсковым пределам относятся и показанные выше земли, состоящие ныне и с издавна в спорном пользовании у казаков и киргизов.

Киргизы Внутренней орды к столкновению с уральцами на этой границе пришли следующим

образом. По переходе Внутренней орды на европейскую сторону Урала, по дозволению правительства, киргизы были допущены кочевать и пользоваться свободными тогда казенными землями между Уралом и Волгой. Заклучая в пределах своих пески Нарын, эти казенные земли назывались Астраханской степью, и должны были, с одной стороны, ограничиться только действительными владениями уральских казаков. Но казачьи земли, как и тогда, так и ныне, не имеют с этой стороны никаких определенных границ, а потому за казачью границу признавались лишь те места, которые входили тогда в пределы действительного землевладения казаков того времени. По смыслу помянутого предоставления пользоваться казенной землей до пределов уральских, киргизы Внутренней орды заняли своими кочевьями все свободное пространство степи и встретились с уральцами только в 30 и 40 верстах от берегов Урала, по течению коего казаки занимали тогда своим действительным владением весьма небольшую полосу земли от г. Уральска до Гурьева городка. По малочисленности тогдашнего населения орды и войска эти два общества сначала не стеснялись приближением одного к другому. Между ними завязались живейшие торговые сношения и другие тому подобные посещения друг друга. Но время и интересы каждого впоследствии начали претягивать более тесному сближению. И войско, и орда начали значительно возрастать численностью своего населения. Уральцы, как первоначальные жители здешней

стороны, не могли не завидовать распространению на ней киргизских кочевьев, и как люди, более смышленные в познании своих выгод, заранее стали заботиться о приобретении себе поземельных угодий. Поэтому они начали малопомалу запугивать и удалять киргизов от своих действительных владений. Не зная ничего положительного о границах предоставленных их пользованию казенных земель, по одному лишь напору уральских казаков, киргизы отступали все далее и далее от казачьих владений и приостановили свое отступление от первоначальных пределов их кочеваний на сей стороне только тогда, когда очутились на Большом Узене, на Камыш-Самарских озерах и на протяжении от этих озер вниз ко Курхайскому Морцу Каспийского моря. Далее подвигаться назад киргизы не могли уже и потому, что середина степи не представляла более свободную пустыню и занята была умножившимся народонаселением их же племени. При таком наступательном движении вперед войсковых обывателей, для расширения своих исключительных владений, насчет уменьшения предоставленных пользованию орды казенных земель, при неопределенности границ последних и при невозможности киргизам отступать ещё далее в глубину степи, между беспорными угодьями той и другой стороны образовалось, наконец, смешанное поземельное пользование, которое и называется ныне вообще спорным участком, и оспаривается войском как собственное поместье его, а киргизами удерживается в своем пользовании

как казенная земля, или как общее для всех граждан государственное достояние.

Насколько заслуживают уважения подобные притязания каждой стороны - в этом нетрудно дать разрешение после всего описанного выше. По нашему короткому знакомству с этим делом для решения спора по 2-му и 3-му разрядам этих земель, при нынешнем их положении, не представляется иикаких препятствий. На протяжении около 180 верст от Каспийского моря до Камыш-Самарских озер и ныне уже существует бесспорная граница, признанная по обоюдному соглашению доверенных от обеих сторон и принятая для руководства согласно актов разграничения земель в 1855 и 1864 годах. Само собой разумеется, переделать то, о чем стороны не спорят и подписали свое согласие, - переделать то, что разделено добровольно между самими тяжбующимися, было бы равносильно возобновлению однажды прекращенного спора. Можно ручаться заранее, что из-за утверждения этой уже существующей границы со стороны киргизов не произойдет никаких неудовольствий. Но согласится ли правительство уступить бесплатно и безакцизно пользованию казаков и остающуюся за этой границей свободной от казачьего владения часть прежней Астраханской степи казенной земли на принадлежность коей войску - последнее не имеет никакого доказательства - это особый вопрос, разрешить который мы не беремся. Относительно же всех вообще Камыш-Самарских озер, говорят, давно уже состоялось Высочайшее повеление,

чтобы озера эти (не сделано исключения) были замсужеваны в пользу киргизов. Поведение это и доселе остается испривденным в надлежащее исполнение, а потому уральцы и поныне не перестают пользоваться частью этих озер, в ущерб Высочайшего предоставления их киргизам. Говоря о Камыш-Самарских озерах, мы не можем оставить без внимания и права рыболовства на водах их и озере Сакрыле. Несмотря на то, что озера эти остаются совершенно внутри киргизских кочевьев и казенных земель, подлежащих исключительному пользованию орды, рыболовство на этих водах прибрано доселе казаками в свои руки. Киргизы положительно и насильственно отстраняются от этого промысла под тем предлогом, что этим не занимались их предки, и что при переходе последних из-за Урала правительством не было выговорено пользоваться орде вместе землями и рыболовством на водах этих земель. Предки теперешних киргизов действительно не занимались в начале перехода сюда рыболовством, а потому, и предкам, и правительству не с чем было и возбуждать вопрос о рыболовстве. Но ныне, когда уже киргизы вполне достигли всю пользу и обращение с рыбным промыслом, когда воды эти, окружаясь со всех сторон состоящею в пользовании орды казенною землею, дают киргизам естественное право присвоить эти воды себе по паходснию оных внутри своих кочевьев, когда по неудобству окружающих озера земель, ни к чему, кроме скотоводства, рыбный промысел является для киргизов един-

ственной подпорой к обеспечению средств их существования по слабости и неизбежности одной скотопромышленной производительности, то оставлять монополию рыболовства по-прежнему в пользовании одних только уральцев, нам кажется, было бы незаслуживающим никакого оправдания. Уральцы и кроме этих вод пользуются монопольно правом бесплатного рыболовства на Урале, на части Каспийского моря, на Курхайском Морце, на Чирхальском и других озерах, на которых промышленные занятия их находят и то еще поощрение против промышленников прочих местностей Империи, что казаки не обязываются вносить в казну положенного для других акциза за добывание соли в своих и соседних землях. Обложив акцизным взносом, сообразным с платежами других рыбопромышленников и солеомцев в Империи, и допустив на вышеисчисленных водах одинаковую для всех подданных конкуренцию рыбного промысла и соледобывания, можно надеяться, что государство получило бы от этой меры гораздо большие выгоды, чем от патриархального служения Отечеству Уральского казачьего войска. По неблестящему состоянию материального богатства орды, по незнакомству киргизов с другими родами промышленности и по неспособности их угодий для другого к чему-либо более полезному употреблению, кроме скотоводческой производительности, представление этого рыболовства киргизам не может показаться ни для кого излишнею щедростью или роскошью, для удовлетворения

потребностей ордынского пропитания. В этих соображениях киргизы питают полную надежду, что рыболовство, во на двух Узнях, на Сакрыле и других Камыш-Самарских озерах будет предоставлено им, если не даром, то, по крайней мере, с платежом необременительного акциза в государственную казну, куда поступают уже от них и прочие подати.

Решение о третьем разряде спорных земель, т.е. междуузенского участка, нам кажется, тоже не затруднит никого, если будет обращено на дело должное внимание. Войско, оспаривая этот участок как собственное свое поместье, сколько известно каждому, не могло доказать принадлежности себе этого участка: ибо никакими документами не утверждено за войском владение этими землями. В силу этой-то непринадлежности участка войску как частному владельцу, само собою разумеется, что земля эта неминуемо должна быть причислена к таковым же сливающимся с нею казенным землям, которые, согласно прежним распоряжениям правительства, предоставлены, и ныне остаются, в пользовании киргизов. При таком решении дела о пользовании междуузенским участком, естественной границей между казаками и киргизами является р. Большой Узень, далее которой киргизы не простирали доселе притязаний и за которой казаки пользуются землями бесспорно со стороны орды.

Заявляя свои соображения по разграничению спорных между уральцами и киргизами земель, мы не упустили из виду и интересы государства.

Мы лично не заинтересованы пользованием этими землями, а потому и предаем об этом, как факт, обращающий на себя всеобщее внимание здешнего края. Внимание здешних жителей вообще обращено и на то, что будет далее с вассальными владениями и монополиями рыболовства и соледобывания уральцев. Все эти преимущества уральцев невольно бросаются в глаза всему окружающему населению. Оно за недостатком у себя подобных средств содержания и за невозможностью поплатиться все и непосредственно в пользу государственного объединения интересов, к сожалению, остается плачевным данником, а в некотором случае и крепостником войскового сословия.

В ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Большая часть земель, занимаемых киргизами Внутренней, или Букеевской орды составляют сыпучие пески, известные под именем Нарын Пески, производящие самую скудную растительность. На северной части этих песков встречается еще кое-какая лесная поросль, беспощадно истребляемая с каждым годом киргизами и их скотом. Природа бедна здесь во всех отношениях, озер или рек вовсе не существует. Каменистых гор тоже не имеется, зато почти вся степь состоит из волнообразных песчаных холмов и углублений. Воду везде достают из колодцев, которые легко раскапываются во впадинах песчаных барханов. Грунтовая вода, встречаясь на глубине от $3/4$ аршина до 1,5 сажени¹⁷, почти везде пресная, исключая мест, примыкающих верст на 50 к Каспийскому морю, где уже вода горьковато-соленая. Между песками очень часто попадаются солощеватые грязи, называемые у киргизов сор, которая не приносит здешним обитателям никакой пользы. Впрочем, на двух сорах под солонцевато-глинистой землей отысканы довольно толстые и горизонтально плоские слои песчано-известкового камня, образец коего при сем прилагается. При этом же представляю образец нарынского сыпучего песка, на котором растет вышеозначенная лесная поросль. Из прописанного камня киргизы, кроме надгробных памятников, никакиx употреблений не делают. Один здешний степняк песком этим заменяет (л. 2) мелкую подписку или пемзу при лицевании, т.е. обтачивании изделий. Для этого

же обмазывает клеем палочку, в виде подпилка сделанную, и потом насыпав на нее песок, оставляет сохнуть. Когда совершенно высохнет, то он ею уже точит свое изделие. Образец этого при этом также представляется. При раскапывании колодца или на местах, где ветром унесены верхние слои песка, иногда отыскиваются медные стрелы, т.е. наконечники стрелы, в роде прилагаемых при сем же. Нам вообще неизвестно время и употребление таких стрел. Но киргизы почитают их стрелами молний и привешают на шею маленьких детей для предохранения их от чертей. За недостатком научных сведений киргизы во всем, несколько отличающемся от обыкновенного, подозревают чудесную силу или свойства. Так, в орде два или три места слывут за обиталища святых угодников, потому что там вода при разрытии колодцев, стекаясь с боков и поднимаясь со дна, во множестве выпускает пузырей как от кипячения и имеет серный запах. Множество больных и немощных стекаются к этим местам с приношением на жертву баранов, остаются ночевать и наблюдают, что им представится во сне. Все видения сна толкуют потом в применении к излечимости или неизлечимости болезни. Неудачность подобного лечения никогда не раскрывает киргизу глаза и не разуверит его заблуждения, а напротив, он всегда найдет чем-нибудь обвинить себя, но отнюдь не оскорбит святых сомнением или недоверием.

Должно полагать, что все пространство, открытое ныне сыпучими песками, было некогда морским дном или было тут множество озер,

впоследствии высохших. К такому заключению подает повод то, что при разрытии колодцев в земле около грунтовой воды встречаются очень много и очень часто застарелых или побелевших простых раковин разной величины и различных форм, образцы коих я вышлю при первой возможности. Все это, представляя на благосклонное внимание Общества, я буду иметь честь ожидать извещения его о получении этого и приложений.

ВО ВРЕМЕННЫЙ СОВЕТ¹²
ПО УПРАВЛЕНИЮ ВНУТРЕННЕЮ
КИРГИЗСКОЮ ОРДОЮ

Имея весьма ограниченное поземельное пользование около участка Баскунчакского соляного озера, я по неимению водопоя и по недостаточности своих покосных угодьев, довольствие своего скотоводства преимущественно обеспечивал добыванием сена из названного участка, также отчасти тоже пользовался и пастбищами. Таковое приобретение сена и кормление скота я производил постоянно и во все предшествующие годы, помогая даже охранению озера. А так как вокруг многие угодья ордынцев были все неудовлетворительными для них самих, то из-за этого я не мог и желать себе или просить о наделении меня ордынской землею, а потому поневоле прибегаю к вышеобъясненному приобретению сена, хотя это было для меня весьма убыточно. Кроме того, я многократно принужден был перегонять скот свой на займище р. Волги, где тоже принужден был покупать сено со значительною тратою денег. На соляном участке я преимущественно пользовался косами в смежных с ордою лиманах: Тургай, Сарбастау и Самаркуль. Но я получил сведения, что лиманы эти навсегда прирезаются к орде взамен земель, уступаемых отсюда под солевозную дорогу в слободу Владимиранку. Лиманы эти и другие части соляного участка, поступая в распоряжение ордынского управления, я полагаю, что будут отводимы в пользование нуждающихся кирги-

зов. А потому о вышепоясненной своей нужде я считаю благовременным заявить Внутреннему совету, покорнейше просю о наделении меня из соляного участка достаточною для моего скотоводства покосною землею. На участке этом, между прочим, есть лошина, называемая Тургай, на которой держится постоянная вода в виде небольшого озера. Южный берег этого озера, обращенный в сторону соляного озера, имеет грунт, способный к произрастанию древесных пород. На этом же берегу поблизости воды для поливок я удостоверился, что весьма легко удалось* бы и разведение фруктовых деревьев. А потому, желая заняться этим полезным делом как для своих личных выгод, так и в пример и поучение киргизов, я имею честь покорнейше просить распоряжения Временного совета об отводе мне на помянутом берегу Тургая 4 или 5 десятин земли для устройства на них фруктового сада и возведения необходимых при том хозяйственных построек. Садоводством этим я хотел бы заниматься в том соображении, что со временем, при хорошем саде, мне представилась бы возможность обходиться без значительного скотоводства и нужных для него обширных поземельных угодий. А что садом этим я займусь действительно, в случае надобности я могу представить соответственное ручательство или залог. На это имею честь ожидать милостивейшего разрешения Временного совета.

ВО ВРЕМЕННЫЙ СОВЕТ ПО
УПРАВЛЕНИЮ ВНУТРЕННЕЮ
КИРГИЗСКОЮ ОРДОЮ

Вследствие ходатайства моего о наделении меня поземельными угодьями сообразно с потребностями моего скотоводства и на общем основании отводов земель нуждающимся в оных ордынцев и согласно удостоверению управляющего Торгунскою и Калмыцкою частями о моих нуждах в земле, по распоряжению Внутреннего Совета в текущем году мне было предоставлено пользоваться небольшою частью Баскунчакского отвода, поступившего в ведение ордынского начальства. Между тем, прежде бывшие в моем пользовании земли, как несоответственные с потребностями и условиями моих хозяйственных занятий, были представлены пользованию других нуждающихся в земле ордынцев, которые на оных поселились охотно, как на землях удовлетворительных для требований их хозяйств. После таковых распоряжений Временного совета и управляющего Торгунскою и Калмыцкою частями оставалась неразрешенною еще одна моя просьба о предоставлении в потомственное мне пользование с платою в казну оброка 95 десятин земли на берегу озера Тургая для разведения там фруктового сада и разных лесных пород, а равно и для занятий огородничеством. Местность, которую я просил отвести под сад и другие заведения, не составляет особого участка от моего пользования, но состоит совершенно внутри и в числе поземельного надела, предоставленного моему

пользованию на общем основании наделения киргизов землею. Поэтому через предоставление этой местности в мое потомственное содержание, местности, состоящей и ныне уже в моем же исключительном пользовании, ни для кого из ордынцев не могло быть никакой потери, ибо остальные ордынцы - каждый отдельно имеют и свои особые наделы по нуждам их скотоводства. Прежде предоставления моему пользованию, как эта местность, так и прочие части Баскунчакского отвода, составляли казенные пустопорожние земли, прирезанные к Баскунчакскому соляному озеру. Что же касается до земель орды, отошедших под солевозную дорогу взамен прирезанного к орде Баскунчакского отвода, то земли эти так же в непосредственном пользовании ордынцев не состояли, а находились в спорном с соседними уездами положении и потому были заняты хуторами и пашнями русских крестьян. На этом основании первым поселенцем на означенную местность с дозволения начальства прибыл я, а потому я желал бы для вышепоясненных заведенной частью уже состоящих в своем пользовании земель приобрести в свое же и потомственное содержание согласно 15 п. 108 ст. XII т. Св. зак. изд. 1857 г. и с платою в казну ежегодно оброка в количестве 20 коп. сер. за десятину и сверх подати, положенной с моего скотоводства. Занявшись садоводством и огородничеством, помимо личных своих выгод, я также желал подать собою пример и прочим киргизам. Хотя я и не ожидаю, чтобы киргизы, вследствие их

невежества и нежелания заниматься чем-либо, кроме скотоводства, смотрели на мое предприятие снисходительно или доброжелательно, и хотя я не надеюсь, что садоводство очень скоро может вознаградить мои издержки и труды за оное, однако я уверен, что когда настанут полезные последствия моих занятий, то пример мой не останется без благотворного влияния к приучению и приохочению ордынцев заниматься этою полезною промышленностью. Ныне я осведомился, что осуществление моего настоящего предприятия будет предоставлено обсуждению и усмотрению киргизского общества, а потому, опасаясь, чтобы ордынцы, по причине своей неразвитости, не сделали для меня недосягаемым столь полезное во всех отношениях занятие, я имею честь покорнейше просить Временный совет не оставить исходатайствовать мне разрешение высшего начальства на отдачу просимых мною 95 десятин без участия в том обсуждения киргизских обществ: во-первых, потому что киргизы для этих обсуждений недостаточно развиты, а для предпринимаемых мною занятий не оказывают покуда никакого расположения, и во-вторых, потому что земля, которую я прошу, до моего занятия была пустопорожнею, а поступивши ко мне состоит в моем же пользовании безучастно со стороны прочих ордынцев и, наконец, вышеприведенная статья законов тоже не допускает других конкурентов на таковое занятие, или отдачу земель.

№143

1820 г., мая 5. – Отношение Оренбургской пограничной комиссии султану Шигаю о выдаче старшине Караул-ходже Бабаджанову³² свидетельства на оптовую торговлю хлебом в Букеевской орде.

№1128

По прошению состоящего под ведомством вашим старшины Караул-ходжи о выдаче ему паспорта на проезд в города Саратов и Астрахань и дозволении ему покупать там хлеб на предмет продовольствия киргизского народа, Пограничная комиссия входила с представлением в октябре 1819 г. к г. оренбургскому военному губернатору и кавалеру, который в разрешении одного предписанием от 29-го минувшего апреля за № 178 дал знать, что старшина Караул-ходжа может производить в управляемой вами Орде оптовую торговлю хлебом не иначе, как по основанию узаконений, т.е. или записавшись в гильдию, или же взяв, откуда следует, свидетельство, установленное манифестом от 11 февраля 1812 г., в параграфах коего изображено:

§ 7. Казенная палата, приняв объявление, немедленно выдает по оному свидетельство по форме.

§ 8. Свидетельства сии возобновляются ежегодно.

§ 9. При выдаче свидетельств каждый раз взимаются пошлины по следующему: 1) кто объявит желание вести торговлю общую оптовую не только внутри, но и при биржах, тот вносит две тысячи пятьсот рублей; 2) кто объявит желание вести торговлю оптовую внутри империи, тот вносит

тысячу рублей. Пограничная комиссия предлагает вашему степенству объявить все вышеизложенное старшине Караул-ходже.

ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 и об. Подъявич.

№203

1826., июля 11. Отношение хана Джангера в оренбургскую пограничную комиссию с просьбой о разрешении старшине Караул-ходже Бабаджанову строительства в г. Уральске.

№786

Почтенный ходжа Караул Бабаджанов в поданном ко мне прошении изъясняет, что г. Уральска магометане просят его, по случаю отдаленности им ходить для богослужения в то мощную мечеть, так как из них некоторые после случившегося в оном городе пожара переселились на другие места, выстроить при урочище Кайре новую мечеть, и он, Бабаджанов, для выполнения сего на своем иждивении сделал им законное обещание; почему просит меня об исходатайствовании ему позволения на постройку в г. Уральске, на своем коште, при урочище Кайре пятивременной мечети, всепокорнейше прошу учинить позволение означенному ходже Бабаджанову на постройку в г. Уральске при урочище Кайре пятивременной мечети, и о том сделать зависящее со стороны ее распоряжения.

Подписал хан Джангер Букейханов.

Переводил переводчик Салаватов.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1683. Л. 2 и об.

Перевод.

1826., сентября 17. – Отношение управляющего МИД графа К.В. Нессельроде³⁷ оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену³⁴ о пожаловании императором Николаем I чина есаула Караул-ходже Бабаджанову за заслуги в экспедиции к Аральскому и Каспийскому морям.

Пребывающий здесь хан Джангер Букеев ходатайствовал о награждении некоторых подвластных ему султанов и старшин, а равно письмоводителя его и толмача.

Я имел счастье довести о сем до сведения государя императора и испросить всемилоостившее утверждение на означенное представление. В прилагаемому сего списке ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, кому именно и какие пожалованы награды.

Его величество при сем случае, удостоив обратить особое внимание на заслуги, оказанные во время экспедиции к берегам Аральского и Каспийского морей ходжи Караулом Бабажановым, пожаловать соизволил ему чин есаула, соответствующий чину армейского капитана, о чем сообщено уже от меня господину начальнику Главного штаба его императорского величества.

Пребываю с совершенным почтением и преданностью вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Подписал: граф Нессельроде.

ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3400. Л. 27 и об.

Копия.

1827 г., июля 12. – Отношение Оренбургской пограничной комиссии хану Джангеру о предложении старшине Караул-ходже Бабаджанову строительства мечети при Ханской ставке.

№ 2275

Из переписки, в сей Комиссии производящейся, видно, что вверенной вам Орды старшина ходжа Караул Бабажанов, по усердию своему к магометанской религии, желает выстроить деревянную мечеть в г. Уральске по просьбе тамошних жителей магометан, и что в число предназначенных им трех тысяч рублей часть оных якобы отдал уже тамошним духовным магометанским чиновникам.

А как усердие сего рода всего приличнее употребить старшине Караул-ходже с помощью прочих зажиточных киргиз-кайсаков во Внутренней орде построением мечети близ Ставки вашего высокостепенства, где и дом выстроить назначено вам от правительства, то Пограничная комиссия предлагает вашему высокостепенству объявить о сем ходже Караулу, не изъявит ли он желание соорудить таковую мечеть в Орде, где есть уже при вас и определенные для богомоления муллы, и что таковое усердие его будет иметь свою пользу и надобность для самих киргизцев, и правительство не оставит принять оное с особенным к нему вниманием, причем не оставьте внушить ему, что постройка и содержание мечети в Уральске всего ближе принадлежит на попечение тамошних прихожан.

Какой же против сего подаст старшина ходжа Караул отзыв, прислать оный в сию Комиссию.

Председатель полковник Генс²⁵.

Секретарь Прибыловский.

Столоначальник..

Резолюция: Предписать Караул-ходже, чтобы он донес, где желает построить мечеть.

ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 9. Л. 11-12. Подлинник.

№ 234

1829 г., декабря 8. – Контракт на аренду части приморских земель князя Н.Б. Юсупова старшиной Караул-ходжой Бабаджановым.

1829 г. декабря 8-го дня, я, нижеподписавшийся Малой киргизской орды, берческого рода есаул Караул-ходжа Бабаджанов, дал сей контракт в Астрахани его сиятельства, действительного тайного советника, Государственного совета члена и разных орденов кавалера князя Николая Борисовича Юсупова поверенному Ивану Васильевичу Шулушову в том

1. Что с согласия означенного господина допущен я, Караул-ходжа, им, поверенном Шулушовым, в принадлежащих его сиятельству дачах, здешней губернии в Красноярском уезде состоящих, в недалеком расстоянии от Кокоревской ватаги при проране Коневом на бугре иметь для собственного моего и семейства моего строение, состоящее в трех землянках, одной деревянной и двух камышовых, двух амбаров, одной конюшни, ледника, двух камышовых для скота базов и одной бани.

2. Больше сего строения никогда я, Караул-ходжа, без дозволения означенного князя Юсупова или поверенного его, увеличивать не должен. А если бы и понадобись мне что еще построить вновь, не иначе испросить наперед позволения владельца означенной земли или его поверенного.

3. За таковое дозволение иметь мне, Караул-ходже, заселением означенного бугра, обявляюсь рыболовным промыслам означенного господина, когда будет надобно, давать своих лошадей или верблюдов для перевозки с одного на другой припасов или в случае особенной надобности, под своз чего и также для уборки с бугров на промысел сена; а имевшийся нас означенного князя Юсупова конный скот на каждое лето имею брать я, Караул-ходжа, с надлежащего описью для пасения и продовольствия подножным кормом в степи на собственную ответственность, с тем, чтобы таковой скот, кроме одного падежа от болезней, нигуда бы утрачиваем не был и по истечении каждого лета, в октябре или ноябре месяцах, возвращаем был на промысел в целости, а за нецелость оного ответствовать имею платежом, чего стоит будет.

4. На таковом положении иметь мне, Караул-ходже, означенное строение на означенном бугре до того времени, как не будет воспрещения в том от его сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова, если же по обстоятельствам каким или по случаю какому последует приказание от его сиятельства означенное строение на сем месте мне не иметь, то оное я должен немедленно уничтожить, бугор и перевести на другое казенное место в степь, за границу

межи князя Юсупова, по плану и межевым книгам значащую; или также вышеозначенное положение рассудится, которой-либо из нас стороне переменить и вместо вышеозначенных услуг определить какой дешезный оброк, то и сие учинить я, Караул-ходжа без отрицания. Сенокосение мне, Караул-ходже, иметь для собственного моего скота на таких поблизости моего жилища местах, где не нужно рыболовным князя Юсупова промыслам, о чем и буду предварительно спрашиваться промыслового смотрителя или приказчика, и ни в чем ни промыслам, ни крестьянам стеснения и помешательства чинить не буду и прочих киргизцев от сего отвращать и уговаривать стану, в чем контракт сей поверенному Ивану Шулешову и дал, который содержать имею свято и без нарушения, в том на своем диалекте по-киргизски подписуюсь. 1829 г., декабря 8-го дня сей контракт в Астрахани у маклерских дел явлен и в под № 468 подлинником записан, который по личному спрашиванию дателя, Караул-ходжи, оказался во всем бесспорным, в чем и засвидетельствовал вексельный маклер Евграф Стариков.

С подлинным верно: поверенный Иван Шулешов.

ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-2. Заверенная копия.

№ 247

1832 г., сентября 28. – Рапорт старшины Караул-ходжи Бабаджанова председателю Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсу с просьбой о разрешении разорив-

нимся казахам рыболовства во владениях князя Б.Н. Юсупова.

№ 22

По жестокости минувшей зимы многие из кочующих по берегу Каспийского моря киргизов Внутренней орды лишились почти всего скота своего и около 1000 кибиток пришли в такую бедность, что занимались к достаточнейшим в работники из одной только пищи, и то только на летнее время, на зиму же, по недостатку в молоке, никто из ордынцев пропитать их и за работу не согласится, и у сторонних людей также работ, по незаселимости тамошних мест, отыскать не могут, так же они лишены почти надежды спастись от гибели. По изобилию в рыбе по берегам морским, промышленники из уловляемой ими рыбы берут лишь одну крупную, а мелкую бросают обратно в воду, и потому я предлагал смотрителю над ватагами князя Юсупова, купцу Уразову, чтобы он позволил киргизам ловить рыбу по урочищам, владеемым его сиятельством, с тем чтобы они пользовались одною только мелкою, крупную же отдавали на ватаги, но Уразов требовал, чтобы киргизы занимали так называемых рыболовных атаманов для указания удобных к рыболовству мест, и чтобы на произведение лова заключаемы были контракты, а как исполнение сих условий, в заключении контрактов, по необразованности и безграмотству киргизского народа, по проволочке от того произойти долженствующей и по множеству участников, крайне стеснительно, то покорissime прошу ваше высокоблагородие

исходатайствовать для бедных киргизов позволение ловить рыбу без тягостных условий. Я почитаю исполнение сей просьбы выгодным для владельцев ватаг, которые без издержек будут получать крупную рыбу, которую трудно скрывать и передавать посторонним людям, по неимению их в тамошних местах, нельзя. В случае согласия на сие начальства я снабдил бы из человеколюбия бедных киргизов рыболовными снастями по испуглению их, и полагаю, что примеру моему последуют и другие почетные ордьнцы.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 306. Л. 1-3. Подлинник.

№ 248

1832 г., октябрь 4. – Представление Оренбургской пограничной комиссии Оренбургскому военному губернатору графу П.П. Сухтелену о поддержке апеллиционной жалобы старшины Караул-ходжи Бабаджанова в Сенат на судебное решение по иску княгини Д.Б. Багратион²⁶.

№ 3354

В Астраханской палате уголовного и гражданского суда производилось дело, внесенное на ревизию из Астраханского уездного суда, по апеллиционной жалобе вдовы полковницы княгини Дарьи Багратион о взыскании Внутренней орды со старшины есаула Караул-ходжи Бабаджанова 4000 руб., недоплаченной будто бы им оной г-же Багратион по производимой ими общей торговле хлебом. Дело сие в оной Палате решено тем, чтобы с означенного Караул-ходжи

Бабаджанова взыскать помянутые деньги 4 тыс. руб. во удовлетворение княгини Багратион; и как Караул-ходжа пропустил установленный апеллиционный срок, то Палата требует взыскать означенные деньги с Бабаджанова, несмотря на то, что он послал апеллиционную жалобу в 7-й Сената департамент.

Вследствие сего старшина Бабаджанов в поданном 27 сентября в сию Комиссию рапорте объяснил, что он, не имея наличных денег, был принужден приступить к продаже части своего скота и для того пригнал сюда 22 верблюда отличной, по осеннему времени, в которое обыкновенно отправляются караваны, получить за них хорошую цену; но как ход караванов по известным Комиссии обстоятельствам сделанся неправильным и на сие время потребность в верблюдах весьма незначительна, то он мог получить за оных только 2200 руб. серебром по общепародному курсу, которые и представил в Комиссию; в остальных же просит сделать ему отсрочку до первой возможности выручить деньги сии продажею соответственного оным количества скота; причем присовокупил, что по несправедливому взысканию с него сих денег подал на решение Астраханской палаты гражданского суда в марте 1832 г. в 7-й департамент Правительствующего Сената апеллиционную жалобу, с которой представив в Комиссию копию, просит войти в стесненное положение его и принять к зашщичению его начальнические меры, взнесенные же им деньги употребить в заимобразную ссуду на основании законов из процентов впредь до решения дела.

Пограничная комиссия, поднося у сего представленную Бабаджановым копию апелляционной жалобы, имеет честь объяснить, что она полагает внесенные Караул-ходжого Бабаджановым деньги 2200 руб. отправить в Оренбургский приказ общественного призрения для приращения процентами, с тем чтобы оные находились в обращении до решения дела Правительствующим Сенатом, и если означенное дело будет в пользу Бабаджанова, то оные деньги возвратятся ему и с их, а ежели решится оное в пользу княгини Багратион, то деньги те поступят в удовлетворение последней, и тогда же взыщется с Бабаджанова сверх денег, сколько не будет доставать в иске княгини Багратион. О чем уведомить Астраханскую палату уголовного и гражданского суда.

А как старшина Бабаджанов просил употребить ходатайство, где следует о защищении его, то Комиссия предает сие милостивому вниманию вашего сиятельства, покорнейше прося в разрешение предписания, присовокупляя к тому, что вышеозначенное заключение будет служить ответом на предписание ваше 9-го текущего сентября за № 255.

Председатель полковник Генс.

Советник Топорнин.

Советник Бикмаев.

Ассессор Кузнецов.

Ассессор Плотников.

Секретарь Прибыловский.

Резолюция: Уведомить астраханского военного губернатора, прося, дабы за претензии

на него, взводимой княгиней Багратион, уже не описывать его имения. А как дело его по апелляции находится в Сенате, г. обер-прокурора уважить заслуги и влияние сего ордынца ускорением разрешения его дела.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 304. Л. 19-21 об. Подлинник.

№ 265

1186 г., апреля 14. – Предписание хана Джангера султану Суюнучгали Джаналиеву¹⁷ о правилах проведения ярмарки при Ханской ставке.

№202

На учрежденной по высочайшему его императорского величества соизволению при моей Ставке постоянной в году ярмарке время торговли производится наиболее двукратно. По принятому купечеством и ордынцами обыкновению с 15 апреля по 15 мая и с 15 сентября по 15-е число октября. Полагаю необходимым быть тогда по величине съезда для порядка особенному на месте присмотру, о котором и о правилах, для того назначаемых, от меня было бы известно почтенное купечество, торговцы разные и сами киргизы, на случай сохранения полицейского устройства, соблюдения при том тишины, спокойствия и производства разбирательств совершенно маловажных, поелику всякого рода важные дела принадлежат по установлениям следствию по форме, суду и решению по законам.

Избираю ваше степенство при наступающей ярмарке с 15 апреля по 15 мая сего года

находиться во все продолжение времени у пристражника оной безотлучно, а к непремennomу исполнению ваших обязанностей строжайше предписываю вам:

1. Благопристойность. С купечеством и разного рода торговцами во всех отношениях поступать ласково и благопристойно, не нанося никому никаких оскорблений, подтверждать о том самим киргизам, равно и казачьей команде, из состоящего при мне отряда, которая находится будет при вас на ярмарке для осторожности и порядка.

2. Поставка кибиток, купеческий караул. Как обыкновенное помещение кулечества и торговцев с товарами бывает в нанимаемых ими по добровольной цене кибитках, а в томе 13-м Свода законов, в статье 401-й напечатано: «Приезжающие на сии торги продавцы и промышленники становятся на определенных местах рядами», то приказать поставлять их в два, три и более ряда прямолинейно, но так, чтоб одна от другой были в некоторой отдаленности для безопасности от нечаянного пожара, однако ж и недалеко между собою, дабы удобнее иметь торговлю, провод скота и пристражника для караула. Никому не позволять останавливаться для торга и мены, кроме рядов, на степи в отдалении и особо от ярмарки; необходимо запретить сие для предупреждения от похищений и происшествий общего всем вместе участия в торговле и мене. Ваше нахождение с кибиткою, караулом и письмоводителем расположить в середине поставленных кибиток. Повозки и ло-

шадей приезжающим велеть становить между кибиток и также без стеснения места, навоз от них ежевременно приказывать очищать; потом при торгующим, сверх ярмарочного караула и патруль, иметь в ночное время свой собственный караул от каждых рядом десяти кибиток поочередно из своих работников, а если хотят, то могут и более оный увеличить.

3. Письмоводитель. Для занятия при вас письменными делами назначен мной письмоводитель, который в сие время будет состоять в ваших распоряжениях по письмоводству, исполнять ваши законные приказания, для ясности прочитывать вам сие предписание и самому исполнять все то, что до письменных только относится, не вмешиваясь без бытности вашей ни в какие разбирательства.

4. Словесный разбор. В маловажных делах и несогласиях словесный разбор по торговле, или по другим незначительным случаям, или обоюдным жалобам кого-либо из торгующих или киргизов производить по справедливости, приказывать доставлять обиженному скорейшее удовлетворение, даже в тот же день, если можно. Напротив, когда сделано будет слушание против вашего разбирательства, доносить мне рапортом, описать, в чем состоит дело, кто по имени из купцов или торгующих обидел и не удовлетворил киргиза, с тем вместе потребовать и представить ко мне паспорт его при том же донесении, дабы мог я просить г. губернатора той губернии, откуда виновный, о поступлении с ним по законам. Если же ослушался киргизец,

не исполнил немедленно вашего приказа, не удовлетворил справедливой претензии купца или торгующего на ярмарке, такового ослушника киргиза при рапорте ко мне доставить для определения ему от меня телесного наказания при кордоне и для взыскания с него в пользу претендателя вдвое цены против маловажной претензии.

5. Важнейшие происшествия. Относительно важнейших преступлений или происшествий, как-то: смертоубийства, грабежа, значительных покраж, драк, насилия, бития с нанесением увечья или боевых знаков и тому подобных дел уголовных, виновные, несмотря ни на какое лицо, должны быть тотчас задерживаемы под крепкую стражу, различия их состоянии, с отправлением при бумаге вашей к начальнику кордона при моей Ставке. Мне, с прописанием обстоятельств происшествия, с означением имен свидетелей или других открытых доказательств, равно с поличным будет найдено, в тот же день донести с представлением пачпорты. Если виновный из иногородних, товар, деньги и имущество его приказать, чтоб он сам лично по собственному своему усмотрению поручил кому заблагорассудит для хранения от утраты, взяв с него объявление за подписом, кому именно сделал сие доверие, поелику сам он не будет уволен из-под стражи по важности случая, доколе не прибудет на место следователь, откуда должно.

6. О сохранении товара и карауле при виновном. Если никому не сделает отдачи от себя на сохранение товаров и прочего по невозможности

или другому, тогда потребуется все при нем и при свидетелях описать, опечатать и отдать под военный караул, наняв помещение на счет хозяина, впредь до распоряжения следователя; но вы, не приступая к тому сами ни под каким видом, приставя к лавке его или кибитке достаточный при нем караул из казаков, дабы виновный не сделал побега, должны письменно рапортовать мне, что он состоит под арестом в лавке его или кибитке, но что не имеет способов кому поверить товар на сбережение, посему даны будут от меня надлежащие предписания кому и о чем следует.

Примечание. Сии предосторожности предназначаю вам иметь в делах уголовных в отношении самих хозяев, купцов, мещан и прочих имеющих товар, но если окажется виновным состоящий при нем приказчик или работник, а сам хозяин на лице и к делу не причастен, такового рода людей просто брать под стражу, как означено выше, ибо при товаре остается старший. В Своде законов сказано: в томе 14 Устава о предупреждении и пресечении преступления, статья 270, кто же учинит смертоубийство, увечье или рану, того брать под стражу и отсылать к суду уголовному; Учреждений и уставов о содержащихся под стражей, статья 1 - содержания под стражей употребляется: или как средство охранения лица, обвиняемого в преступлении, доколе не будет решено, виновен ли он или нет; или как мера наказания. И в 15-м томе, статья 849, но когда на обвиняемого падает уважительное подозрение, то должен он немедленно быть

взят к следствию, несмотря ни на какие личные его преимущества.

7. Публично никого не наказывать. Вы никого ни за какие шалости или проступки, не только иногородних, но даже киргизов не имеете права наказывать телесно и открыто на ярмарке, такое наказание есть публичное и без судебного приговора по законам быть не может.

8. Наказания одним только простым киргизам. Но позволяю вам употреблять исправительные наказания одним простым киргизам за маловажные шалости, обманы, пьянство, ссору и тому подобные незначительные проступки, но отнюдь не за кражи свыше пяти рублей и другие важные дела уголовные, суду подлежащие; таковые взыскания без пристрастия производить по точной справедливости и доказательствам, смотря по мере вины, или задержанием известного времени под стражей, или наказанием при самом просителе по киргизскому обыкновению плетью, не при ярмарке публично, а в закрытой караульной кибитке при вас и всегда не превосходя пятнадцати ударов не душевредно, а иногда и менее; имя всякого такового наказанного или бывшего под караулом по разбирательству вашему киргиза, и за какую именно вину, записывать всегда того же времени в особый у вас штрафной журнал, который по окончании ярмарки представить ко мне на усмотрение, чтоб я знал и имел на замечание имена таковых ордынцев оштрафованных.

9. Воздержания от пьянства, ссор и драк. Как пьянство не может быть терпимо между

магометанами по духовному нашему закону, то наблюдать строго, чтоб они не предавались сему пороку, да и русские и прочие приезжающие в сем случае поступали благопристойно, не допуская нигде бесчинств, ссор и драк; не позволяя днем и в ночное время пьянственных и шумных собраний, огни гасить после 9 часов вечера, в ветреную погоду огней не раскладывать и вообще от пожарных случаев остерегаться приказывать каждому. При харчевнях иметь наблюдение днем и ночью из двух караульных доброго поведения казаков для останова всякого бесчинства, и за тем же вам самим смотреть без упущения.

10. Каракалпаков высылать. Каракалпаков, коим вообще от астраханского главного начальства воспрещен въезд во Внутреннюю киргизскую орду, не допускать и на ярмарку у меня ни для продажи, ни для покупок и ни под какими другими предлогами, даже чтоб не было их здесь ни в работниках, ни в толмачах, а где окажутся они, то высылать их немедленно из Орды и с ярмарки посредством стражи через кордонного начальника.

11. Объявление пачпортов. От приезжающих на ярмарку купцов, торговых и разного звания людей и даже работников пачпорты и билеты должны быть объявляемы для записки в книгу состоящему при моей Ставке кордонному начальнику, который на каждом письменном виде будет за подписанием своим делать надпись объявления и под коим № он записан; о наблюдении собственно за сим и за беспачпортными

по его должности дам ему особое предписание, вы на ярмарке о том опубликуйте.

12. Свидетельство на товар и выдача ярлыков.

Выдача узаконенных свидетельств на покупаемый скот, кожи и прочие ордынские товары, производиться будет за подписанием моим из моей канцелярии, а вы должны сообщать в оную за своей подписью или печатью записки о числе всякого скота, товара ордынского и об имени покупателя, коему нужно свидетельство. Лошадей, покупаемых или вымениваемых, записывать ясно в препровождаемую у сего шнурую, припечатанную и подписанную мной книгу, с описанием подробно цены каждой, шерсти, годов и примет, притом кем, когда и у кого куплена или выменена; с прописанием сего, сходно с запиской в книге, покупщику, хозяину, с распиской вы обязаны от себя выдать письменный за подписью или печатью своей, письмоводителя и продавца ярлык, отметить сие в книге под статьей, что ярлык выдан, и впоследствии, ежели откроется неверность или упущение, то по закону ответственность обоим, продавцу, равно и покупщику, ибо всякая на сей ярмарке купленная или выменная лошадь без такового ярлыка будет почитаема, где окажется после, за краденную или сумнительную, о чем также имейте всем объявить к осторожности для ведома и соблюдения сего правила, а книгу по окончании ярмарки впредь для справок представить ко мне для хранения при делах.

13. Верность весов и мер. Всемерно вам наблюдать за верностью весов, безменов и мер, как у торгующих, так и у киргизов, дабы не было

ободных обманов, весьма неприличных честной и правильной торговле, запрещенных высочайшими узаконениями; у кого окажутся таковые фальшивые весы, гири, безмены и меры, поверять их при следователях из купечества с клейменными и правильными по закону; оказавшиеся фальшивыми или немедленно уничтожить и воспретить на них куплю и продажу, или, в случае ослушания, описав, какого и сколько товара, на какую сумму сменено и продано обманом, потом припечатав фальшивый вес с надписью хозяина за сего и вашей печатями, с ним вместе представить ко мне при рапорте для отсылки такового виновника к суждению в ближайший суд. В своде законов в 11-м томе сказано в статьях: 2136-й - кто мерою или весом лживо поступит, тот почитается наравне с вором и мошенником; и кроме взыскания в пользу обманутого им количества того самого товара втрое подвергается платежу денежного штрафа и наказанию по мере вины; 2137-й - продавцы, у коих найдены будут фальшивые весы и меры без казенного клейма, подвергаются взысканию, смотря по важности тех товаров, кои на тот фальшивый вес или меру продавали; 2140-й - если кто-либо из торгующих при покупке или продаже будет употреблять прежние аршины, то сии отбирать и ломать, как запрещенную вещь, а с обличенного в употреблении оных взыскивать в пользу казны штраф по два рубля серебром и с понуждением его купить новый аршин и 2141-й - за упущение по свидетельству употребляемых в торгу безменов, весов и гирь, если в том окажется неисполнение постановленных

правил и злоупотребление, места и лица, на кои оно свидетельство возложено, подвергаются высканию по всей строгости законов. Если я открою сам подобные обманы или через посланных от меня чиновников, то вы за несмотрение останетесь в ответственности по законам.

14. К товарам ничего не примешивать. К весовым товарам, как-то: к хлебу, салу, шерсти и козьему пуху смотреть, чтоб примешиваемо не было для таковых же обманов к уменьшению веса песку или других тяжеловесных вещей; простых киргизов за то штрафовать по 8-му пункту сего предписания, а о российских торговцах, пойманных в обманах сего рода, доносить мне как о мошенничестве на замечание или для предания к суду.

15. Казачьи кордоны. Для безопасности от воровства и беспорядков, к охранению купечества и торгующих во все продолжение ярмарки всегда в ночное время, доколе народ не пробудится, по всему занимаемому оной пространству и кругом для наблюдений и дозора посылать посменно конные вооруженные казачьи патрули из двух казаков при третьем старшем по службе казаке за приказного начальника, которые имеют брать празднующихся в ночную пору или бесчинствующих в шумстве, ссорах и драках под арест до наступления дня, каждый раз докладывая о том вам; вы, смотря по званию задержанного человека или по роду происшествия, прикажите препроводить до его места и кибитки или остановить его, как выше значит, до надлежащего разбирательства, но при случае задержания никто не должен делать

никому безвинных притязаний, особенно из видов корысти.

16. Команда казачья на ярмарке. Для выполнения таковых благоустройств, содержания караула и патруля на ярмарке, отряжено будет вам от состоящего при Ставке моей кордона пятнадцать конных вооруженных казаков при одном уряднике, которые должны будут по распоряжению вашему выполнять мои предписанные вам в сих пунктах приказания, лошади их в дневное время могут быть на подножном корме, а ночью - употреблять для сменного разъезда по дозору. Если урядник или кто-либо из казаков окажется замешанным по сему караулу в пьянстве или других дурных поступках, в нарушении законов и военной дисциплины, о таковом, смотря по вине, или донесено будет от меня по начальству для отдачи под суд, или по военным правилам через кордонного начальника приказано будет сделать наказание.

17. Табун для лошадей. Известно, что съезд к моей Ставке на ярмарки людей бывает всегда многочисленный - всех состояний и сословий, с ними бывает множество своих подводных лошадей, а иными покупаемых во время торга из ордынских, последние - при малейшей неосторожности и недосмотрении хозяев убегают в степи, теряются, хозяин лишается собственности, а отыскание вскорости по пространству Орды весьма затруднительно, даже по самой многочисленности везде киргизских конных табунов неудобно; кроме сего, нельзя отвергнуть, что в числе многолюдного съезда разного народа

и киргизов могут быть неожиданные воровства от неблагонамеренных, коих узнать и обличить, доколе не пойман на преступлении, нет способов, ибо пути везде в степях открыты. Желая и в сем случае оградить купечество и приезжающих от непредвидимой потери собственности в лошадях своих и покупаемых, вы должны с самого начала и в течение ярмарки объявлять приезжим, не захотят ли они лошадей своих с настоящим показанием цены каждой и примет, по записке в особую у вас книгу, данную при сем от меня за шнуром и печатью, отдавать под паству на подножном корме особенному желающему табунщику из киргизов, заслуживающему доверия в известном роде по своему хорошему поведению, с платою ему за то с každоголенной цены лошади по пяти копеек весной, а осенью по десяти копеек (по причине наступления осенней холодной погоды и продолжительных темных ночей); платить сию цену на все время ярмарки или сколько бы ни была лошадей в табуне до востребования хозяина, половинное число денег отдавать табунщику вперед за паству, а другую - немедленно при самом возвращении ее хозяину, который в получении оной распишется сам или кому доверит в той же книге. Табунщик, который изъявит на то добровольное согласие, для верности, для приобщения на самой книге, обязан представить вам при себе письменное поручительство за подписанием или печатями родового его султана, значительных старшин и биев, что они доверяют ему сие дело, с тем чтоб он тот же раз немедленно за украденную из та-

буна лошадь, за каждую, если после потери не будет в три дня сыскана, заплатил хозяину оной объявленную к отдаче цену лошади деньгами или из своего имения скотом, а в случае, когда денег и собственного имения у него не достанет, за утрату и потерю многих лошадей от небрежения и неосторожности ответственность будет платежом давшие по нем поручительство. Без сих предосторожностей и порук никакой табунщик не может быть допущен до ездающих ярмарочных лошадей, он должен наблюдать или пасты их сам, смотря по количеству табуна с достаточным числом благонадежных и вооруженных работников, особенно увеличивать караул в ночное время на своих 10 шадях, а на отданных в табун не ездить, их не изнурять, убегающих из табуна преследовать и ловить или укреплять осторожнее, паству держать на хорошем корме, при водопоях и недалеом от ярмарки расстоянии, если место дозволяет; чтоб и сами хозяева могли надсматривать буде желают, а хозяина обязан немедленно и в тот же день извещать и требовать самого для осмотра лошади от болезни или скоропостижно пропавшую, не резав оную, не повреждая примет и не снимая кожи; также известить его и в случае начала болезни или какого повреждения. Но если они не захотят пользоваться сим учреждаемым от меня пособием и другие не будут лошадей своих отдавать в табун на сем основании, то представлять сие без принуждения на их волю и на собственную осторожность и обережение, как самим будет угодно и полезно.

18. Объявление о прочности товара. Во время ханского моего управления Ордою в постоянной торговле и на ярмарках при моей Ставке вообще замечено мною, что почтеннейшее купечество и торговцы русские или магометане всякого рода товар свой из мануфактурных или фабричных изделий наиболее привозят и продают ордынцам низкой и непрочной доброты, стараясь его сбывать ордынцам и более за него пользоваться барышной ценой, получая за низкую доброту и непрочность вещей существенно и видимо везде ценные от Орды произведения, разного рода скот живым, сало, кожи, овчины, шерсть, козий пух, звериные шкуры и прочее, и на наличные деньги. Не вхожу в исследование замечаний, что, кроме хороших на фабриках, более или менее, допускается непрочная выделка товаров, но вижу, что привоз последних сюда делается торгующими и производится у меня в Орде продажу и меню на миллионные суммы, преимущественно к превосходной пользе торговцев, а ордынцам без экономической выгоды; первые в извинение свое говорят, что киргизы товары на свою руку охотнее берут меньшей цены, а дорогих и прочных не покупают. Но если, например, за аршин гнилого, редкого, негодного и линяющего ситца или нанки заплатит киргизец по шестидесяти копеек, что на фабрике может быть дано только тридцать копеек, то втрое меньше его пронесит и, следовательно, три раза должен покупать то же, и оно вновь негодное, а денег в три раза заплатит уже один рубль семьдесят копеек за три аршина товара худого

изделия под видом дешевого, а в самом деле разорительного и убыточного для киргиза от частой покупки одной и той же вещи или товара для домашних своих надобностей и одежды; даже сахар привозят сюда и держат здесь, как нарочно, для продажи низкого сорта и тоже по дорогой цене, но фунт худого сахара, мало имеющего сладости, некрепкого, всегда убыточнее более в покупке, нежели три четверти хорошего, хотя этот и дороже того. Таким образом, цены здесь от такого рода товары чуть ли не дороже иркутских, а дешевый привоз их водой по Волге отсюда только в двухстах верстах.

Я берегу выгоды моего подвластного народа даже в хозяйственной его жизни и потому предлагаю вам во время сей ярмарки хорошими и благоразумными советами, без всякого, впрочем, принуждения между киргизами, султанами, старшинами и биями стараться распространять мнение и охоту по надобностям их покупать нужные им товары хорошей прочности и доброты; хотя их цены дороже худых и дешевых изделий, но зато пользы будет больше, пронесятся долее и прочнее вчетверо, чем негодный, сверх того, хороший наряд, одежда или вещь приятнее хозяину, прибыльнее и красивее для употребления; выгоднее один раз покупать лучшее, чем пять раз худое, за которое в сложности больше будет заплачено денег и всегда только для одних великих барышей торгового. Я не оставлю в подвластном мне народе особенно и повсеместно опубликовать справедливое мое мнение; со временем, может

быть, опытом узнают свою выгоду, мою о том заботу и старание по сему общественно полезному предмету, а вы благосклонно объявите мысли мои почтеннейшему купечеству и торговым, с приглашением привозить сюда товары больше прочие, нежели худые, на том должна быть основана честность торговли с ордынским малосведущим народом, впоследствии он сам собой будет покупать лучшее, по необходимости найдет в том свою пользу, когда привоз худых товаров сделается менее и даже прекратится по справедливым коммерческим выгодам, к чести и славе торгующего здесь купечества и не менее к общественному удовольствию моему и ордынцев.

19. Ведомость. В продолжение и перед окончанием ярмарки, по словесным предьявлениям купечества и торговых, составить именную ведомость, сколько и каких, и откуда было купцов и торговых, сколько занимали кибиток с товаром, у каждого на какую сумму было привезено товара, на сколько распродано или променяно, много ли выменено или куплено разного рода скота, верблюдов, лошадей, рогатого и баранов. Ведомость сию, вами и письмоводителем подписанную, по прошествии ярмарки представить ко мне при рапорте.

20. Кундровские татары³⁸. Еще, обращаясь к покупке лошадей, я поставляю вам на вид для руководства, что от г. астраханского военного губернатора, его превосходительства Ивана Семеновича Тимирязева³⁹, имею я сношение от 31 октября прошлого 1835 г. за № 3077 о пресе-

чении усиливавшегося между кундровскими татарами воровства скота у подвластных князя Тюменева калмыков и у здешних киргизов. По распоряжениям его, родоначальники, головы и старшины селений Хожтаевского и Сентовского обязаны подписками, чтобы ни одии ведомства каждого татарин не смел пролавать и собственного своего свидетельства головы или старшины, удостоверяющего под личной его ответственностью, что скот, назначенный в продажу, с показанием числа и примет оного, принадлежит тому лицу, на имя коего выдано свидетельство, если же кто из кундровских татар осмелится на продажу скота без такового свидетельства, то просит меня не только запретить всем моим киргизам покупать, но отбирать оный как воровской, и вместе с продавцом представлю Красноярский земский суд для исследования и поступления по законам. От меня посланы в Орду о сем предписания, но на ярмарке вы строго исполняйте в отношении продажи скота кундровскими татарами и поверяйте выданные им на то свидетельства с приметами по сходству 12-го пункта сего предписания.

21. Не делать притеснений, объявить купечеству предписания.

В заключение всего вам и письмоводителю подтверждаю не касаться лихоимственным и насильным вымогательствам и притеснениям, вести себя так, чтоб ласковым вашим обхождением были довольны, и не доходило до меня жалоб и, наконец, все предписания сие купечеству и торговым дайте прочитать надлежащего с их

стороны по сему устройству ярмарки выполнения, ибо оно будет существовать таким образом и на будущее время, доколе не встретится других обстоятельств к новым распоряжениям; также повестите купечеству и торговцам, чтоб на ярмарку и обратно с ярмарки отъезд свой делали всегда в товариществе по сполучности с другими, ибо поодиночке непредвидимые иногда случиться могут происшествия, на степях астраханских везде кочевой народ, киризы, калмыки, кундровские татары, каракалпаки и прочие, осторожность каждого есть первое безопасное благоразумие. По прошествии ярмарки предписание сие ко мне возвратить, было ли оно объявлено согласно моего приказания.

Хан Внутренней орды Джангер.

*ЦГА РК. Ф. И-78. Он. 1. Д. 37. Л. III-129 об.
Подлинник.*

4 – 1845 г., сентябрь. – Из записки барона Ф.А. Бюлера⁴⁰ во Внутреннюю орду.

XVII

44 г. Главная ставка хана Внутренней киргизской орды на Рын-песках.

Принимая живое участие ваше в судьбе молодых людей, получивших образование под начальством вашего превосходительства, и зная цену благорасположению вашему ко мне, я старался по возможности пользоваться дозволением вашим описывать вам замечательнейшие подробности моего пребывания в отдаленном от столицы края. Находясь сегодня на двухтысячестерстном расстоянии от вас, я стараюсь делать не только приятное вашему превосходительству доставлением известий о прибытии нашем сюда; но и удовлетворяю вместе с тем душевную потребность, беседуя с вами в день, столь памятный для получивших образование в Училище проведения, между тем как многие из них возносят молитвы о долголетии его светлости и процветании училища в церкви его, другие повторяют те же теплые моления, хотя занесены судьбой, кто в одну из богатых великороссийских губерний, кто в отдаленный Сибирский край, кто - в Орду степных киргиз-кайсаков. Духовная связь, соединяющая воспитанников училища, их общее стремление к одной цели, особенно сближают их мыслями в день Св. великомученицы Екатерины, и каждому из них еще живее приходят на память по этому случаю годы, проведенные под сенью наук.

День этот пришлось ныне провести здесь Блоку и мне. Он еще совершенно отдохнул от пути, не совсем здоров и поручает мне свидетельствовать свое почтение вашему превосходительству. Оба мы вспоминаем, исполненные признательности, сколько лет сряду нам удавалось молиться 24 ноября в училищной церкви и, проведя этот день впервые далеко от Петербурга, в Киргизской степи, откуда, быть может, не скоро или никогда никто из воспитанников училища не будет писать к вам, я вменяю себе в особенную обязанность довести до сведения вашего некоторые подробности нашего отъезда из Астрахани и бытности здесь.

19 ноября мы выехали из Астрахани, князь Гагарин⁴ остается там по случаю изготовления окончательных отчетов, которыми исключительно занят управляющий его канцелярией, между тем как трое из товарищей наших, в том числе и Аксаков, определил нас в пути, выехав неделю прежде нас из Астрахани.

Сенатор отпустил нас, отъезжая самым лестным образом о наших трудах под его начальством, и к полудню были уже за Волгой, Астрахань лежит на левой (лутовой) ее стороне: весной все побережье затопляется; кроме этих обстоятельств ширина главного протока Волжской дельты делает устройство моста невозможным. Следствием этого бывает, что, как и всякое сообщение отсюда с Гороло-Фопосинской станцией, расположенной на противоположном берегу, и с Московским трактом, который тянется вдоль его, всегда бывают сопряжены с неудоб-

ствами, а иногда и с опасностями переправы на парамах или дощаниках. Так прибыли мы в Астрахань в феврале месяце; теперь месяца на два или на три Волга покрылась льдом до взморья, но снега почти нет ни в городе, ни по дороге на пространстве 300 верст.

Мы проехали Волгу на дрожках. На станции простились мы с полицеймейстером и исправником, которых мороз и вьюга не удержали от выполнения «мнимой обязанности» проводить так называемых «сенаторских чиновников», или «молодых ревизоров». В Астрахани не могут быть не довольны ревизией. Многие должностные лица лишились своих мест, но никто не был предан суду и не лишился возможности продолжать службу.

Далее мы ехали в почтовых тележках. С этим способом путешествия познакомились мы еще при проезде в Астрахань, когда вынуждены были оставить возок в Царицыне, ибо дальше не было зимнего пути. Теперь то же, что в феврале месяце, и мы найдем наш зимний экипаж именно там, где остановились. Отъехав на 7 верст от Астрахани, мы остановились на Калмыцком базаре у калмыцкого ламы². Его едва добудились. Он принял нас, закутанный в несколько шуб, с меховой шапкой на голове, сидя на кровати, поджав ноги, в комнате, обитой плохими обоями. В одном из углублений ее виднелся маленький алтарь, на котором поставлены были бронзовые изображения разных бурханов, а перед ними жертвоприношения в серебряных чашах и тибетские свечи. Это почти то же, что

случалось видеть при разъездах по улусам в кибитке каждого геллонга⁴³ (жреца). Навещая ламу, я имел целью выведать от него, в дополнение его прежних отзывов, еще несколько мнений касательно вопросов, возникших из моих юридических исследований. Беседа происходила через посредство базарного толмача и была довольно продолжительна, ибо, зная недоверчивый и хитрый характер калмыков, я должен был смешивать интересные вопросы с разговором о предметах посторонних для того, чтобы скрыть, по возможности, от ламы цель моего посещения. Изучив древние калмыцкие постановления и обычаи, вникнув в дух и подробности их, мне уже легко было делать такого рода вопросы, разрешение коих могло обнаружить невежество или уклончивость вопрошаемого. Я спросил ламу - есть ли у калмыков свои законы и где находятся их списки. Толмач затруднился с переводом этого вопроса, и, наконец, когда лама понял, что дело идет об Уложении 1640 г., то отозвался, что списки с него находятся в суде Зарго у некоторых владельцев, что и у него есть список. Странно, что на просьбу показать его мне я нашел в ламе ту же уклончивость, как и в некоторых владельцах калмыцких. Лама отозвался, что список с Уложения спрятан у него очень далеко. Лама происходит из торговых владельцев. Две части их родового улуса поступили ныне в казну на основании приведенного судом Зарго обычая, что женский пол к наследованию не допускается, но из этого возникло еще неразрешенное разногласие,

и мне казалось особенно важным иметь отзыв ламы именно по этому предмету. Когда я спросил ламу - кому по их закону или обычаю достается имение, если останутся лишь наследники женского пола? Лама отвечал мне на вопрос вопросом же - а как по русскому закону? Я отвечал, что у нас женщины допускаются к наследству.

- И у нас точно так же! - возразил лама, чем обнаружил если не совершенное невежество свое в делах народного судопроизводства, то, по крайней мере, общее сожаление калмыков, чтоб дело об улусах Яндыковском и Икицохуровском было решено на основании русских законов, т.е. чтобы дочь последнего владельца была допущена к владению и управлению сими улусами.

Извините меня, ваше превосходительство, что я утомляю вас подробностями беседы, которая, впрочем, в тесной связи с прежними письмами моими и запиской, написанной для его сиятельства графа Виктора Никитича Панина⁴⁴. Ответы ламы имели последствием некоторые рассуждения между им и мной; он попотчевал нас кумысом, и мы простились с ним, когда цель посещения была по возможности достигнута.

20 ноября поутру мы были в Енотаевске. Уездные города здесь мало чем отличаются от деревень. Два-три каменных дома, остальные - деревянные лачужки. Каменные дома - казенные, лишь в Черном Яру один каменный дом принадлежит богатому рыбопромышленнику, откупщику тамошних вод. На дорогах осенняя грязь подмерзла, так что весь тракт - кочка на кочке. Вследствие этого езда в таких обстоятель-

ствах была для нас до того утомительна, что две ночи принуждены были искать отдохновения на станциях, хоть на несколько часов.

Почты помещаются в станицах Астраханского казачьего войска. В Астрахани обратился в постовицу, что мимо Копановской станицы нельзя проехать, не завернув к полковнику Донцову. Это заслуженный старец, командир 2-го Астраханского казачьего полка. Он не пропустит ни одного проезжего, действительного или цельного, не пригласив его к себе, смотря по часу дня, - на обед, чай или ужин. Госте - или страннопримство Донцова иногда очень отяготительно, и, торопясь с приездом в Астрахань, мы как-то проскользнули ночью незамеченные; но на этот раз, проезжая вечером Копановскую станицу, мы охотно приняли приглашение старого сотника. Когда голодно и холодно, нельзя довольно оценить его радушие. 50-летний полковник Донцов бодр и молодцеват: настоящий прямой казак, преданный вере и царю, чтящий своих командиров и во главе их Алексея Петровича Ермолова. Со слезами на глазах рассказывал нам старый сотник, остриженный в кружок, как служил он на Кавказе под начальством этого полководца, пользующего на Руси заслуженной народностью, и показывал нам собственноручные к нему письма Алексея Петровича. Донцов угостил нас ужином, который для северного жителя, еще не знакомого с дарами Волги, мог бы показаться изысканным и прихотливым; а волжскому жителю, по дешевизне рыбных товаров, достается почти даром. Донцов продержал нас несколько

часов, но время это не было потеряно, потому что мы познакомились с добрым старцем, узнали быт казака в станице, что притом Донцов, как содержатель Копановской станицы, велел впрямь нам лучше и предоставил в наше распоряжение до Черного Яра свою повозку.

Калмыцкие владельцы Хошоутовского улуса звали нас засхать переночевать и пообедать у них при выезде из Астрахани; но когда мы прибыли 19-го числа в 17 часов вечера в Замьяновскую станицу, и уже смеркалось, то нам сказали, что верховые, высланные из-за Волги полковником Тюменем для провожания нас в его улус, уехали, потому что в темноте переезд по льду опасен. Не имея довольно времени, чтоб выждать рассвета для переправы, мы оставили на станции письмо владельцу Тюменю, в котором благодарили его и братьев его за оказанные нам при каждом свидании знаки внимания и доброго расположения.

К полудню 21 ноября прибыли мы в Черный Яр. Вашему превосходительству известно из прежних писем моих, что хан Внутренней киргизской орды давно уже приглашал нас к себе. В Черном Яру явился к нам казачий урядник, вручил мне письмо от секретаря хана и уведомил нас, что возок и лошади ханские ожидают нас за Волгой в 12 верстах от города. Урядник утверждал, что хан возвратился с каспийского берега, куда ездил жениться, а секретарь писал в своем письме, что хан прибудет в Главную ставку лишь дней через пять. Мы отправились по льду через главный проток - старую Волгу,

Герасимовку и Ахтубу. Здесь нас встретило верхами несколько киргиз-кайсаков. Подъехав близко к нам, они осмотрели нас с диким любопытством и приветствовали, снимая свои мохнатые шапки, ниспадающие на уши, а потом продолжали сопровождать нас на протяжении нескольких верст. Из этих кайсаков один был на верблюде. От урядника узнали мы, что был старшина Байдак-ходжа с товарищами, зимующий близ Ахтубы, на земле Царевского уезда Саратовской губернии. Урядник объяснил нам, что выезд этих кайсаков нам навстречу и сопровождение по протяжению дороги, занимаемой их кочевьем, были выражением киргизской учтивости и особенного внимания к нам, как к гостям, едущим к хану.

Прибыв в казенное селение Батаевку, мы пересели в возок, высланный нам туда, и помчались по степи, несомые киргизскими лошадьми. Часов в 9 вечера прибыли мы в ханский хутор, где живет султан Баджак⁴⁵. Султанами называются в Орде родственники хана и составляют высшее сословие, из среды коего избирается 12 родоправителей для ближайшего заведывания киргизами. Султан Баджак женат на сестре хана, но не несет в Орде звания родоправителя, а имеет в своем ведении ханские табуны.

Баджак принял нас в деревянном доме, выстроенном для него ханом, который старается примером султанов поощрять прочих киргизов к выгодам оседлости и хозяйства. Комнаты султана очень просты, стены еще не выбелены, но двери, оконные рамы и печи исписаны уже

яркими красками и арабесками. На полах настланы были ковры, и в углублении комнаты являлась претензия на европеизм - канапе. Но недолго высидел на нем дюжий султан. Видя, сколь беспокойно для него сидение на европейский лад, мы уговорили его усесться на ковер по-киргизски, поджав ноги, и сами сделали то же. Между тем как на полу поставлено было несколько сальных свечей, а султанский телегугт (раб) разносил нам чай на подносе и очень опрятно разлитый в красивые чашки, у нас завязался разговор с султаном. Он говорил, как и все киргизы, и не раз высказывал свое сетование в том, что должен для поддержания разговора беспрестанно прибегать к посредничеству переводчика. Много было говорено об Орде и хане. Султан беспрестанно выражал свое удивление тем, что мы, хоть и молодые урусы (русские), а уже много знаем и видели. «Неужто, - спросил он нас, - и сын мой, когда кончит учебу, будет в состоянии вести такие же разговоры, как и вы?». Мы отвечали ему, что от него будет зависеть, послать его учиться в Оренбург, Астрахань, Казань или Петербург. Об этом султан обещал подумать и сказал, что, между тем, сын его обучается в училище, которое учреждено ханом в его главной ставке. На вопрос, сделанный султану, любит ли он русских, он отвечал: - «Как нам не любить русских, когда живем мы на русской земле? Мне совестно, что, пользуясь этой льготой, я не умею хорошо говорить по-русски. Сын мой уже теперь оказывается в этом отношении успеши, он пригодится по управлению Ордою

и будет звать лучше меня, [как] принимать кунаков-урусов (русских гостей)». Султан Баджак долго толковал с нами и на замечания наши, не мешаем ли мы ему в отдохновении, отвечал, что жена его уехала к ханше, что он живет холостяком и готов до поздней ночи делить с нами беседу. Он показал дочь свою. Это прелестный 9-летний ребенок, но совершенно исхудавший от болезни и лишения врачебного пособия. Мы настоятельно советовали султану послать за доктором в Черный Яр, и из всех убеждений, кажется, лучше всего подействовало последнее. Мы заметили султану, что надо беречь такую невесту, за которую можно получить славный калым. Калым — это у киргизов, как у калмыков и других азиатцев, значительные подарки, которые жених делает отцу невесты. Этот последний, так сказать, продает ее и не дает за ней никакого приданого. Султан угостил нас бараниной и потом уговорил переночевать у него, уверяя, что в темную ночь ехать по степи, где теперь множество копаней и худуков занесено снегом, тем опаснее, что лошади киргизские дики и неприучены к упряжи. Убежденные этими доводами, мы расположились на коврах и, разбуженные на рассвете следующего дня (22 ноября), напились чаю с султаном, и, поблагодарив его за гостеприимство, отправились в путь.

В степи всходу снега много, начиная уже с Ахтубы. Нам выставлены были еще свежие лошади во втором ханском хуторе. В 8 часу вечера уже было темно, когда мы оставили в стороне здания ярмарки, выстроенной в 3 вер-

тах от главной ставки. Она находится от Черного Яра на расстоянии 120 верст. Близость улуса, аула или вообще жилья кочующего племени всегда возмущается особенного запаха дымом, происходящим от отопления кизяком, осокою или степными травами. Так догадались мы и о близости Главной ханской ставки. Это главный административный и промышленный центр Внутренней орды. Ставка эта состоит из селения, которое по обширности едва ли не превосходит любой из уездных городов Астраханской губернии. Тут объяснилось для нас недоразумение насчет присутствия хана. Урядник объяснил нам, что, выезжая к нам навстречу, он встретил часть ханской свиты, нескольких султанов, и что обманулся насчет возвращения хана. Мы остановились в его обширном доме, в комнатах, приготовленных для нас правителем его канцелярии С.И. Матвеевым, с которым мы имели случай близко познакомиться в Астрахани. Он заверил нас, что хан непременно возвратится к 25-му, а между тем поручил ему принять нас и показать нам все замечательное в ставке и ее окрестности. Беседа с С.И. Матвеевым была для меня всегда интересна как потому, что он понимает дела Орды и судит об них добросовестно, так и оттого, что он соединяет со специальным изучением быта и потребностей киргизов разнообразие и многосторонние познания. Он получил образование в Казанском университете и, как чиновник Археологической комиссии, занимался разбором древних рукописей в астраханских архивах. Теперь он уже второй

год – правителем дел у хана. Вечер кончился среди интересных разговоров, и мы прекрасно отдохнули после утомлений пути.

23-го нас навестил поручик Гусейнов, состоящий при хане чиновником особых поручений. Он родом татарин, зять хана по первой его жене, сын оренбургского муфтия. Всем состоянием обязан он хану. Мы были в этот день в прекрасной мечети, выстроенной против дома хана; в самом доме его осматривали Ставку, лавки, базар, были в училище. Здесь обучают русской и татарской грамоте, арифметике, географии, грамматике до 20 султанских и старшинских детей. Много трудов стоило хану убедить отцов к отдаче их в училище, и для примера он поместил туда двух сыновей своих. Из них 10-летний султан Ибрагим и многие из прочих учеников оказывают замечательные успехи. Все ответы на предложенные им нами вопросы были удовлетворительны. Помещение для училища выстроено ханом, и оно содержится на его счет. В числе учеников мы нашли сына султана Баджака, передали ему поклон отца и отзвыги его о пользе учения. Потом мы навестили Гусейнова в доме, который подарил ему хан. В убранстве покоев много изысканного - прекрасная мебель, серебряная посуда за стеклом, шкаф с русскими и французскими книгами, большей частью новыми. Гусейнов женат, но, как «правоверный», искусно припрятал свою жену по случаю посещения «гяуров».

Зная, сколь расположен хан Джангер к европейскому образу жизни и как он старается скло-

нять к нему своих приближенных, нас немало не удивило найти в его комнатах, при обозрении их, мебель прекрасную, убранство роскошное и даже отличный бильярд. Все внимание наше привлекла оружейная хана по множеству развешенных по стенам ее восточных шашек, ружей, шлемов и т.п. Вечер провел я в чтении разных печатных и рукописных сведений о киргизах. Сегодня получено здесь известие, что хан едет сюда и находится в расстоянии 150 верст. Теперь мы собираемся ехать в окрестности Ставки, осматривать киргизские зимовки. Между тем, я употребил утро на изображение здесь в беглом очерке переезда нашего из Астрахани и первых дней пребывания здесь, быть может, представится мне возможность войти в некоторые подробности степной жизни киргизов, но, не видев ее еще вблизи, я не берусь ее описывать и, в надежде сообщить вашему превосходительству на днях несколько известий о дальнейшем моем пребывании здесь, заключаю эти строки заверением, что, несмотря на расстояние, отделяющее меня от Петербурга, я не остаюсь безучастен к радости тех, кои сердцем и духом всегда близки к училищу и сегодня в 10-й раз празднуют день освящения училищной церкви.

27 ноября 1844 г. Хутор Харахой.

Выехав сегодня поутру из Ставки, мы прибыли сюда часу в 10-м вечера и, радушно принятые султаном Баджаком, снова задержаны здесь темнотою ночи и опасностями пути. Завтра выедем мы чуть свет. Пользуясь этой задержкой, вероятно, последней в киргизских степях, чтобы писать снова к вашему превосходительству и придать некоторую полноту изложению наших по ним странствований.

Начатки оседлости, виденные нами при разъездах наших по окрестностям Ставки (24 ноября), весьма замечательны. Летом киргизы выгоняют стада и табуны, единственное достояние номада, в степь и сами начинают кочевать вслед за ними. В числе около 20 тыс. кибиток (семей) покрывают они отведенные в них для пользования земли в губерниях Астраханской, Саратовской и Оренбургской.

Сам хан переходит тогда на привольное и прохладное урочище близ р. Торгуна и живет в кибитках с семейством своим. Летняя пора есть время благоденствия и довольства для кочующих племен. Стада тучнеют и размножаются, находя всюду обильный корм. Обеспечение в пище в изобилии свежего кумыса, выгодный сбыт скота на ближайших ярмарках, довершают это время благополучие киргиза; но наступает осеннее ненастье, потом холода в 30° и более, их сопровождают бураны, при которых целые аулы замечает снегом; кибитки доставляют

тогда ненадежный приют, нередко крыши их, полости и кошмы внезапно срываются ветром и далеко заносятся в степь. Бедствия, претерпеваемые киргизами зимой, внушили хану Джангеру мысль произвести первые опыты оседлости устройством зимовок.

Попытки к тому были весьма успешны. Теперь в Орде деревянных домов и землянок весьма много. Редкий из султанов не имеет дома, даже некоторые из простолудинов последовали их примеру. Лишь только сходит снег и сочные ростки трав начинают пробиваться на ранних солнцепеках, - ничто не в силах удержать киргиза в доме или землянке. Он бросает свое зимнее жилье, складывает походный шатер и все свое добро на верблюдов и гонит стада в степь, и, по мере того, как корм истребляется ими на одном месте, киргиз перегоняет их на другое и сам кочует за ними. Раскочевка в это время общая. Училище при Ханской ставке и школы (медресе) при мечетях тогда закрываются, потому что ученики уже не раз разбегались вслед за родителями своими и никогда не было возможности собрать до поздней осени этих первенцев просвещения в Орде. Итак, оседлость ограничивается ныне устройством зимовок. Мы видели в 10 верстах от Ставки дом старшины ногаевского рода, куясовского отделения Акбулата Сангрыкова. Самого старшины не было дома, но мы застали там старшего его сына и все семейство, только что перебравшееся в зимнее жилье. Если киргизы вежливей и приветливее калмыков, то с другой стороны отношения кир-

гиза к лицам высшим, каков хан и султаны, не стеснены никакими формами подчиненности. У киргизов в общем употреблении английский shake-hands* - с той разницей, что один из здоровающихся принимает руку другого в обе свои ладони или что оба, взявшись за руки, прижимают их сперва взаимно и поочередно к сердцу. Если русский чиновник протягивает руку киргизу, то он видит в этом уважение древнего обычая и обнаруживает удовольствие, которое оно ему доставляет. Отказываться от угощения киргиза в его доме - значит обидеть его. Мороз трещал на дворе, комнаты начали отоплять сухой травой незадолго до приезда нашего, и мы приняли с радостью чай, предложенный нам у Акбулата. Дом почти так же хорош, как и у султана Баджака, чай подан был почти так же опрятно у простолоудина, как и у султана; но, когда он разлит был во второй раз, не достало сахара, и киргиз, конфузясь, приходил в отчаяние и просил кунаков не думать, что у него нет сахара, а уверял, что клоч от сундука его затерялся.

От Акбулата отправились мы 10 верст далее к киргизу того же ногаевского рода и отделения Шайтан Джинали. Ногайцы - суть племя кавказское. Смуты, произведенные ими в горах, были поводом к переводу части их в Оренбургскую губернию, к колонизации другой в Крыму и к оставлению отродья их кара-ногайцев (черных ногайцев) в смежности кочевья калмыков. Переведенные в Оренбургский край вскоре сблизились общностью вероисповедания и образа жизни с киргизами и образовали среди

них особый род. Большая часть пришла сюда с Урала с султаном Букеем, отцом Джангера, положившим начало Внутренней орде в 1801 г. и возведенном впоследствии времени в ханское достоинство. Джинали - один из киргизов, перешедших сюда с Букеем и помнящих все смуты, происшествия, интриги, убийство хана Джангери⁴⁶ и др. - предшествовавшие во Внешней (Малой) орде уходу отгула Букее-султана. Старику Джинали теперь лет под 80. За отвагу и удалство он прозван с молодости своими однородцами Шайтаном (бесом). Джинали особенно замечателен тем, что в нем сохранился независимый дух зауральского киргиза, разные предрасудки и предубеждения, которых чуждо новое поколение киргизов, возросшее в Рынь-песках под управлением Букее-хана и сына его Джангера. Прежде чем войти в подробности по этому предмету, необходимо заметить, что к числу неперменных свойств коренного киргиза принадлежат любопытство, страсть к болтовству, известиям и сплетням. От калмыков киргизы особенно резко отличаются живостью разговоров и восприимчивостью впечатлений. Летом, в сильную жару, киргизы спят днем, а целые ночи напролет болтают в своих кибитках. Нужно только несколько часов для того, чтобы какая-нибудь, в сущности маловажная, новость разнеслась по 200 или 300 - верстному пространству. Киргизы при встречах непременно спрашивают друг друга: «не хабар?», т.е. что нового? Узнав какое-нибудь известие, киргиз нарочно сблекает лошадь и отправляется за 40-60 верст в ближайший аул, и, так как это

мелочное любопытство равно свойственно высшему и низшему сословиям, то простолюдины нередко выслуживаются у старшин и султанов доставлением пустых новостей. Страсть к болтовству, имея в основе легкомыслие, приносит часто беду. Обманул ли он русского торговца при продаже скота на ярмарке, угнал ли чужих баранов, и, вообще, совершил ли безнаказанно какое-нибудь преступление, киргиз никак не утерпит, чтобы этим не похвастать в своем ауле или при проезде туда первому встречному киргизу; не то однородцам такого джигита (удальца) всегда удастся выведать от него всякую его проделку. Эти обстоятельства всегда благоприятствуют открытию преступников и преступлений в Орде, но что употбляются рассылные ханской канцелярии из киргизов. Вследствие таких склонностей, С.И. Матвеев довольно верно называет этот народ «степными французами». Известия о главной ставке, о хане и т.п. составляют насущную пищу для удовлетворения любопытства ордынцев. Известие о прибытии в ставку урусов - сенаторских чиновников, разнеслось мигом. На другой день оно было уже известно в 250 верстах отсюда и хан, возвращаясь в Ставку, получил его от встретившихся с ним кайсаков. 24 ноября старик Джинали уже третий день знал, что мы прибыли и уже третий день говорил, что не к добру урусы стали так часто приезжать к хану, но лишь только Джинали узнал, что мы отправились к нему, первым действием его было спрятаться подальше в кибитку. Это прятанье имело причиной не столько уклончивость старого кайсака-зауральца от сношений с

русскими чиновниками, сколько общую к ним недоверчивость киргизов, которая укоренилась вследствие разбора их дел властями смежных уездов и возникших из того разногласий. Посещение наше было для киргизов дико и чудно. Видеть чиновников, которые осмотрели их жилье, обошлись с ними, как с людьми, и приняли их пешкеш (угощение) как кунаки (гости) - было многим из них так ново, что старшина Акбулат и сын его два дня сряду приставали к С.И. Матвееву чтобы узнать - нет ли до них какого-нибудь дела? При входе в землянку Джинали сын его и одна из трех жен, 60-летняя старуха, сказали нам, что он уехал в табун, но, немного погодя, вероятно, уведомленный, что мы не делаем по-вального обыска, не требуем никого к спросу, а сидим себе пресмирно на нарах, крытых персидскими коврами, и пьем чай, - Джинали, бодрый, несмотря на тучность и старость, явился в землянку, стравивая с себя снег. И в приемах, и в образе мыслей, и в предубеждениях виден не столько кайсак, избалованный богатством и угодливым со стороны своих однородцев, сколько - аксакал (старец), вынесший из-за поколения. отличается, напротив повиновением властям и наружными проявлениями уважения к ним, пониманием гражданского устройства и организации ордынского управления в настоящем его виде. Джинали один из богатейших скотохозяев. Он имеет до 1500 лошадей в табуне. Зато у него и персидские ковры, и фарфоровые чашки, и свечи, и шандалы, и чаю, и сахару вдоволь; зато у него землянка примерная. Джинали, живой и веселый в разговоре, выразил тремя

словами ее превосходство над кибиткой. Когда я спросил его, не лучше ли было жить в ней, то он, рассмеявшись от этого предположения, отвечал отрывисто: «Бог с ней со всем».

На обратном пути в Ставку мы сделали верст 6 лишних. Это оттого, что ханский переводчик Дос Мухаммед и два вестовых из киргизов, едучи втроем впереди, разговорились и потеряли из виду дорогу, что называется по-злешнему, заплутались. Между тем поднялся буран, и мы подверглись уже опасности замерзнуть и совершенно быть занесены снегом, когда поезд наш двинулся наудачу на отдаленные огоньки Ханской ставки.

Зимовки эти очень распространены по Орде; но их почти вовсе нет на Каспийском море, где зимует 1/3 часть внутренних киргизов на земле, откупаемой ими у прибрежных владельцев, пока спор об ней не решится окончательно. Там только два дома: султана Тугума и Караулходжи. Последний теперь породнился с ханом, сделался его тестем. Новой ханше 14 лет и, говорят, очень хороша. Старшей из них лет 30. Если ей и прискорбна женитьба хана, то только потому, что ее понимают в народе как признак охлаждения к ней, и киргизки с утра до вечера только об этом и толкуют. Каждая из них, имея легкий доступ к ханше, докучает ее распросами. Однако ж ханша Фатима, несмотря на грустное расположение духа, сумела оказать нам внимание, еще не видав нас. Она прислала к нам на дорогу две бархатные шапки с меховой опушкой - одна из этих шапок татарская, обшитая позументом, другая - киргизская тюбетейка,

т.е. острокопечная шапка, вышитая золотом, - такая, какие носит хан и султаны. 25 ноября Эмерджан Гусейнов зашел к нам сказать, что получил от хана письмо, в котором он поручает передать нам поклон и что он радуется заранее, что мы в Рын-песках. Хан дал знать вместе с тем, что прибудет в Ставку в послеобеденное время. Эмерджан выехал ему навстречу верхом с несколькими султанами. Детей хана усадили в карету и повезли к нему. В 5 часу мы обедали с С.И. Матвеевым, когда вошел в комнату султан Кучук-Галий Шигаев, правитель рода кизил-курт, с известием, что он прибыл вместе с ханом и что хан уже пошел к ханше. Султан этот знаком с нами по свиданию в Астрахани. С ним разговор не только возможен, но и приятен. Он очень чисто говорит по-русски. Хан пригласил нас к себе на чай в 8 часов. Приняты были мы им чрезвычайно ласково в его больших комнатах, ярко освещенных и прекрасно мебелированных. Хан познакомил нас с тремя сыновьями своими; а по случаю разговора о старшем, признанном наследником его власти и достоинства, он просил нас навещать его в Пажеском корпусе⁴⁸, когда прибудем в Петербург. Хан был в бухарском халате и киргизской тюбетейке, вышитой золотом. Вследствие вопроса хана о том, где мы получили образование, начался [разговор] об училище и об его светлости, чьей мыслью было учредить его и благодарительными пощениями коего оно поддерживается. В бытность свою в Петербурге в 1839 г. хан Джангер находился при царских пиршествах в Петергофе и при маневрах в Красном Селе. При этих случаях

Тамбов, 3 декабря 1844 г.

хан имел счастье сделаться близко известным его светлости и сохранил признательные воспоминания о внимании, оказанном ему принцем Петром Георгиевичем. Этими словами выразился хан и, узнав, что, не взирая на расстояние, отделявшее нас в течение сего года от столицы, мы сохранили благодарной приверженности с училищем в переписке с вашим превосходительством, просил нас прибегнуть к вашему посредничеству, дабы засвидетельствовать его светлости от имени хана Джангера его глубочайшее высокопочитание.

С сожалением расстались мы с ханом, находя нужным доставить возможность отдохнуть от дороги, и приняли его приглашение на следующий день отобедать у него. Зная щепетильность мусульман по поводу разговоров об их женах, мы не поздравили хана с его женой, и хотя имели в виду несколько примеров (в Н.А. Бутурлине, Львовых и др.) отступлений хана от недопущения старшей ханши к знакомству с русскими, мы просили хана высказать ей признательность нашу за подаренные нам тубетейки, изъявляя сетование, что не можем сделать это лично. В ответ на это, для нас совершенно неожиданно, хан объявил нам, что завтра поутру познакомит нас со старшей ханшей Фатимой и со своими дочерьми.

Пользуюсь первую возможностью в пути, чтобы дополнить описание бытности нашей у хана, представляемое на этих листах вашему превосходительству.

26 ноября, в воскресенье, хан представил нас первой своей супруге. Она очень хороша, хотя набелена и нарумянена. Ей эти искусственные прикрасы не нужны, но таков обычай.

Костюм ее чрезвычайно богат и сложен. Он не есть чисто киргизский или татарский, а смесь азиатских одеяний. Жемчуга и бриллианты на голове, на шее, на вуалях и платье. По обеим сторонам ханши сидел ее дочери в богатых татарских костюмах и жена султана Баджака в киргизском.

Ханша говорит по-русски, понимает французский и немецкий языки. Она воспитывалась в пансионе в Оренбурге. Но с нами она не много говорила по-русски; всего чаще обращалась к хану, который переводил нам ответы и вопросы, делаемые по-киргизски. Кроме нас из европейцев были при этом представлении С.И. Матвеев и англичанка, гувернантка султаншей - дочерей хана. После этого представления мы уже не видели ни их, ни ханшу. Молодую, или вторую, ханшу хан не только не показывает, но и сам не видит, пока не уедет мать, прибывшая с ней в Ставку. Обычаю этому покоряется хан, но не безропотно, и несколько раз говорил нам об этой национальной странности.

Обед был совершенно вельможеский. Мы сидели по обе стороны хана, а далее: С.И. Матвеев, ахун – первое духовное лицо в Орде, султаны – братья и сыновья хана, чиновники его русской канцелярии, офицеры из астраханских и уральских казаков, начальствующих командами, состоящими в Ставке, англичанин гувернер сыновей хана и их русский учитель, словом – самые почетные из киргизов и все европейцы, живущие в доме хана. Перед ним стоял золоченый старинный кубок с кумысом, – подавали европейские кушанья, хорошо приготовленные, и прекрасные вина подавали и киргизские кушанья, и, к удивлению моему, хан нашел в нас охотников до них. Когда мы пили здоровье его шампанским, он отвечал нам, осушая кубок кумыса; то же делали ахун и султаны, ни один из киргизов в присутствии хана не осмеливался пить вино, зная в нем ревностного мухаммеданина. Во время обеда разговор с ханом об Орде и простых началах ее судопроизводства доставил мне много интересных сведений. В то же время в соседней комнате обедало до 50 киргизов, съехавшихся кто по делам, кто с поздравлениями к хану. Они сидели, поджав ноги, и ели руками. Такие съезды почти ежедневны. Чернь имеет всегда свободный доступ к хану и издавна ведется обычаем угощать всякого киргиза, приезжающего к нему по делу или без дела. После обеда хан, ахун и султаны пошли в мечеть на богомоление. Хан не согласился совершенно проститься с нами, а пригласил к себе на чай. Промежуток этого времени провели мы у С.И. Матвеева, куда пришли

сыновья хана и султан Кучук-Галий Шигаев. В продолжение этого дня хан был одет в чекмень, на нем были эполеты и Анненская звезда. Когда я сказал хану, что пожалование ему Анненского ордена с короной и брильянтами есть пример почти единственный и перевел ему девиз на звезде: «(чтящим) любящим правосудие, благочестие и верность», – то он был заметно тронут этим объяснением. Разговор с ханом был очень занимателен. Несмотря на поспешность моего изложения, не могу пройти молчанием одно обстоятельство. Мы разговорились о том, что тайный советник граф Г.Ф. фон Брадде, еще будучи директором департамента в Министерстве государственных имуществ, приезжал в Астрахань и соображал на месте образование фермы в Саратове, куда предложено было определять мальчиков и из астраханских государственных крестьян. Хан живо перебил разговор, спрашивая: «А из киргизов будут брать в эту образцовую ферму», – и на ответ, что этого не имелось в виду, заметил, что непременно будет просить о принятии туда киргизов. Так хан идет навстречу всякому полезному нововведению и ведет вверенный его управлению народ к порядку и благоустроенному хозяйству. Хан показал нам присланный ему в отсутствие его диплом на звание члена Казанского университета, потом разное древнее оружие и между жалованными саблями, пожалованную императрицей Елизаветой Петровной в 1744 г. деду его хану Нурали. Все эти сабли с надписями, свидетельствующими об их древности и драгоценности. Под конец вечера хан выиграл у меня две партии

на бильярде и потом, прощаясь с нами, подарил каждому из нас по бухарскому халату, уверяя, что достаточному мусульманину закон воспрещает отпускать гостя без «пешкеша» (знак памяти – вещь подаренная в воспоминание о дружеском свидании). Проведя ночь еще под кровом ханского дома, мы уезжали на другой день, 28-го из Ставки, ночевали у султана Баджака, а на рассвете отправились дальше и в 10-м часу были уже в казенном селении Владимировке (Саратовская губерния), откуда проехали по ахтубинской долине в г. Царев. Карамзин утверждал, что там была столица Батгья. В разрываемых ныне курганах находят развалины зданий, оружия, монеты и т.п. Летом разрытие производится под руководством особого, назначенного для того чиновника. Но до 1842 г. на курганы эти не было обращено внимания, и многие дома в Цареве и соседних селениях выстроены из кирпича, набранного из курганов; на многих заборах даже и теперь видны следы татарской мозаики. Ночью переехали мы Волгу за Царевом, чтоб прибыть в Царицын. Переезд этот в кибитках при темноте ночи был довольно затруднителен и опасен; лед во многих местах ненадежен. В Царицыне нашли мы оставленный там при проезде в Астрахань возок и следовали почтовым трактом через землю Войска Донского и Воронежскую губернию. В 5 верстах от Дона и в 250 верстах от Новочеркесска мы пили за обедом в станице донское вино, в самом месте его изготовления; а в ночь, с 1 на 2 декабря, прибыли в Тамбов. Представились вчера поутру ревизирующему сенатору, свиделись со всеми нашими здешними

знакомыми и располагаем отправиться сегодня с вечеру. В Москве мы пробуем несколько дней, быть может и неделю, если застанем там предписание князя Павла Павловича выживать там его возвращения. Во всяком случае, мы надеемся прибыть в Петербург не позже 18-го или 20-го числа сего месяца.

Смею надеяться, что ваше превосходительство снисходительно примет описание, заключающееся на сих листах, приняв во внимание, что все это набросано бегло, среди тревог дорожных, будете видеть в нем лишь желание мое довести до сведения вашего превосходительства разъезды по местам весьма малоизвестным и выражение моей признательной преданности вам, которое, по возможности, стараюсь объяснить на письме, которое было мысленное тогда, когда занятия мои препятствовали мне писать подробно, и которое на словах буду иметь вскоре случай повторить вашему превосходительству, прося и ныне принять уверение в неизменности признательных чувств, совершенном почтении и преданности, с которыми честь имею быть.

С. — Петербург. Октябрь 1845 г.

На днях получил печальное известие о внезапной кончине хана Джангера. Потеря чувствительная и для киргизской Внутренней орды, которой он образователем, и для правительства русского, которому был чрезвычайно предан. Вместе с этой вестью дошла до меня и другая: очаровательная ханша Фатима, ласковый прием которой всегда будет мне столь же памятен, как внимание, оказанное мне ее мужем, незадолго перед ним скончалась.

Барон Ф. Бюлер.

РГАДА. Ф. 186. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-26 об. Подлинник.

№318

1845 г., февраля 2. — Предложение оренбургского военного губернатора В.А. Обручева Оренбургской пограничной комиссии о возвращении на службу есаула Караул-ходжи Бабаджанова.

№185

Хан Внутренней киргизской орды генерал-майор Джангер Букеев в представлении своем от 29 января за № 108, доводя до моего сведения, что по доносам известного мятежника Исатая Тайманова удален без суда и следствия от управления киргизами, кочующими на каспийском берегу, есаул этой Орды Караул-ходжа Бабаджанов, который преследовал между тем Тайманова, состоявшего под начальством его, Бабаджанова, по долгу службы, за буйство и разные

преступления, подтвердившиеся впоследствии открытым со стороны мятежника восстанием, произведенным в Орде бунтом, бегством за Урал и неоднократным нападением на преследовавшие Тайманова русские отряды, причем сам он погиб смертью разбойника, присвоивший, что есаул Караул-ходжа, отличавшийся постоянною преданностью правительству, весьма хорошими способностями и нравственностью, с самого перехода на внутреннюю сторону хана Букея служил по управлению Внутренней орды в течение с лишком 30 лет с особенной пользой и усердием; всемиловитвейше награжден за это настоящим чином есаула и приобрел всеобщее уважение; ныне же на старости лет видит себя удаленным от службы и лишенным внимания лишь по одним необследованным изветам человека, не оправдавшего доверия начальства, почему хан Джангер, встречающий важное по случаю удаления Бабаджанова от дел затруднение в управлении кочующими при Каспийском море киргизами, ходатайствует о разрешении употребить этого старшину по-прежнему для исполнения поручений в Орде, по усмотрению хана.

Уведомляя об этом Пограничную комиссию, я прошу сообщить мне по содержанию упомянутого представления хана Джангера ее заключение; с моей же стороны не нахожу препятствий в поручении, по усмотрению хана, дел есаулу Бабаджанову, если на него не вступало прежде и теперь нет других обвинений, кроме приведенных выше.

Генерал от инфантерии Обручев.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1661. Л. 4-5. Подлинник.

№352

1829 г., февраля 26. – Показания старшины Кенжали Курмаикожаява надворному советнику А.Т. Ларионову с обвинениями уральского войскового атамана Д.М. Бородина, султана Каипгали Ишимова и старшины Караул-ходжи Бабаджанова в тайном сговоре.

Назад тому 3-й день ханские бии Мусреп и Балка писали высокостепенному хану, что Орда действительно взволновалась с намерением перейти на степную сторону, причиною тому есть г. атаман Давыд Мартемьянович Бородин, султан Каипгали и ходжа Караул. Сии три лица, с общего согласия советуя к; чтобы они, собравшись в значительном количестве, приближались к Ур, из них, г. Бородин, встретит их с командою будто бы не пропустить нхже сия его, Бородина, будет вооружена пушками, ружьями и другими сгно им будет от него приказано, чтобы орудия заряжались одним только порохом, а не ядрами, уверял притом, что от пороха вред случиться им не может, чтобы они от того не сомневались, что по них будут стрелять и причинится от того какой-либо вред, а чтобы киргизы сделали общий приступ к прорыву за линию, и тогда он, г. Бородин, отзовется начальству, что он был удержать их не в силах. Притом приказывали, чтобы печать бия Байтува в руки не отдавать, потому что, по их разумению, в нем справедливости не найдено. Для узнания же в сем случае справедливости отправился я к Уралу и Чагырлы, кроме того, о сем же я известился от другого киргиза, которого по роду и по имени и прозванию не знаю, все вышеописанные слухи действительно носятя по Камыш-Самаре.

В том для удостоверения старшина Кинжагул Курмангужин печать свою приложил.

Переводил переводчик Салаватов.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 99-100.

Перевод.

№353

1829 г., февраля 26. – Показания старшины Караул-ходжи Бабаджанова надворному советнику А.Т. Ларионову с опровержением выдвинутых против него обвинений.

1. Насчет того, что киргизы будто имеют намерение идти за Урал, настояще я не могу уверить. 26-го числа сего месяца, вечером, приехал ко мне ночевать Бершева рода, джамгурчинского отделения киргиз Булес Джаметев, находящийся товарищем с приехавшим к народу бием Балка Худайбергановым; я спросил его, благополучен ли народ его, он на сие отвечал, что недавно приехал к ним из аула их один киргиз, коего имени и прозвания не сказывал и я его не спрашивал, и объявил, что около аулов его, находившихся на месте, называемом Терекли-Кум, зимовали киргизы алачинского рода, но ныне они начали откочевывать к самарской стороне, с намерением идти за Урал; но кто именно, означенный киргиз Булес мне не говорил, но потом сей же киргиз спросил меня: могут ли их пропустить свободно за Урал? Но я отвечал, что сего не может быть. На другой день тот киргиз уехал от меня.

2. 27-го сего же месяца, когда я следовал на Коконевский кордон по призыву надворного советника Ларионова и при мне также находились два человека, повстречался между Кокоревским

же и Салганским кордонами на дороге один киргиз, который на спрашивание мое объявил, что он адаевского рода, из аулов бия Байту Туманбисева; я спрашивал, где аул Байту, он отвечал, что кочует на сей стороне Майтубе. Нет ли каких вестей там? Он отвечал, что недавно пришел из самарской стороны сын помянутого бия Байту, Ескар, и сказал, что около Самары и около Рын-песков народу много соглашаются кочевать на зауральскую сторону, если только пропустят туда на линию свободно; но по каким причинам, о том неизвестно.

3. Не только двух вороных лошадей, из коих был один иноходец, но и ничего никогда не посылалось в подарок к султану Каип-Гали Ишимову. Даже я его и не видал около двух лет. Совета с ним и ни с кем другим никакого не имел и не имею. Напротив того, я с ним в споре за расстройство его с прочими султанами меня с ханом Джангером.

Сего превосходительством Давыдом Мартымяновичем я виделся в июле месяце прошлого года в Уральске один только раз, т. е. в то время, когда я находился там в Комиссии войскового суда по делу о пропуске в 1827 г. киргизов за Урал. Более же сего я ничего не знаю и никакого расстройство между киргизами не делал и не делаю. Высокостепенный хан несколько раз мне предписывал, чтобы ни в какие дела между киргизами не вмешивался. Почему сие приказание его я и исполняю.

Все сие я показываю по самой справедливости и в том своеручно подписался и печать приложил.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 299-300.
Подлинник.

№ 391

1829 г., августа 12. – Рапорт старшины Караул-ходжи Бабаджанова в Оренбургскую пограничную комиссию о даче взятки букеевскими казахами командиру Сарайчиковской крепости за пропуск на зауральскую сторону.

На предписание оной Пограничной комиссии от 17 июля сего года за № 2036, хотя она требует уведомление: на чем основан я свое донесение на есаула Назарова во взятии им с киргизов баранов за перепущение их за Урал, так как ходжа Байтак и старшины Айтуганов, Тасбулатов и киргиз Истемясов ссылку мою не утвердили, и не имею ли к доказательству своего доноса какие-либо неоспоримые доказательства, имею честь почтеннейше донести:

1. Вышеозначенный ходжа Байтак, быв послан мною в феврале месяце 1827 г. на Нижнеуральскую линию для разведывания о перешедших за Урал букеевских киргизах, возвратившись ко мне 16-го числа марта месяца, доставил именной список о перешедших киргизах с показанием в оном числе прочих, что начальником Сарайчиковой крепости есаулом Назаровым перепущено с взятием 135 баранов, о чем объявил мне и словесно ходжа Байтак, о котором от меня того же числа донесено высокостепенному хану Джангеру Букееву, которому представлен и список, составленный Байтаком, который все то, что он мне говорил, подтвердил при мне и в Уральской следственной комиссии, которая

почему донесла, что якобы Байтак ссылку мою не утвердил, сие не знаю.

2. Старшины Айтуганов и Тасбулатов и киргиз Истемясов и прочие, имена коих не упомяну, также мне показали о перепуске г. Назаровым за Урал киргизов со взятием за то баранов, равно и о прочих начальниках, с прописанием какового их показания донесено мною также к хану, об отрицательстве же их в том после я неизвестен, потому что они спрошены без меня.

3. Донесения к его высокостепенству, с показания вышеписанных ходжи, старшин и киргиза, писал находившийся при мне писарем Донского войска г. полковника Тащыка 2-го полка урядник Сергей Мясников и при спросе их (кроме ходжи Байтака) за толмача находился киргиз Тасбулат, который и теперь состоит при мне, со словесного перевода коего Мясников писал мои донесения. Все сие представляя Пограничной комиссии, имею честь доложить, что я сам на Нижнеуральской линии не был и перешедших за Урал ордынцев не видел, доносил я своему начальству о всех слухах, какие только по сему случаю до меня доходили (хотя бы они после оказались и неверными), потому более, что как дело сие есть весьма важно, то я опасаясь, дабы не подвергнуться ответственности законам за умолчание и недонесение о полученном мною сведении о столь важном деле.

Подписал: полковой есаул Караул-ходжа.

Перевел толмач Мургазин.

ЦГЛ РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1887. Л. 25-26. Перевод.

1846 г., марта 9. – Ведомость о числе учащихся в Джангеровском ордынском училище в 1844-1845 гг.

№	Имена и фамилии	Чьи дети	Где в настоящее время находится
1.	Ибрагим Джангеров	Сыновья покойного хана	В Ижевском корпусе
2.	Измаил Джангеров		В Неплюевском кадетском корпусе
3.	Ахмед-Гирей Джангеров <i>Ученики 1-го класса, жившие в училище на ханском содержании:</i>		Налицо
4.	Мухамед Бажак	Сын султана	
5.	Мухамед-Салих Караулов	Есаул	В Неплюевском кадетском корпусе
6.	Мурав-Гали Акбулгатов	Старшины	-
7.	Мухамед-Карим Джулгутов	Старшины	-
8.	Юнус Саламатов	Старшины	-
9.	Дивр Джулгутов	Старшины	-
10.	Иргали Чингалев	Султана	-
11.	Мухамед-Шах Байтуминов	Старшины	В отпуске по аулам
12.	Бердегалей Джарасов	Султана	-
13.	Хангалей Бисжанов	Султана	-
14.	Премьер Аблаев	Султан	-
15.	Аман-Галий Худайбергенов	Старшины	-
16.	Касим Кильжабаев	Советника	-
17.	Мурат Худайбергенов	Советника	-
18.	Исмухамед Кильжабаев	Старшины	-
19.	Дос-Мухамед Кильжабаев	Старшины	-
20.	Нур-Мухамед Чукиев		В отпуске по аулам
21.	Исмухамед Бостанов		
22.	Шарип Асанов		
23.	Сенд-Галий Танасов		
24.	Каус Джамалов <i>Вольнопроходящие:</i>		
25.	Арслан-Гирей Менглигиреев		
26.	Тутук Джаматаев		
27.	Мустафа Сююн-Галиев		

	2-го класса, жившие в училище:		
28.	Утя-Галий Чумбалов	Советника	
29.	Ахмед-Гирей Хансултанов	Султана	Выбыли вовсе к родителям
30.	Муфтий Джантюринов	Советника	
31.	Сейт-Батал Балкин	Советника	
32.	Юсуп Чумбалов	Советника	
	Вольноприходящие:		В Неплюевском кадетском корпусе
33.	Макатай Куха Атембетов	Киргиза	Налицо

Управляющий Ордою султана Адиль Букейханов печать свою прилагаю.

ЦГА РК. Ф. И-4. Д. 2350. Л. 341-344 об. Подлинник.

№ 664

1852 г., января 19. – Прошение туленгутов старшины Караул-ходжи Бабаджанова председателю Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженскому с просьбой о возвращении сословных привилегий.

Во времена покойных ханов Букея Нуралиханова и Джангера Букеева степные киргизы нескольких родов и отделений, пришед через Урал во Внутреннюю орду, поступили одни в ведомство родоправителей султанов, а другие биев и старшин, и они также, собравшиеся из разных родов в числе 200 кибиток, будучи в числе упомянутых ордынцев, пристали к ходже Караулу Бабаджанову, и наравне с теленгутами хана Нурали и султана Карабая, пользуясь званием теленгут-ходжи, были совершенно отделены от киргизов других родов и отделений, составляя совершенно отдельное сословие, и по настоящее время избавлялись от всех народных налогов, исключая того, что

на правах ханских теленгутов⁴⁹ служили лишь одному Караул-ходже Бабаджанову. Поэтому родоправители-султаны и старшины ни в каких случаях не касались до нас. Вследствие такого положения нашего, как в прошлом 1850 г., так и еще при жизни ходжи Караула, во время привода, распоряжением высшего начальства, в известность числа кибиток и скота киргизов всей Внутренней орды, мы были показаны совершенно отдельно от прочих родов ордынцев под именем теленгутов ходжи Караула.

Ныне же, по смерти ходжи Караула, хотя и остались дети его совершенных лет и способные к службе, но как они не занимают никаких должностей, то советники Временного совета, несмотря на наше специальное положение в звании теленгутов, причислили нас к разным родам и стали требовать от нас не положенные с нас зякет и сугум, от взноса которых хотя мы и были избавлены со времени покойного хана Джангера, тем более что посторонние теленгуты на прежнем основании от исполнения не определенных еще обязанностей и взноса остались совершенно в покое.

Будучи стеснены этим новым распоряжением Временного совета, хотя несколько раз обращались к нему с просьбами об отмене его, но настояния наши остались без всякого внимания, по вражде и неприязненным отношениям оною к покойному Караулу-ходже и его наследникам, вследствие этого мы вынужденными нашлись прибегнуть к вашему превосходительству и покорнейше просить оказать нам вашу милость

и покровительство в избавлении нас от взноса зякета и сугума по тому более уважению, что мы в первобытном нашем звании хотя и были причислены к некоторым родам, но с давнего времени, согласно с распоряжением покойного хана Джангера, пользуясь званием теленгутов, не входили в состав тех ордынцев, которые обязаны были этим взносом; и тем оставить нас в покое впредь до воспоследования от главного начальства особого положения, касающегося до всего народа: ибо как заметно в настоящее время, поместив нас сверх воли в число прочих киргизцев, родоправители умышленно намерены заставить нас заплатить большую часть недоимок, не доставленных им с подведомственных им киргизов по разным отговоркам еще с 1845 г., а может быть и раньше, и мы в таком разе должны потерять, по крайней мере, половину нашего скота и через то подвергнуться крайне несчастному положению. После же сего, с состоянием нового положения о целой Орде, если будет на нас наложен взнос зякета и сугума по числу нашего скота, то мы наравне с другими ордынцами и теленгутами с большим удовольствием и без всякого прекословия готовы вносить оные вполне, и в этом случае, в особенности, просим, не отдаляя нас от своего общества и не лишая по настоящему званию теленгутов покойного Караул-ходжи, оставить в ведомстве и наблюдении наследников-сыновей его, и во всех случаях, касающихся до нас, обращаться с требованиями прямо к ним. В заключение просим, не благоугодно ли будет вашему пре-

восходительству одного из этих наследников Караул-ходжи Мухамедшу Караулходжина, умеющего хорошо грамоте и знающего деловой порядок, назначить над нами родоправителем, не изменяя, впрочем, наши состояния, на что и будем ожидать милостивого распоряжения вашего превосходительства.

К сему прошению указной мулла Ишмухаммед Тумаев руку приложил. По незнанию грамоты тамги⁶⁰ приложили: Туксанбай Джамгурчин, Азберген Табулдин, Азмират Салих-Бабаев, Тляган Аджибаев, Куки Тангатаров, Нурум Сакизбаев, мулла Диванбай Турялеев руку приложил, Худайкул Алусбаев, Акмирза Аккужаков, Карабатыр Тиясов, Асабай Нисанбаев, Джаикбай Айтуганов, Кулчан Азбергенов, Нурман Кирдасын, Ишжан Дуйсин, Беис Сексанбаев, Сеид-Казы Кулмебетов, Джакат турдалиев, Тляугали Балгабаев, Аманджул Бутаков, Икузбай Джангутов, Туриябай Бутаканов, кул Балыкбаев, Нугай Сасанбаев, Черкаш Чуртанбаев, Иляс Даскалов, Байсингир Кулбаев, Джумат Салыкбаев, Чакир Утяпов, Илтук Кармисов, Джантук Кармисов.

Перевел зауряд-хорунжий Сангрыков.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. 2703а. Л. 1-4. Перевод.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1. *Тебеневочных невзгод* – (тебеневка) процесс добытия корма из под снега. «Киргизский скот сам отыскивает из под снега корм, сам расчищает себе снег, подвергаясь при этом голоду и сырости непогоды, делая до пасбища и обратно в день от 1-2 верст - и в возмещение такой огромной траты сил на борьбу со холодом, на ходьбу, получает мало питательный, на корню высохший корм» - пишет Букейхан А. Тандамалы – Избрание. Алматы. 1995.

2. *Табун* – тюрко-монгольское слово табун или табын означает вообще любую группу лошадей численностью более 40-50 единиц. В основе монгольского «табын» - числительное пять.

3. *Казанат* – выносливая, резвая, сильная порода казахских лошадей.

4. *Верста* – 1,0668 км

5. *Внутренней Орде* – хозяйственный упадок, углубление земельной тесноты привело к образованию в 1801 г. так называемой Букеевской или Внутренней Орды по географическому расположению, так как она образовалась между низовьями рр. Урал и Волга. До конца XVIII в. в русских документах эта территория именовалась Астраханской степью.

(См.: Ж. Артыкбаев. Казахское общество: традиции и инновации. Астана; 2003. С 120)

6. *Малой Орде* – Киши жуз (Малый, или Младший жуз). В дореволюционной исторической литературе вместо жуз употреблялся в давние времена вошедший в русский язык термин орда. (С.Г. Кляшторный. Т.И. Султанов. Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алматы. 1992. с 349-350)

7. *Джасгер Букеев* – годы правления: 1824-1845. Жангир, третий сын Букея, родился в 1804 г. Внук Нуралыхана. Начальной грамоте обучался у домашнего учителя и еще в детские годы освоил тюркскую письменность, арабский и персидский языки. Затем, по воле отца Жангир воспитывался в Астрахани, в доме губернатора. 24 июля 1824 г. в Уральске в присутствии высших членов пограничного управления Оренбурга Жангир был провозглашен ханом Внутренней (Букеевской) Орды.

(См.: Артыкбаев Ж.О. Материалы к истории правящего дома казахов. – Алматы: Фылым, 2001. С 131-132)

8. *Хан Абулхайр* – годы правления: 1718-1748. Абулхайр восходит к одному из родоначальников казахского ханства Жанибек-хану: Жанибек, его сын Усек, его сын Болекси Коян, его сын Айшуак, его сын Абулхайр. Отец Абулхайра Ходжи (Ажы), - султан из правителей Туркестана. В документе 1718 г. Абулхайр упоминается в звании хана. В 1726-1730 гг. он - организатор посольств в Россию, инициатор подданства с 1742 г., после того, как он не смог получить помощи от России, отношения с нею разладились. Абулхайр пытался воспользоваться поддержкой России для того, чтобы распространить свою власть на казахов трех жузов и Средней Азии (Бухара, Хива). В 1748 г. во время дележа добычи, захваченной у каракалпаков, он поссорился с султаном Бараком и был убит. По неучтенным данным ему было 55 лет. (См.: Артыкбаев Ж.О. Материалы к истории правящего дома казахов. – Алматы: Фылым, 2001. с 128)

9. *Поминки* – киргизы несколько раз поминают своих родственников, и обряд сей соблюдается ими весьма точно. Поминки совершаются после смерти через 40 дней, через 100 дней и через год, у иных и через 9 лет. (Левшин. А.И. Описание орд и степей казахов. // Павлодар: Библиотека казахской этнографии. 2005. с 80)

10. *Окс* – река Аму-Дарья

11. *Кумыс* – есть любимый напиток большей части всех кочевых народов, как древних, так и новых.

Кумыс приготавливается следующим образом: вливают свежее кобылье молоко в турсук, или кожаный мешок, прибавляют к нему немного кислого коровьего молока, или кургу и, оставляя смесь сио киснуть, бьют оную деревянным колотушкой, к сиоу которой приделывается деревянный же круг с провернутыми в нем скважинами, или кусок дерева, выдолбленный снизу. Через два или три дня кумыс поспевает, и его начинают употреблять, беспрестанно подбавляя вместо отлитого количества свежее кобылье молоко.

(Левшин. А.И. Описание орд и степей казахов. Павлодар: Библиотека казахской этнографии. 2005. С 30-31)

12. *Аршин* – русская диметрическая мера длины, равная 1/3 сажени или 16 вершкам, соответствует 0,711 м.

13. *Калмыков* – (*калмыки*) – тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой – ойрат. В то время они занимали территорию, ограниченную западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими песками на юге, Моголистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере.

С.Г. Кляшторный. Т.И. Султанов. Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алма-Ата. «Рауан». 1992. с. 223)

14. *Муллы* – (ар.) в традиционной казахской среде обычно учитель мусульманской грамоте, в отдельных случаях религиозный служащий. На свой вопрос, откуда родом мулла, Ш. Ибрагимов почти всегда получал ответ: «был торгующий татарин Казанской губернии. Обычно муллы-татары женились на казахках, а потому и становились в казахской среде своими людьми». Г.С. Загряжский в том же 1874 г. сообщал: у казахов, живущих в долинах рек Чу и Сырдарья, «учителями служат наши татары, сарты, а из киргиз посвящает себя обучению род Ходжи. Эти последние часто выходят на зиму в отдаленные места степи и нанимаются у учителя к богатым людям». (Казахи. – Алматы: Казахстан, 1995. с. 235)

15. *Карл Иванович* – Председатель временного совета по управлению Внутренней киргизского ордуло Фон Герн. (См.: Бабаджанов М.С. Сочинения (Составитель проф. Н.П. Ивлев). – Алматы, «Санат», 1996. с. 64)

16. *Ханы* – сокращенно от тюркского – «каган». «Вершину всей социальной иерархии представляло лицо, облеченное титулом хана. Только султана можно было провозгласить ханом. Согласно обычаю пренумерационное право на ханское достоинство имел старший в роде, и например, дядя, брат хана, считался старше своих племянников, сыновей хана» – (пишет С.Г. Кляшторный. Т.И. Султанов. Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алма-Ата. «Рауан» 1992. с. 352)

17. *Коран* – (ар.) священная книга ислама, сборник религиозных, мифологических и правовых текстов, которые легли в основу писанного мусульманского права (шариата) (Русско-казахский толковый словарь. Культурология. Павлодар. 2002. с. 53)

18. *Могометанин сунитской секты* – один из двух основных толков в исламе, распространенного во мно-

гих мусульманских странах, включая Среднюю Азию и Казахстан

19. «*Ассаям-галаякум*» – по-арабски: да будет над тобою благословение божие.

20. «*Джангеровской школы*» – при хане Жангире появились первые школы европейского образца, что явилось серьезной новацией для своего времени в Казахстане. (См.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. – Алматы: «Атамұра», 2000. с. 240)

21. *Султан Кучак-Гали Шигаев* – (Кучек-Галий, Кучук-Галий, Кучак-Галий) (1813/1815-1866) султан, есаул (с 26/1 1845), сын султана Шигая Нуралиханова, воспитанник Неплюевского военного училища, депутат Внутренней орды на Внутренней Уральской линии и Средней дистанции Нижнеуральской линии, управляющей родом кзылжурт (с 11/12 1834), управляющий 1-й частью прикаспийских казахов и родом береи (с 7/3 1851), советник Временного Совета по управлению Внутренней ордой отстранен от должности за злоупотребления в 1856), возвращен на службу и назначен правителем части (с. 5/5 1862)

22. *Ходжа Куббулына Караулова* – Копболсын Караулов (Кабулсын, Коббулсын Карагулов, Куббулсын Караулов, Кулбулсын Караулов) (род 1812), ходжа Внутренней орды, хорунжий (с 1833), старший сын старшины Караул-Ходжи Бабаджанова, воспитанник Неплюевского военного училища.

23. *Есаул* – военный чин в казахских войсках: в 1798-1884гг. – IX класса, с 1884 г. – VIII класса; соответствовал капитану.

24. *Князя Юсупова* – Юсупов Николай Борисович (1751-1831), князь, действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета.

25. *Графа Безбородки* – *Кушелева* – (1756-1815), граф, генерал-майор, брат князя А.А. Безбородко.

26. *Барантой* называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неисплаченный долг – калым или кун. Баранта производилось явно, т.е. днем, и с насильем, в случае нужды, или же тайно, воровски. В последнем случае барантачи обязаны были не позже 3-х дней известить своих соперников,

что баранта затеяна ими за то-то. (Ч. Валиханов. Этнографическое наследие казахов. Павлодар. Библиотека казахской этнографии. 2005. с. 153-154)

27. *Ватаг* – (*ватага*) – артель на рыболовном, соляном и т.п. промысле; на котлор сосредоточен такой промысел.

28. *Толмач* (*казах.* – *тілмаш*; *букв.* – *переводчик*), лицо, занимавшееся в дореволюционном Казахстане устным синхронным переводом с казахского языка на русский или наоборот. Толмач служил, с одной стороны, царской администрации, с другой - местной правящей верхушке.

29. *Султаны у казахов* – аристократическое сословие и в рассматриваемое время представляло самую влиятельную политическую силу казахского общества. Кстаи сказать, словом султан первоначально обозначалось собирательное понятие о верховной власти – владычество, господство, а также власть, правительство.

(С.Г. Кляшторный. Т.И. Султанов. Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алма-Ата. «Рауан» 1992. с. 346)

30. *Султан* – *Гирей* – Султан Гирей Хансултанов (Султан хан Султанұлы) (ум. 11/V 1871), султан, сын султана Хансултана Шигаева, управляющий поколением жетьюру (с 9/X 1855), депутат Внутренней орды в Новоузунском уезде (с. 17/VIII 1852).

31. *Сажень* – русская дометрическая линейная мера, равная трем аршинам или 2, 134 м.

32. *Временный совет* – орган по управлению Внутренней (Букеевской) ордой, после упразднения ханства 1845 году.

33. *Караул-ходжа Бабаджанов (1775-26/2 1830)* – старшина (с 1805), в 1809 г. перешел во Внутреннюю орду. При хане Джангере управлял I-й частью приморских казахов, частью казахов рода адай (с 1834). В августе 1826 г. за участие в экспедиции полковника Ф.Ф. Берга к берегам Аральского и Каспийского морей произведен в чин есаула. В 1837 г. вследствие жалоб старшины Исаята Тайманова по приказу Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского уволен от должности. Хан Джангер дважды, в 1843 и 1845 г.г., ходатайствовал перед оренбургским военным губернатором В.М. Обручевым о восстановлении его в должности, последнее из прошений

было удовлетворено. Один из наиболее влиятельных, прогрессивных и предприимчивых представителей правящей элиты Букеевского ханства. (См.: История Букеевского ханства 1801-1852 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Б.Т.Жаншев, В.А. Иночкин. С.Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс. 2002. с. 950.)

33. *КВ. Нессельроде* – Нессельроде Карл Васильевич (1780-1862), граф, статс-секретарь (с 1811), вице-канцлер (с 1828), а затем канцлер (с 1845), управляющий Министерством иностранных дел (1816-1856).

34. *П.К. Эссен* – Эссен Петр Кириллович (11/8 1772-23/9 1844) – граф (с 1833), генерал от инфантерии (с 1819), Оренбургский военный губернатор (1817-1830). Родился в Лифляндии. Служа в Гатчине, Эссен обратил на себя внимание царевича, будущего императора Павла I, и по воцелствии на престол тот перевел Эссена в лейб-гвардии Измайловский полк, в декабре 1796г. произвел в полковники, а еще через год - в генерал-майоры и назначил шефом Выборгского нехотного полка. В 1799 г. со своим полком в составе корпуса генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова принимал участие в боевых действиях в Швейцарии. В январе 1800 г. произведен в генерал-лейтенанты. По возвращении из Швейцарии Эссен назначен Выборгским военным губернатором и инспектором Финляндской линии. Командуя дивизией, Эссен принимал участие в русско-французской 1806-1807 гг. и русско-турецкой 1808-1812 гг. войнах, Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813-1814 гг. 19 января 1817 г. назначен командиром отдельного Оренбургского корпуса. Оренбургским военным губернатором. Большое внимание уделял народному образованию. В 1817 г. установил сбор с казахов, занимающихся в работники к линейным жителям. Собранные средства составили капитал для учреждения в Оренбурге Неплюевского военного училища, которое было открыто 2 января 1825 г. В 1819 г. были основаны школы для первоначального обучения казахских детей при станциях и Оренбургском казачьем полку. В 1821 г. открыта гимназия в г. Уфе. При Эссене была запрещена и строго преследовалась покупка малолетних казахских детей. По представлению Эссена произошла реформа управления казаками Младшего жуза: ликвидация ханской власти

и разделение его территории на три части. 7 февраля 1830 г. Эссен был отозван из Оренбурга и назначен Петербургским военным генерал-губернатором, а 18 апреля того же года - членом Государственного совета. Вышел в отставку в 1842 г. (Губернаторы оренбургского края. Оренбургская биографическая энциклопедия. Оренбург, 2000. с. 305)

35. *Полковник Генс-Генс Григорий Федорович (1787 - 10/5 1845)* - родился в г. Дерште, выпускник Инженерного корпуса, на военную службу поступил юнкером 20 ноября 1806г.

Через год участвовал в экспедиции для отыскания в районе Кара-Тургай «свинцовой горы». В 1818 г. ему было поручено привести в порядок богатейший архив Оренбургской губернской канцелярии пограничной комиссии. 16 января 1820 г. подполковник Генс становится начальником инженеров Отдельного Оренбургского корпуса, а через четыре года повелением императора Александра I от 4 августа 1824 г. назначается директором только что открытого Неплюевского военного училища.

Г.Ф. Генс был хорошо знаком с русской и иностранной востоковедческой литературой того времени, и в течение многих лет регулярно занимался сбором географической и историко-этнографической информации о Казахской степи и среднеазиатских ханствах. Свободно владел немецким, французским, татарским и казахским языками.

36. *Княгиня Д.Б. Багратион* - Багратион Дарья Борисовна - княгиня, вдова полковника князя А.И. Багратиона

37. *Суюнчуғали Джаналиеву* - Суюнчуғали Джаналиев (Суюнуг Джаналиев, Суюнчуғали Джангалев, Суюнчуғали Джаналиев, Суюнчуғали Жангалеев, Сюнч Джангалев, Суюнч-Ғали Джаалиев, Сююнч Джиналиев) (род. 1770), султан, внук хана Нурали, управляющий родом бер Внутренней орды

38. *Кундровские татары (карагазы)* - ногайцы, переселившиеся в Астраханскую губернию с Северного Кавказа. Получили наименование кундровских от местности Кундрау вблизи Астрахани

39. *Иван Семенович Тимирязев* - Тимирязев Иван Семенович (1790-1867), генерал-лейтенант (с 1840) астраханский военный губернатор (1834-1844).

40. *Барон Ф.А. Бюлер* - Бюлер Федор Андреевич (1821-1896), барон, дипломат, историк, воспитанник Училища правоведения, участник сенатской ревизии князя П.П. Гагарина Астраханской губернии в 1843-1844 гг. - директор Московского Главного архива МИД.

41. *Князь Гагарин* - Гагарин Матвей Петрович (ум. 1721), князь, сибирский губернатор (1711-1718), казнен в С.Петербурге.

42. *Калмыцкой ламы (тибет.)* - букв. высший, буддийский (ламаистский) монах.

43. *Гелюге (жрец)* - монах, духовное звание в ламанистской церкви.

44. *Графа Виктора Никитича Панина* - Панин Виктор Никитич (1801-1874), граф, министр юстиции.

45. *Султан Баджак* - Бажак Касымов (Баджак Касымов), (род. 1805) султан, потомок Хивинского хана Карабая, зять хана Букея, управляющий родом Алаша и частью рода жапнас (с 29/8 1853), а затем правитель Калмыцкой части Внутренней орды, в IX 1879-1880 совершил хадж в Мекку.

46. *Джантаоре* - (Джантауре, Джантаури, Джантаурия). (ок. 1759-2ХI 1809) - хан Младшего жуза (с 1805), сын хана Айчувана был при дворе императрицы Екатерины II. В начале 90-х гг. принимал участие в движении батыра Срьма Датова. По свидетельству Г.Ф. Генса, был умел и храбр. Командовал казахским отрядом в сражении при Сахарной крепости, в котором погибло 40 уральских казаков, там же был ранен пулей в ногу.

Вскоре отошел от движения и перешел на сторону Оренбургской администрации. Был избран в ханы по рекомендации Оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского и при поддержке старшин казахских родов поколения жетыру.

Против кандидатуры Джантаоре во время выборов выступил султан Каратай. Оренбургскому военному губернатору удалось достигнуть примирения последнего с новым ханом, но оно оказалось недолгим. 3 сентября 1805 г. Джантаоре был утвержден в звании хана Младшего жуза императором Александром I, однако не пользовался

сколько-нибудь значительной популярностью в степи. Был убит ночью 2 ноября 1809 г. в своем ауле на степной стороне реки Урал, напротив Сахарной крепости сторонниками султана Каратая Нуралиханова. Организаторами убийства были султаны Орман Нуралиханов и Кара Ишимов, главным же исполнителем – сын Ормана султан Шиман.

47. *Пажееский корпус* – привилегированное военно-учебное заведение. Назначение в пажи и зачисление их в корпус проводилось лично императором; право поступления в корпус предоставлялось с 1837 г. также детям военных и гражданских чиновников 1-3 классов.

48. *Туленгут (туленгуты, толенгуты, тюленгуты)* – социальная группа, состоявшая из казахов разных родов, а также представителей других народов, находившихся на службе у аристократов белой кости – чингизидов. Не пользовались равными правами с другими казахами, так как были вне родоплеменной структуры казахского общества.

49. *Тамга* – родовой знак, ставившийся вместо подписи неграмотным.

Содержание

Забывтый этнограф из Нарын песков.....	5
Лошади и их испытания во	
Внутренней киргизской орде	35
Охота во Внутренней киргизской орде	53
Из Внутренней киргизской орды	64
Внутренняя киргизская орда	67
О каменной бабе, найденной в киргизской степи	71
Заметки киргиза о киргизах	77
Заметки киргиза о житьебытье и участи его родичей	103
Спор уральских казахов с киргизами Внутренней орды	120
В Императорское русское географическое общество	134
Во временный Совет по управлению Внутреннею киргизского ордою	137
Во Временный совет по управлению киргизскою ордою	139
Примечания и Комментарии	210

Ходжа Мухаммед Салих Бабаджанов

**Этнография казахов
Букеевской Орды**

Подписано в печать 03.05.07 г.
Формат 84x100 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Объем в усл. печ. лист. 10,8.
Объем в уч. изд. лист. 8,5.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ТОО НПФ «ЭКО».
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар,
ул. 29 Ноября, 2, тел. (3182) 32-16-08

**Издательско-книготорговая фирма
«Алтын кітап»**

Для корреспонденции:

г. Астана
мкр. 3, д. 21, кв. 122
Телефон: 8 /3172/ 363881
8 701 467 17 33
E-mail: altyn_kitap @ topmail.kz

Для заказа:

РНН 301711103585
БИК 193201601
/ИИК/ счет № 026715992
В ПОФ АО «Народный Банк Казахстана»
КБЕ-19
Свидетельство № 0171405 от 03.02.2006
Серия 05915